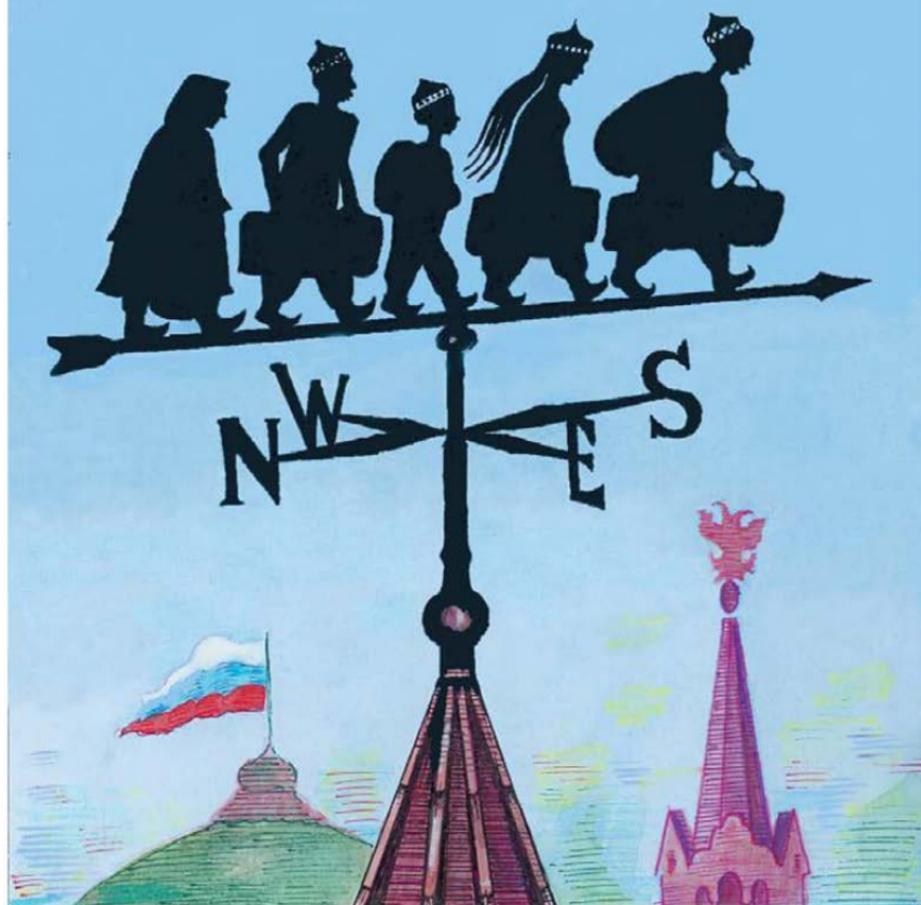

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 10 2017 г.

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ МИГРАЦИИ

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН, профессор,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф.; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Т.Р. Болдырева**, зам. главного редактора, **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, ректор РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, координатор, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, д.э.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк Новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зав. отделом ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, председатель Заксобрания Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

К.П. Глущенко, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **В.В. Лапачев**, ЗАО «НОВИЦ», д.х.н.; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., проф.; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.; **А.В. Новиков**, ректор НГУЭиУ, д.э.н.; **Д.А. Фомин**, НГУЭиУ, к.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН,
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН,
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (НГУ),
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала "ЭКО"»

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 2 "Разноцветная" экономика

Тема номера:

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ МИГРАЦИИ

- 5 ПОПКОВ Ю.В.
Усложнение этнокультурной мозаики и актуальные задачи этносоциального менеджмента
- 7 ПОПКОВ Ю.В.,
ТЮГАШЕВ Е.А.
Феномен города как межэтнического сообщества
- 20 СКАЛАБАН И.А.
«Старые» и «новые» диаспоральные сообщества в современном российском городе
- 36 МАДЮКОВА С.А.,
ПЕРСИДСКАЯ О.А.
Анклавизация как стратегия межэтнических взаимодействий в крупном городе (на примере Новосибирска)
- 52 УШАКОВ Д.В.
Изменение межэтнических установок как показатель интеграции межэтнического сообщества (по материалам исследований молодежи в Новосибирске)

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ

- 62 РАХМАНОВ А.Б.
Капиталистические классы ведущих стран мира: сравнительный анализ
- 85 ЖУКОВ С.В.,
ЗОЛИНА С.А.
Финансовый рынок – драйвер роста нефтедобычи в США
- 97 БАЛАБИН А.А.
О некоторых институциональных проблемах применения финансовых технологий в России

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 110 КОРЧАК Е.А.
Государственная политика в сфере уровня жизни в регионах Севера и Арктики РФ

УПРАВЛЕНИЕ

- 124 УЛАНОВ В.Л.,
КОВАЛЕВА А.И.
Влияние потенциала государственного материального резерва на национальную экономику

ОБРАЗОВАНИЕ

- 140 ДОНЕЦКАЯ С.С.
Реформа ничего не изменила: современные итоги реформирования российской системы присуждения ученых степеней

ИННОВАЦИИ

- 155 ЖУРАВЕЛЬ Н.М.
Экология и сырье: сосуществование в сибирских технологиях эффективно!
- 165 ХЕГАЙ Е.В.,
БАБАК Л.Н.,
МЕСРОПЯН М.А.,
ПАНОВА В.А.
Влияние технополисов на развитие предпринимательских университетов

ИНСТИТУТЫ РЫНКА

- 173 ШПИЛИНА Т.М.,
ВАСЮТИНА Е.С.
Проблемы внедрения патентной системы для регулирования самозанятости населения в российской экономике

ПСИХОЛОГИЯ

- 181 ЗАВЬЯЛОВ В.Ю.
Не поддаваться на обман и научиться сдаваться

190 SUMMARY

«Разноцветная» экономика

Современная экономика имеет множество особенностей, которые отличают ее от предшествующих хозяйственных укладов (временные границы между которыми весьма условны) и вместе с тем являются продолжением (развитием, усилением) тех процессов, которые всегда были и всегда будут, пока существует человеческая цивилизация. Эти соображения в полной мере касаются тех укладов жизни, которые формировались и развивались в различных природных и географических условиях и, как следствие, в разных этносоциальных «мирах». Когда эти «миры» находятся в «состоянии покоя» и в родных для них условиях, различия между ними весьма заметны и в значительной мере локализованы (т.е. присущи определенной территории и народам, живущим в ее границах).

«Картина мира» резко меняется, когда «миры» приходят в движение – народы меняют места своего проживания и хозяйственной деятельности. В процессе «движения» народов (их культур и хозяйственных укладов) на различных территориях формируются соотношения подходов к ведению хозяйственной деятельности, отличающиеся от преобладавших на данной территории ранее. В этом случае экономика становится все более «разноцветной» – меняются не только виды хозяйственной деятельности, но и, что не менее важно, те отношения, которые ее опосредуют. Последние все в большей степени «окрашиваются» в национальные цвета и краски тех народов и культур, которые они с собой приносят и которых они придерживаются (как тут не вспомнить «исламскую экономику»).

Рациональный путь состоит в объединении лучших черт и особенностей экономических укладов (способов ведения хозяйственной деятельности в рамках определенных этнических и культурных традиций) различных народов. В процессе формирования «единого экономического пространства», расширения известных и доступных (в разной степени) территорий для проникновения (миграции, перемещения и проч.) других народов имели место самые разные подходы. Они различались по своему характеру (от завоевания и безусловного подчинения одного этносоциального хозяйственного уклада другим до миграции и формирования нового – «синтетического» – уклада на основе различных культур и хозяйственных практик).

Для современной экономики характерно, что рост благосостояния во многих странах сопровождается снижением рождаемости и обострением проблемы рабочих рук. Однако есть и перенаселенные страны и регионы (с точки зрения доступной занятости, наличия рабочих мест и, соответ-

ственно, возможности получения средств к существованию). В связи с этим формируются и стимулируются мощные миграционные потоки – из стран Центральной Азии, Африки, Южной Америки и т.д.

Не менее значим и процесс внутренней миграции – особенно для таких стран, как Россия, Китай, Индия и др. Страны со стагнирующим населением (низкой рождаемостью и, соответственно, невысоким естественным приростом) стремятся направить миграционные процессы в желаемое русло – с учетом как своих внутренних территориальных особенностей, так и потребностей экономики страны в кадрах.

Работникам с высоким уровнем квалификации предоставляются определенные льготы, преференции и возможности скорейшей социальной адаптации. Приведем в качестве примера целенаправленное переселение в Китай с Украины квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников высокотехнологичных предприятий – таких, как «Южмаш» (ракетостроение), «Мотор Сич» (двигателестроение), фирма «Антонов» (самолетостроение). Работникам этих предприятий были обеспечены не только достойная оплата труда, но и жилье, и все необходимые условия для жизни и скорейшей адаптации в новых для них культурных условиях.

Увы, аналогичных примеров из опыта современной России (при не менее острой потребности в высококвалифицированных рабочих и инженерных кадрах) я что-то не припомню. Хотя наша страна имеет колоссальный опыт целенаправленного – профессионально- и культурно-ориентированного подхода к решению проблем миграции – от переселения крестьян в восточные регионы страны до «продвижения производительных сил на Восток» и «строек коммунизма» в XX в.

В целом в настоящее время в России доминирует, как это показано авторами настоящего номера, во многом стихийная экономическая миграция – люди перемещаются в поисках заработка и для решения своих насущных жизненных проблем (возможность жить в мирных условиях, растить детей и пользоваться теми возможностями, которые предоставляет более развитая в экономическом отношении страна).

Отсутствие со стороны государства явного запроса на навыки и умения стихийных мигрантов (не говоря уже о хозяйственных практиках, которыми те владеют в торговле, строительстве, сервисном секторе и т.д.) приводит ко многим деформациям и искажениям в экономической среде страны и ее регионов. Хрестоматийный случай – непродуманная и поспешная интеграция регионов России в единую систему финансовых расчетов в первой половине 1990-х годов. Результат – «чеченские авизо» и колоссальный отток финансовых ресурсов в теневую экономику.

Подходы к возникающим вопросам и пути их решения не новы и, как следует из предлагаемых вниманию читателей статей, основательно проработаны – от установок на адаптацию (в противовес ассимиляции) до акцента на самоорганизацию этнических сообществ (исследования Ю.Ф. Кельман – см. статью Ю.В. Попкова и Е.А. Тюгашева).

Миграционные процессы не могут рассматриваться только через призму демографии и процедур учета и регистрации. В основе подхода к изучению данных процессов и управлению ими – участие мигрантов в экономической жизни (причем с позиций не только преодоления «агрегированного» дефицита трудовых ресурсов, но и учета уникальных умений и навыков). Экономику России, ее хозяйственный уклад всегда отличал (и будет отличать) присущий только ей подход к интеграции умений и культур населяющих ее народов. К сожалению, за истекшие десятилетия данное положение во многом утратило свою конструктивную, практическую составляющую.

Усилия, предпринимаемые исследователями в сфере изучения меж-этнических взаимодействий, о которых пишут авторы настоящего номера, – это один из начальных и необходимых шагов в данном направлении. От ответов на вопрос – как различные этносы живут и видят свою жизнь в большом городе – во многом зависит, где и как в наилучшей степени могут быть применены и развиты их уникальные подходы к ведению хозяйственной деятельности.

Я солидарен с авторами данного номера в том, что прагматизм и нацеленность на взаимное обогащение культур и хозяйственных практик различных народов (в том числе мигрантов, длительное время живущих на определенной территории) – путь решения многих проблем современной России.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

Усложнение этнокультурной мозаики и актуальные задачи этносоциального менеджмента

После распада Советского Союза Россия пережила не только глубокий экономический кризис и кардинальные политические трансформации, но и «парад суверенитетов» многих национальных регионов, обострение межнациональных (межэтнических) отношений, существенную интенсификацию этномиграционных процессов. Относительная стабилизация межэтнических отношений к началу 2000-х гг. создала у федеральных органов власти иллюзию благополучия в данной сфере общественной жизни. Государство, ориентируясь на западную модель, решило «уйти» из этнонациональной сферы. Ярким свидетельством такой установки является ликвидация в России, одной из самых многонациональных стран мира, министерства национальной политики и соответствующих структур управления в регионах.

Отрезвление от ущербности «страусиной политики» пришло сразу после событий на Манежной площади в декабре 2010 г. Через два года была принята Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., а в марте 2015 г. образовано Федеральное агентство по делам национальностей. Деятельность государства в данной сфере постепенно стала приобретать более целенаправленный характер. В то же время до сих пор сохраняется неопределенность ряда концептуально значимых вопросов, недостаточная проясненность которых грозит не только чисто теоретическими издержками, но и управленческими просчетами, а вместе с ними – серьезными осложнениями в этнонациональной сфере. Ситуация в ней вряд ли кардинально улучшится в условиях наблюдаемого нарастания этнокультурной сложности общества на всех уровнях его организации.

Так, доктринальная основа современной государственной национальной политики исходит из неявного обозначения в качестве ее объекта межнациональных (межэтнических) отношений. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что именно им посвящена констатирующая часть Стратегии государственной национальной политики. Определенная в качестве важной задачи необходимость проведения мониторинга в сфере национальной политики касается также состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.

Однако складывающиеся в настоящее время межэтнические отношения представляют собой лишь актуальное проявление глубинных этносоциальных процессов, которые, как и межэтнические отношения, нуждаются в целенаправленном государственном регулировании. При этом важно иметь в виду, что этносоциальные процессы территориально локализованы в рамках конкретных межэтнических сообществ разного уровня. Поэтому в поле зрения национальной политики должны находиться не только отдельные люди, этнические группы, общественные организации и т.п., но и межэтнические сообщества в целом.

Такая установка – не только результат умозрительных построений, но и осмысленный запрос со стороны органов муниципального управления. Так, на протяжении многих лет сотрудники Института философии и права СО РАН по заказу мэрии г. Новосибирска проводят социологические исследования по конкретным вопросам национальных отношений. В 2013 г. под руководством автора была разработана и впоследствии принята Концепция реализации национальной политики в г. Новосибирске, которая ориентирует на исследование и регулирование не отдельных проблем, а комплексное их осмысление. В ней, в частности, предусмотрено проведение мониторинга межэтнического сообщества как важное условие успешного этносоциального менеджмента. В 2016 г. Российский гуманитарный научный фонд (вошедший в состав Российского фонда фундаментальных исследований) поддержал заявку на финансирование проекта № 16–03–00144 «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска».

Представленная в данном разделе подборка статей выполнена в рамках запроса мэрии и указанного проекта. Их объединяет то, что каждая из них представляет собой как бы кусочек мозаики из общей картины межэтнического сообщества. Модель его общего описания дана в концептуальной статье Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева, обосновывающей выделение городского межэтнического сообщества не только как предмета научных исследований, но и объекта регулирующего воздействия в рамках государственной национальной политики на муниципальном уровне. Прочие статьи представляют собой конкретизацию общей теоретической конструкции по отдельным значимым для существования межэтнического сообщества тематическим блокам. С учетом того, что и раньше, и в современных условиях главным фактором, провоцирующим межэтническую напряженность, выступают миграционные процессы, на их разнообразных последствиях сделан главный акцент в каждой из работ подборки. Статья И. А. Скалабан посвящена анализу различающихся моделей освоения города как пространства жизни «старыми» и «новыми» диаспоральными сообществами мигрантов. Статья С. А. Мадюковой и О. А. Персидской касается непростой и неоднозначной темы анклавизации, выступающей удобной стратегией адаптации мигрантов и одновременно создающей немало проблем для жителей принимающего сообщества. Статья Д. В. Ушакова обобщает результаты проведенных в Новосибирске исследований автора по проблемам межэтнических отношений в молодежной среде.

Следует особо подчеркнуть, что итоги исследований авторского коллектива всякий раз обсуждаются со специалистами разных подразделений мэрии и других заинтересованных учреждений, в частности, школ, и находят отражение в принимаемых решениях и управленческой практике. В настоящее время проведен новый массовый опрос населения Новосибирска по актуальным проблемам межэтнических отношений и национальной политики. Надеемся, что его результаты мы сможем представить читателям журнала «ЭКО».

Ю.В. ПОПКОВ, доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск

Феномен города как межэтнического сообщества*

Ю.В. ПОПКОВ, доктор философских наук, заместитель директора по научной работе и зав. сектором этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН, профессор Новосибирского государственного технического университета. E-mail: yuripopkov54@mail.ru

Е.А. ТЮГАШЕВ, кандидат философских наук, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. E-mail: filosof10@yandex.ru

Определены закономерности социокультурной динамики городского межэтнического сообщества, формирующиеся под влиянием миграционных процессов и государственной миграционной политики, и их влияние на этнический состав населения городов и положение отдельных этнических групп. Показана двойственная роль этнических анклавов в процессе развития городского сообщества, а также «брокеров от этничности» (этнокультурных посредников) в решении проблем этнических групп. Анализируется потенциал самоорганизации и консолидации городского сообщества в решении проблемы адаптации мигрантов. Подчеркивается значение саморепрезентации городского сообщества, прежде всего его основного этнокультурного массива, для гармонизации межэтнических отношений.

Ключевые слова: город, межэтническое сообщество, межэтнические отношения, миграционные процессы, мигранты, этнические группы, интеграция, адаптация, национальная политика

Постановка проблемы

В современных условиях одним из эпицентров межэтнической напряженности и конфликтов стали города, прежде всего крупные. Их сложная структура включает по-разному социально, территориально и функционально организованные группы мигрантов, с одной стороны, и постоянное население города, выступающее как принимающее сообщество. Это сообщество может быть дифференцировано по уровню напряженности отношения к мигрантам и характеру представления в публичном пространстве данного отношения. Исследования проблем национальной жизни городов направлены – наряду с диагностикой состояния межнациональных отношений – главным образом на изучение отдельных этнических общин и проблем адаптации у различных поколенческих волн мигрантов. Вне поля зрения исследователей

* Работа выполнена за счет гранта РГНФ (РФФИ), проект № 16–03–00144.

остаётся сложное, иерархически организованное межэтническое сообщество города, которое обладает собственными закономерностями социокультурной динамики.

Существующие программы мониторинга состояния межэтнических отношений разрабатываются, как правило, для нужд регионального управления и не учитывают точечной локализации потенциальных зон этносоциальной напряженности в городах. Как представляется, решение практических вопросов повышения эффективности национальной политики должно осуществляться, прежде всего, на муниципальном (городском) уровне и опираться на предварительное осмысление феномена города как межэтнического сообщества. В настоящей статье именно такое осмысление ставится в качестве основной задачи. Данный подход, на наш взгляд, является концептуально значимым не только с точки зрения научной составляющей. Он принципиально важен для целей государственной национальной политики, поскольку позволяет сфокусировать внимание не только на отдельных конкретных проблемах, но и видеть их, во-первых, в комплексе, во-вторых, во взаимосвязи, в-третьих, в динамике, тенденции.

Город как межэтническое сообщество

В уставах городских муниципальных образований Российской Федерации городское сообщество обычно определяется как население города, объединенное общей территорией, едиными условиями жизни и общими интересами в самостоятельном решении вопросов местного значения на основе участия в городском самоуправлении. При этом любое городское сообщество имеет сложную многоуровневую социальную организацию – территориальную, отраслевую, корпоративную, этническую и т.п. Поэтому население города представляет собой не механический агрегат жителей, а целостный организм, в котором взаимодействуют функционально значимые социальные группы.

Как целостный социальный организм город динамичен, рождается, воспроизводится, растет и может умирать. Благодаря миграционным потокам состав его жителей меняется, но индивидуальный облик обычно сохраняется, так как город осуществляет отбор мигрантов, адаптивных к его условиям и вписывающихся в городское сообщество. В то же время происходящие в городской жизни изменения могут существенно влиять на состав

населения, его структурно-функциональную организацию и, как следствие, – в целом на его социально-антропологический, этнокультурный облик.

Изменение этносоциального состава населения влечет за собой реорганизацию межэтнических отношений в городском сообществе и его социокультурную трансформацию, которая не всегда происходит гладко и безболезненно. Поскольку каждый мегаполис концентрирует группы людей различного этнического происхождения, являющихся носителями специфической этнокультуры, которая принята на их исторической родине, то в городе объективно и зачастую стихийно могут возникать предпосылки для столкновения носителей разных культур. Представителям этнокультур необходимо адаптироваться не только к новому культурному ландшафту, но и к носителям других этнокультур, занимающим определенные ниши в городском сообществе, в его этнопрофессиональной и этнотерриториальной структурах. Поэтому возникает проблема сохранения и развития города как межэтнического сообщества.

Концепт межэтнического сообщества был введен в научный оборот В. В. Мархининым и И. В. Удаловой для обозначения образующихся в результате совместного проживания целостных групп разнотнического населения [1. С. 70]. По мнению авторов, межэтническому сообществу присущи общность цели и культурно-ценностные узы единства. Межэтнические сообщества они оценивают как специфически российский феномен, возникающий благодаря способности русского этноса выстраивать отношения содружества, братства и сотоварищества с другими этносами.

Концепт межэтнического сообщества трактуется и как более общий, универсальный конструкт, фиксирующий целостный территориальный коллектив (территориально-поселенческую группу) как состоящий из представителей различных этносов (индивидов с различной этнической самоидентификацией), находящихся в неантагонистических межэтнических групповых отношениях. При этом межэтническое сообщество может рассматриваться как существующее не только в городских и сельских поселениях, но и в региональном, общероссийском, цивилизационном и глобальном масштабах [2. С. 114.]. Как межэтнические сообщества фиксируются не только территориально-поселенческие общности, но и другие коллективы.

Думается, в традиции исследования социальной экологии городских сообществ, заложенной Э.Р. Парком, следует допустить возможность существования в этих сообществах разных типов отношений. Так, в быстрорастущих городах, по мнению Э.Р. Парка, складывается социальная обстановка, напоминающая фронт-тир (граница, рубеж. – *Прим. ред.*). Он также отмечал, что даже в миграционно стабильных городских обществах могут возникать расовые беспорядки вследствие «культурного отставания» отдельных этнических групп [З. С. 71]. Следовательно, в городских межэтнических сообществах существуют отношения не только сотрудничества, но и соперничества и борьбы этнических групп.

Поэтому под межэтническим сообществом в данной статье будет пониматься исторически сложившаяся социально-антропологическая общность взаимодействующих этнических групп, занимающих определенные социальные ниши (однотипные позиции, роли, места). Соответственно, при анализе городского межэтнического сообщества значимыми субъектами являются социально локализованные этнические группы, а также отдельные представители этих групп. При диффузном распределении представителей той или иной этнической группы и отсутствии выраженной этнической специфики социальных позиций о существовании системообразующих межэтнических отношений, по-видимому, говорить не приходится.

Таким образом, межэтническое сообщество, с нашей точки зрения, следует рассматривать через призму социальных (межэтнических) взаимодействий в рамках локального (городского) межэтнического сообщества.

Закономерности развития городских межэтнических сообществ

Из истории известно, что далеко не во всех городах и мегаполисах возникала проблема адаптации иноэтничных мигрантов. Также не везде образование этнических анклавов воспринималось как угроза общественной безопасности. Многие городские сообщества органично включали в свой состав те или иные этнические группы, используя их ресурсы для собственного развития. Следовательно, имеется опыт корректного этносоциального менеджмента, гармонизирующего межэтнические отношения в городском сообществе.

Анализ истории городов древности и средневековья позволяет выделить следующие закономерности их социокультурной динамики [4. С. 198–206, 221–250], которые, как показало дальнейшее развитие, являются по сути универсальными, действующими вплоть до современности:

- демографическая несамодостаточность городов, которая в сочетании с привлекательностью городского образа жизни создавала условия для притяжения миграционных потоков;

- малые города привлекали, как правило, население той же этнической принадлежности из ближайшей округи, тогда как большие – со всей страны и из зарубежья;

- устойчивая полиэтничность крупных городов;

- наличие в крупных городах этнических кварталов (районов);

- кристаллизация в относительные обособленные этнические общины (а не растворение в городской среде) происходит при усиленном притоке мигрантов в сжатые сроки;

- возникновение у отдельных этнических групп мигрантов (особенно ее верхушки) комплекса превосходства (экономического, политического и культурного) по отношению к местному населению;

- иммигрантская верхушка быстро укореняется в городском сообществе, продвигается на высокие должности в органах государственной власти и местного управления и интегрируется с местной элитой;

- поселения иностранцев в городах могли существовать как колонии, которые использовали поддержку материнского государства для анклавизации;

- государственная власть покровительствовала этническим меньшинствам в городах, предоставляя автономию, привилегии и иные преимущества в обмен на экономическую поддержку;

- противодействие интеграции иммигрантов со стороны горожан возникало, как правило, при обострении конкуренции за обладание различными ресурсами, что вызывало усиление этнической напряженности;

- в кризисные периоды на почве ксенофобии отдельным этническим группам отводилась роль «козлов отпущения»;

- периодические этнические чистки не были последовательны, так как только ухудшали экономическое положение городов.

Оценивая уроки истории, можно заключить, что иммиграционную политику, влияющую на этнический состав населения городов и характер складывающихся межэтнических отношений, определяет правящая элита. Об этом пишут многие исследователи и журналисты, отмечая зависимость миграционной политики от текущей ситуации в экономике и отсутствие прогнозирования долгосрочных последствий этой политики.

Так, политика по привлечению мигрантов в качестве дешевой рабочей силы («замещающая миграция») обусловлена интересами бизнес-элит развитых государств, которые, наряду с традиционной демографической несамодостаточностью городов, сталкиваются с неизбежной для рыночной экономики

проблемой суженного воспроизводства рабочей силы. Национальные и транснациональные элиты традиционно решают ее не с помощью дополнительного инвестирования в человеческий капитал своих государств, а путем его замещения и, следовательно, размывания иноэтничными трудовыми ресурсами.

Значение самоорганизации городского населения

Эффективная самоорганизация отдельных этнических групп и получение их представителями ключевых позиций в городском сообществе справедливо рассматриваются как положительный пример использования традиционных этнокультурных ресурсов в среде атомизированного, разобщенного и пассивного населения города. Как пишет Е. Н. Пясецкая, такое состояние городского сообщества устраивает городскую власть, так как разрозненное население не выказывает заметного недовольства и не требует положительных изменений [5. С. 2].

Для местных органов власти и управления сотрудничество с отдельными этническими общинами, иногда аккумулирующими огромные финансовые ресурсы, ситуативно может быть более выгодным, чем общегородские интересы, контроль за реализацией которых со стороны городского населения будет осуществлен лишь в отдаленный период, главным образом во время подготовки местных выборов. Кроме того, отмобилизованные этнические общины в условиях мозаичного мира мегаполиса, его слабо регулируемого спонтанного развития иногда способны приобрести в городской политике статус «решающих меньшинств» [6. С. 301–306].

По оценке Е. Н. Пясецкой, активность местных сообществ носит неустойчивый и ситуационный характер [5. С. 3]. Ее всплески возникают по поводу случайных конфликтов с более активными и организованными субъектами (органами местной власти, бизнес-структурами, национальными диаспорами). Как только «пар выпускается», процесс самоорганизации ослабевает и застывает. Такое городское сообщество характеризуется низким уровнем солидарности и доверия, невысокой явкой на выборах. Последний показатель можно рассматривать как объективный индикатор степени консолидации городского сообщества, его готовности организованно отреагировать на вызовы времени.

Сегодня ставится своеобразная задача «возникновения сообщества» и его самоорганизации, причем на основе не только протеста перед лицом внешней угрозы, но и объединяющих позитивных событий. Для этого, как предполагается, необходима совместная деятельность, удовлетворяющая общие интересы и запускающая процесс социализации. Как отмечает С. Н. Ктиоров, в городах Предкавказья жители часто совместно проводили свой досуг на развлекательных мероприятиях, что приводило к постепенному сглаживанию этнических барьеров и изживанию замкнутости и изоляции, особенно у представителей второго и последующих поколений горожан [7. С. 36].

Зарубежный опыт показывает, что возможно создание комьюнити-центров – площадок общения, выступающих аналогами отечественных домов культуры. Последние, как свидетельствуют результаты исследования, проведенного под руководством О. Хабера, даже в постсоветский период выполняют важную социальную функцию консолидации, интеграции и репрезентации местного сообщества [8]. В рамках муниципальной деятельности создаются и особые коммуникативные площадки – мастерские, буккроссинг, обмен вещами, совместное приготовление пищи и т.п.

Многие мигранты стремятся интегрироваться в городское сообщество. Но стратегии интеграции могут быть различными. Так, подводя итоги своего исследования адаптации азербайджанцев в Москве, И. М. Кузнецов пишет, что одна категория мигрантов ориентирована на овладение ценностями и стандартами жизни крупного города, а другая – рассматривает принимающую среду преимущественно как ресурсную базу более комфортного существования в рамках своей этнокультурной традиции [9. С. 8]. Первый сценарий успешен, если городская среда воспринимается как отчетливая, вполне определенная социокультурная общность, исторически сложившаяся на базе русской культуры. «И наоборот, видение ее как размытого в социальном и культурном отношении мегаполиса, как неопределенной этнокультурной мозаики, как сугубо гражданского объединения автономных индивидов – запускает процесс анклавизации, то есть процесс воспроизводства своей традиционной (зачастую сельской) жизненной среды внутри мегаполиса» [9. С. 9].

Таким образом, этнокультурная самоорганизация и саморепрезентация городского общества, его основного этнокультурного массива имеет важное значение не только для демонстрации представительности при приеме официальных делегации и туристов, но и для гармонизации межэтнических отношений. «В итоге, – пишет И.М. Кузнецов, – именно признание этнической и культурной определенности Москвы, видение ее не как размытого и многослойного мегаполиса, а как специфической, скорее этнокультурной, нежели мало привычной на постсоветском пространстве гражданской общности, запускает механизм интеграции у мигрантов» [9. С. 21].

Необходимость четкого структурированного и понятного образа мегаполиса данный автор объясняет тем, что основная часть мигрантов являются выходцами из традиционной, преимущественно сельской среды. Вместе с тем он отмечает, что даже давно укорененные москвичи азербайджанского происхождения видят проблемность московской среды в ее атомизации и неопределенности ценностно-нормативных стандартов [9. С. 21].

Обратим внимание на то, что если атомизация населения фиксируется отечественными исследователями как значимая проблема городов, то неопределенность ценностно-нормативных стандартов в городской жизни практически не обсуждается. Вроде бы последней проблемы для городских жителей не существует. Но, разумеется, даже для приезжих из других городов той же страны возникают трудности с освоением местной городской среды, ее инфраструктуры, устоявшихся норм.

Для решения проблемы ознакомления мигрантов с местными традициями, образом и правилами жизни разрабатываются различные документы: памятки приезжим, справочники трудового мигранта, городские кодексы нравственности, чести, гостеприимства и т.п. [10]. В этой логике при регистрации имели бы смысл такие процедуры, как знакомство с уставом муниципального образования, принятие клятвы жителя города. За рубежом для сопровождения и курирования приезжих привлекаются волонтеры из числа студентов, домохозяйки и пенсионеров. Большое практическое значение имеет создание адаптационных центров, консультационных пунктов и специальных групп в образовательных организациях.

Проблема этнических анклавов

Формирование этнических кварталов (районов) с особым образом жизни – одно из проявлений объективного действия механизма территориальной фрагментации (сегрегации) городского населения. В полицентрической структуре города всегда обособлялись группы жителей (локальных сообществ) в виде отдельных городков (таунов). Например, в современных российских городах имеются военные и студенческие городки, авиа- и академгородки, «дворянские гнезда», рабочие и цыганские поселки и т.п. В первую очередь обособляются наиболее состоятельные горожане, даже отделяющие свои кварталы особыми внутригородскими стенами.

Такая социально-профессиональная сегрегация жителей оправданна не только в экономическом плане. Относительная гомогенность населения стимулирует межличностную коммуникацию, содействует выработке общих притязаний и достижению консенсуса в локальном сообществе как части городского сообщества [11. С. 11].

В то же время тенденция к анклавизации, формирующаяся под влиянием миграционных потоков, порождает немало проблем для местного сообщества. Сегодня мигранты чаще всего селятся рядом с местами занятости, по линии метро (не все из них располагают личным автотранспортом), а также в кварталах с низкой арендной платой за жилье. Обеспокоенность компактным проживанием отдельных этнических групп в городах возникает у различных субъектов городского сообщества. Из-за различий в образе жизни коренные горожане вынуждены переезжать из этих мест в другие районы. Демпинговые заработные платы мигрантов обостряют ситуацию на рынке труда. Городские власти не располагают достаточными ресурсами для контроля общественного порядка в этнотаунах. Общинно-корпоративная организация этнических групп формирует новых игроков в городском сообществе – влиятельных хозяйствующих и политических субъектов, продвигающих свои интересы и своих представителей в органы власти и управления. Возможно, именно потенциальная угроза ротации элит в городе является одним из мотивов, по которым городские власти отказываются от реализации крупных хозяйственных проектов, предлагаемых, например, китайскими предприятиями [12. С. 10–11].

В этнонаунах развивается этническая инфраструктура, воспроизводящая в условиях микрогородка привычные реалии страны исхода и обеспечивающая более комфортную адаптацию мигрантов. Положительная ценность этнонаунов для городского сообщества проявляется, в частности, в том, что на поздних стадиях их жизненного цикла они становятся в развитых странах туристической достопримечательностью. Этническое разнообразие данных кварталов, часто расположенных в центре города, привлекает артбизнес, что становится предпосылкой джентрификации – социально-художественной реконструкции этих районов. Поэтому нередко выдвигаются проекты создания этнокварталов и целых этногородков как инструментов интернационализации и этнокультурной интеграции. Например, в Лондоне в 1997 г. был официально открыт «Банглатаун» («Бенгальский город») [13].

Важно подчеркнуть возможности минимизации негативных последствий анклализации. Так, обобщив американский опыт, Ю.Ф. Кельман пришла к обоснованному выводу о том, что существует «благоприятный путь развития этнических анклавов» [14. С. 22]. Он реализуем, по ее мнению, при сочетании следующих условий:

- отсутствие внешнего давления и установка на адаптацию, а не ассимиляцию этнокультурных меньшинств;
- обеспечение правопорядка на территории анклава;
- самоорганизация этнических общин;
- развитие общедоступной этнической инфраструктуры.

Этнонауны, этнические кварталы и районы возникают на основе этнического разделения труда. Поэтому их образование следует признать объективным, естественно-историческим процессом, противостоять которому довольно сложно, особенно если учесть тот факт, что этнические мигранты часто находятся под патронажем транснациональных элит, определяющих государственную миграционную политику и реализующих крупные инвестиционные проекты с привлечением иностранной рабочей силы.

«Брокеры от этничности» (этнические лидеры)

Создание этнических кварталов – самый эффективный и быстрый способ адаптации и интеграции групп этнических мигрантов. Поскольку этнокультурный контакт неизбежен, то появляются посредники, содействующие адаптации мигрантов

в принимающем сообществе. В этнических общинах (кварталах) приезжих могут встречать лидеры общин (старшие родственники, представители работодателя, бригадиры и т.п.) и знакомить с особенностями образа жизни городского сообщества.

При росте этносоциальной напряженности городские власти сами ищут посредников из числа влиятельных представителей этнических общин. Так, в Швеции в данную категорию лиц в иммигрантских пригородах (так называемые «хорошие силы») входят руководители общественных и религиозных организаций, адаптированные семейные иммигранты.

Анализируя опыт канадского мультикультурализма, К. В. Зайка выделяет категорию «брокеров от этничности» – лидеров меньшинств, апеллирующих к этнокультурным сообществам. На практике, на ее взгляд, интересы брокеров от этничности, использующих мультикультуралистскую риторику для приобретения и накопления социального капитала, могут расходиться с интересами представляемой ими группы [15. С. 17]. Она также полагает, что брокеры от этничности, призывая к групповой солидарности и формируя этнокультурную идентичность, могут усугублять сегрегацию. На этом основании автор относит их деятельность к «реакционному мультикультурализму».

Действительно, следует согласиться с тем, что некоторые формальные лидеры (например, руководители национально-культурных организаций) не являются фактическими лидерами этнических общин и спекулируют на их интересах. Однако наряду с этим они располагают определенными возможностями, благодаря которым в отдельных случаях могут быть использованы городской властью. Хотя «брокер от этничности» зачастую выполняет чисто символические функции, но в ряде ситуаций важны именно такие функции. Кроме того, поскольку они контактируют с властями, к этим брокерам эпизодически обращаются члены общин для решения своих жизненных проблем.

Зарубежный опыт показывает, что этнокультурное посредничество может быть институционализировано и диверсифицировано. Так, встречается практика размещения на территории этнических районов (кварталов) консульств (представительств) соответствующих государств (регионов) и офисов национальных корпораций. Городские власти стимулируют размещение в таких кварталах этнопредприятий и этнокультурных центров,

проводят этноориентированные ярмарки, праздники и фестивали, спортивные мероприятия. Деятельность городского сообщества по признанию, демаркации и развитию этнотаунов становится предпосылкой их джентрификации.

Заключение

В соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. и действующей в настоящее время нормативно-правовой базой руководители регионов и отдельных муниципалитетов несут непосредственную ответственность за состояние межэтнических отношений и общее этносоциальное благополучие своих территорий. Между тем возможности органов местного самоуправления по решению вопросов этносоциального развития городов крайне ограничены. Современное законодательство расширило для муниципалитетов соответствующие права, повысило их ответственность, но в нем не прописаны необходимые для этого финансовые, кадровые и иные возможности. В известном смысле они находятся между двух огней: с одной стороны, это политика элит, определяющая географию и динамику миграционных потоков, а с другой – вероятность локальных конфликтных ситуаций, прежде всего, на бытовой почве повседневного межэтнического общения.

В долгосрочной перспективе зрелые городские сообщества так или иначе стабилизируются. Но в краткосрочной перспективе, особенно в динамично развивающихся городах, привлекающих миграционные потоки, точечная межэтническая конфронтация неизбежна. В этих условиях для опережающего отражения и регулирования тревожных процессов органам местного самоуправления желательнее использовать уже известный из мировой практики опыт городского этносоциального менеджмента. Не менее значимым представляется в рамках этого менеджмента ориентироваться не на распространенный в практике управления стиль оперативного реагирования, часто в режиме «ручного управления», на возникающие проблемы, а формировать механизм управления, базирующийся на системном подходе и стратегическом планировании. Восприятие города как межэтнического сообщества, обладающего специфическими закономерностями развития, может выступать важным условием осуществления этой актуальной задачи.

Литература

1. *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.– 2014.– Т. 12.– Вып. 1.– С. 70–78.
2. *Попков Ю. В., Костюк В. Г.* Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: теоретико-методологические и методические основы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.– 2014.– Т. 12.– Вып. 2.– С. 111–117.
3. *Парк Р. Э.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Парк Р. Э. Избранные очерки.– М.: ИНИОН РАН, 2011.– С. 66–79.
4. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма / Отв. ред. А.А. Сванидзе. – М.: Наука, 1999.– 390 с.
5. *Пясецкая Е. Н.* Местное сообщество как ресурс стратегического планирования развития муниципального образования // Политика, экономика и инновации.– 2016.– № 6.– С. 1–5.
6. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти.– М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.– 669 с.
7. *Ктиторов С. Н.* Этнические сообщества предкавказского города: проблемы адаптации и идентичности (вторая половина XIX – начало XX века).– Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. – 378 с.
8. *Donahoe B. and Habeck J. O.* (ed.) *Reconstructing the House of Culture. Community, Self, and the Makings of Culture in Russia and Beyond.*– N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2011. – 336 p.
9. *Кузнецов И. М.* Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы): автореф. дис. ... канд. социолог. наук: 23.00.02.– М., 2006.– 23 с.
10. *Черепанова М. В.* «Городские» кодексы: pro et contra // Этюды культуры: мат-лы науч.-практич. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Томск, 29 апреля 2011 г.).– Томск, 2011.– С. 22–27.
11. *Иванов П.* Городские жители и производство пространства (на примере российских городов) // ИНТЕР.– 2016.– № 11.– С. 5–15.
12. *Дятлов В. И.* Россия в предчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение.– 2008.– № 4.– С. 6–16.
13. *Меренкова О. Н.* Банглатаун в британском мегаполисе // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты 2011 г.– СПб.: МАЭ РАН, 2012.– С. 392–396.
14. *Кельман Ю. Ф.* Этнокультурное многообразие городского населения США и методы его исследования в географическом аспекте: автореф. дис. ... канд. географ. наук: 25.00.24.– М., 2016.– 26 с.
15. *Зайка К. В.* Проблема национальной интеграции в условиях возрастающего этнокультурного многообразия (на примере Канады): автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.04.– М., 2010.– 25 с.

«Старые» и «новые» диаспоральные сообщества в современном российском городе¹

И.А. СКАЛАБАН, кандидат исторических наук,
Новосибирский государственный технический университет.
E-mail: Skalaban@corp.nstu.ru

Исследуется характер функционирования и интеграции в российскую городскую среду этнических сообществ Средней Азии и Кавказа. На основе выделенных признаков диаспоры доказываются возможность идентификации этнических сообществ города как диаспоральных и обосновывается их деление на «старые» и «новые». Если для «старых» диаспоральных групп больше значим фактор отношений в городском сообществе, интеграции в политическую и экономическую элиту, то для «новых» – интеграция в городскую среду. Это позволяет охарактеризовать динамику адаптационных и интеграционных процессов в социально-территориальной среде.

Ключевые слова: диаспора, диаспоральное сообщество, мигранты, город, городская среда, межэтническое сообщество

Признаки и характеристики диаспоры и диаспоральных сообществ

Постоянный приток мигрантов в крупные российские города, рост качественного многообразия сетевых взаимодействий внутри сообществ, объединенных по этническому, религиозному и культурному признакам, появление устойчивых иммиграционных групп в городской среде способствуют образованию диаспор. Особенности процессов этнической или региональной гомогенизации диаспоральных групп, складывающаяся структура и характер отношений внутри диаспор и между ними создают в каждом городе уникальное межэтническое сообщество и соответствующий ему социокультурный ландшафт. Эти процессы активно идут не только в России, но и во всем мире, превращая диаспоры в значимый фактор политических, социально-экономических процессов на всех уровнях общественных отношений, от локального до глобального [1–5].

¹ Работа выполнена за счет гранта РГНФ (РФФИ), проект № 16–03–00144.

Казалось бы, если в городах присутствуют миграционные притоки, имеются устойчивые этнические группы, значит, есть и диаспоры. Однако далеко не все исследователи разделяют такую точку зрения. Их сомнения основываются на специфике понимания и выделения значимых признаков диаспоры, в отношении которых в современном научном сообществе нет консенсуса.

Если представить в виде шкалы всю широту современных научных взглядов на диаспору, то они расположатся в диапазоне от знака равенства между миграцией, этническим рассеянием и диаспорой [6] до придания диаспоре исключительных свойств, выходящих за пределы характеристик обычной этнической группы. Последнее позволяет ряду исследователей ставить под сомнение сам факт существования в современной России классических диаспор или возможность применения всей совокупности их признаков к этносообществам крупных российских городов, мотивируя это тем, что этническим группам свойственна разная степень развитости диаспоральных признаков [7; 8. С. 16].

Неоднозначность оценок прослеживается и в вопросе локализации диаспоры. Одни авторы указывают на неуместность применения в отношении этнической группы отдельного города категории «диаспора» как представляющей собой часть народа, проживающего вне страны исхода, и предлагают заменить его терминами «диаспоральная общность», «диаспоральное сообщество», «диаспоральное социальное образование».

Если принять такую позицию, то диаспоральные сообщества городов, где находятся устойчивые этносообщества, можно рассматривать как органическую часть диаспоры. Таким сообществам свойственны как общие для диаспоры, так и уникальные характеристики, формирующиеся под влиянием политической, экономической, социокультурной среды конкретного города, региона и влияющие на эволюцию этнических сообществ. Их выделение может позволить анализировать состояние и прогнозировать развитие этнических и диаспоральных сообществ и характер их влияния на межэтническое сообщество города. Однако важно помнить о наличии угрозы «овеществления этнических групп» [9. С. 28], что требует особой осторожности в работе с материалом и поиска адекватных показателей присутствия диаспоральных сообществ и процессов диаспоризации.

Диаспора относится к разряду категорий, которым свойственна сегодня активная дисперсия значений в семантическом и концептуальном пространствах [10. С. 63]. Не случайно многие современные российские исследования начинаются с анализа подходов к ее конструированию [1, 2, 8, 11–14]. При этом почти неслучайно стала апелляция к сложному характеру диаспоры. «Диаспоры подобны тексту с уникальным и зачастую противоречивым нарративом», заметил А. Бра [15. Р. 180]. Наряду с пониманием диаспоры как специфического типа группы или сообщества она сегодня конструируется и как практика, и как множество диаспорных проектов [16. С. 63], и как стиль жизни [17], и как совокупность накладываемых друг на друга пространств [18].

Наибольшее распространение и признание в научном сообществе получили ее признаки, предполагающие наличие:

- совокупности индивидов единого этнического происхождения (одной или родственных национальностей), живущих в иноэтническом, социокультурном окружении [6; 1. С. 121; 19. С. 86], фиксированных территориальных пространствах за пределами исторической родины [6, 15];
- особого типа идентичности, основанного на отличиях от населения «принимающего» государства и осознании общего с ним будущего [6] при относительной замкнутости и самодостаточности;
- формальных и неформальных коллективных связей, групповой солидарности [6; 17. С. 38];
- устойчивых институтов, социальных организаций для сохранения и развития этнической общности, самобытности, артикуляции этнических интересов [12. С. 37; 13. С. 15; 20], защиты и поддержки своих членов в соответствии с менталитетом диаспоры [8. С. 7], в том числе и через борьбу за публичную идентичность [21. Р. 84];
- коллективной и индивидуальной исторической памяти, мифологии [6; 15. Р. 180; 22];
- связей со страной исхода, при скорее символическом, чем реальном возвращении на родину [14; 1. С. 121].

Таким образом, потенциал устойчивости диаспоры и диаспоральных сообществ определяется их способностью к самовоспроизводству, самоорганизации в местных условиях [6]; к гибкости,

адаптивности [1. С. 121]; возможностью включать, интегрировать новые миграционные потоки, инкорпорировать мигрантов в местную, городскую среду, защищать их интересы [8], влиять на принимающее сообщество, в том числе через политическую и конфликтную мобилизацию.

Свойства «устойчивой совокупности» [20] диаспора не может получить иначе, чем через процессы распространения (рассеяния) этноса, самоорганизации его локализованных групп через постепенное приобретение институциональной устойчивости и идентификации как единой общности. Поэтому сам факт наличия этнически идентичных групп за пределами исторической родины, в том числе в пространстве одного города, ни одним исследователем в качестве достаточного основания для определения диаспоры не принимается. Однако их наличие дает основание полагать, что диаспора при определенных условиях *может* сформироваться, а обладая свойствами изменчивости, *будет* эволюционировать, усваивая и трансформируя приобретенный опыт с помощью коллективной и индивидуальной памяти.

В этом отношении есть смысл говорить о диаспоризации как процессе.

Приобретение диаспоральных свойств находится в тесной связи с современными миграционными процессами и чувствительно к их изменчивости. Диаспоризация в качестве процесса обретения отношений как внутри диаспоры, так и за ее пределами, осуществляется через практики взаимодействия конвенционального и конфликтного характера в диаспоральных сообществах, влияя на характер идентичности внутри групп и гибкость границ «свой – чужой». Поэтому если в городе существует несколько этнических групп, образовавшихся в разное время и имеющих или не имеющих в своем «бекграунде» «диаспоральную» историю, можно говорить о разной степени диаспоризации, а также – о наличии «старых» и «новых» диаспор и диаспоральных сообществ.

Диаспоризация этнических сообществ в Новосибирске

Рассмотрим ситуацию подробнее на примере диаспоральных сообществ г. Новосибирска. Их реконструкция и анализ осуществлялись в ходе исследований межэтнических отношений

в городе, проводившихся в 2014–2016 гг. с помощью методов, позволяющих взглянуть на специфику процессов диаспоризации различных сообществ с позиций как их участников (лидеров, авторитетных членов сообщества, молодежи), горожан, проживающих на локальных территориях с высокой плотностью этнически разнообразного населения, так и экспертов – исследователей и практиков.

Исследования проводились в рамках двух проектов. Первый – «Межэтнические напряжения и конфликты в г. Новосибирске» (2014/2015), осуществляемый по заказу мэрии г. Новосибирска, включал семь фокус-групп с использованием метода масштабного социального картирования, с лидерами национально-культурных автономий и национальных организаций Средней Азии и Кавказа, проживающих в городе, а также представителями местных органов власти, структур, в чьи обязанности входят контроль за этносоциальной ситуацией на территории и работа с этническими группами и местным населением по вопросам межэтнических отношений. Второй проект – «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска» (проект РГНФ (РФФИ) № 16–03–00144, рук. Ю.В. Попков). На первом этапе (2016), среди прочих задач, изучались этнические сообщества выходцев из Средней Азии и Кавказа. Анализ осуществлялся на материалах 25 ситуаций наблюдения, восьми индивидуальных интервью с лидерами диаспор, 22 интервью с молодежью, выходцами из республик Средней Азии и Кавказа, шести групповых интервью с использованием метода эскизного социального картирования с авторитетными представителями диаспор и местными жителями, проживающими в местах высокой концентрации представителей Средней Азии и Кавказа, 48 экспертных интервью.

Последующий анализ представляет собой обобщенную характеристику полученных в ходе исследования материалов.

Будучи крупным промышленным, научно-образовательным и торгово-логистическим центром регионального значения, Новосибирск (численность населения на 01.01.2017–1602915 чел.) привлекает мигрантов как своими возможностями, так и перспективами транзита в другие регионы. По данным Новосибирскстата, город имеет устойчивое положительное сальдо

миграции с 2006 г. В 2016 г. оно составило +15000 чел. Ежегодно город принимает внутренние миграционные потоки не только из своего и других регионов России, но и из-за рубежа. При этом доля прибывших из стран СНГ по отношению к другим миграционным группам все время увеличивается. Если в 2006 г. их доля составляла 11,8% от всего потока прибывших (всего – 16680, в том числе из стран СНГ – 1977), то в 2016 г. – уже 31% (прибыло 51896 чел., в том числе из стран СНГ – 16129 чел.) и лишь 18,6% из всех выбывших уехали обратно (36896, в том числе в страны СНГ – 6412 чел.)². Это позволяет предположить, что часть приехавших остается и пополняет уже имеющиеся этнические сообщества.

Обозначить их размеры сложно, поскольку в РФ отсутствует текущая статистическая информация об этническом составе граждан РФ и проживающих на территории города мигрантов. Поэтому крайними точками своеобразной шкалы разброса данных о числе лиц, составляющих этнические сообщества города, стали данные переписи населения 2010 г., в ходе которой жители Новосибирска могли добровольно указать свою этническую принадлежность, и сведения, предоставленные лидерами этнических общин и руководителями национально-культурных автономий в ходе интервью. Полученная из этих источников информация существенно различается (таблица).

Численность этнических сообществ в г. Новосибирске

Этническая принадлежность	По данным переписи населения 2010 г.	По мнению лидеров диаспоральных сообществ (примерное число проживающих на момент исследования – октябрь-ноябрь 2016 г.)	
		постоянно	временно
Езиды	2501	12000–13000	
Армяне	9806	40000	
Азербайджанцы	8008	70000	
Киргизы	6502		100000
Узбеки	12655		100000
Таджики	10054	15000	20000–30000

² Новосибирскстат. Миграция населения г. Новосибирска. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/791c3300482fe811bfd0bfed3bc4492f/Миграция+населения+г.Новосибирска.pdf

Однако сами по себе размеры групп не определяют устойчивость этносообществ в городской среде и их диаспоральный потенциал. Значимый фактор – наличие у этнической группы практик диаспоризации. Сформулируем иначе: насколько устойчива и развита этническая диаспора, чтобы направленно или опосредованно оказывать влияние на процессы диаспоризации этнической группы в конкретном городе? В этом отношении к «старым» диаспорам можно отнести армянскую, езидскую, и, отчасти, азербайджанскую. Время существования первой, самой крупной в мире, насчитывает более семи веков, а точками отсчета историй курдско-езидской и азербайджанской диаспор можно считать начало XX века. В свою очередь, если исключить многовековое присутствие части киргизских, узбекских и таджикских общин на территориях соседних государств, периодическое «возвращение» и «исключение» части из них из состава своих национальных государств из-за принудительного изменения границ, то активные процессы рассеивания этих этнических групп далеко за пределы исторической родины начались с развалом СССР, последовавшими за ним экономическим кризисом, а в ряде постсоветских стран – открытыми военными конфликтами. Однако у каждого из указанных народов эти процессы имеют как общие черты, так и особенности. Опираясь на результаты проведенного исследования, рассмотрим характер диаспоризации этнических общин в г. Новосибирске по ряду оснований.

Степень гомогенизации (однородности) этнических групп. Все изучаемые этнические сообщества Новосибирска являются негомогенными. Присущая им неоднородность обусловлена рядом факторов.

Первый: характер идентичности. Этнические сообщества формируются или на основе микрорегиональных групп (регарские, гиссарские, кулябские таджики), или включают выходцев локальных этнических групп, расположенных за границами этноса, с отличиями в языке и менталитете. Иногда значимость общей региональной принадлежности может усиливаться, формируя тесные междиаспоральные связи (например, армяне и езиды из Армении).

Второй: экономическая специализация. Микрорегиональное деление может закрепляться за счет разделения сфер экономической активности в городе между группами – выходцами из разных

территорий страны исхода. *(Они поделились... на рынке... транспортом турсунадевские, регарские – они занимаются погрузкой, разгрузкой ...обувью занимаются гармские. Но, не дай Бог, если кто-то полезет из других.)* Это создает определенные диаспоральные регулятивы, но консервирует диаспоральные противоречия, сохраняя возможность внутрдиаспоральных конфликтов, препятствует формированию этнической идентичности.

Третий фактор: стабильность проживания. Высокий удельный вес в этническом сообществе временных мигрантов тормозит процессы диаспоризации. Временные трудовые мигранты имеются у всех исследуемых этнических групп, но у «новых» их удельный вес существенно выше.

Четвертый фактор: время проживания. Принадлежность к разным миграционным волнам способствует дифференциации качественного состава, в том числе и по степени интеграции, обуславливает сильную неоднородность в экономическом благосостоянии, служит, по мнению ряда информантов из новых диаспоральных сообществ, препятствием к развитию солидарности.

Все эти факторы содействуют иерархичности внутрдиаспоральных отношений, способствуют дифференциации функций диаспоры. Если в отношении низкодоходной, недавно приехавшей ее части – это содействие адаптации, материальная, информационная помощь и поддержка, то в отношении высокодоходной диаспоральной элиты, относительно гомогенизированной или состоящей из совокупности конкурирующих групп, – это защита и лоббирование интересов, интеграция в городские и региональные группы влияния.

Самоорганизация. Дифференциация внутри этнических сообществ усложняет, но не исключает процессы самоорганизации – важное условие диаспоризации. В «старых» диаспоральных сообществах в ее основании лежит культурно-нормативная система регуляции внутрдиаспоральных отношений, обладающая высоким мобилизационным потенциалом. Например, если требуется помощь и поддержка, диаспора езидов способна аккумулировать ресурсы 500–700 своих членов в течение двух-трех дней. Она дополняется наличием диаспоральных организационных структур: объединений, фондов, общин, часто организующихся вокруг культурных и религиозных центров. Например, в г. Новосибирске только при Армянской Апостольской Церкви Сурб Аствацацин

существуют молодёжная организация «МАНКУНК», хор «Алелук», школа армянских традиционных танцев «Берд» и даже футбольный клуб МРАВ.

Важным стартовым условием и фактором самоорганизации является помощь своим. Индивидуальные и групповые интервью показали, что далеко не всегда она носит безусловный характер. Диаспоральное сообщество или его отдельные группы оценивают, насколько индивид нуждается, достоин ли помощи. Существует тонкая и гибкая грань между безусловной помощью своему, как актом священным и неперменным, и ответственностью самого индивида за возникшие проблемы.

Однако складывающиеся институциональные структуры всегда есть результирующая не только процессов солидаризации, но и конкурентности, конфликтности во внутренних и междиаспоральных отношениях. Главные сцены разворачивающихся конфликтов: пересекающиеся зоны трудовой активности, рынки труда в ряде отраслей экономики, особенно торговле и строительстве, их раздел и контроль над ними. Дополнительные факторы конфликтности – межрелигиозные и межкультурные противоречия. Это обуславливает и преимущественно закрытый характер регулирования конфликтов, легитимацию неформальных практик, включая договоренности о взаимодействии, закреплении и переделе границ. Сегодня гарантами безопасности и достижения договоренностей для мусульман все чаще выступают авторитетные исламские религиозные лидеры – выходцы из этих диаспоральных групп. Такие конфликты сложно прогнозируются и контролируются со стороны местных органов власти. В зависимости от конъюнктуры и характера протекания они могут позиционироваться как бытовые, экономические (*«Это таксисты клиентов не поделили»*) и межэтнические.

Междиаспоральные отношения этнических групп в городе сегодня также иерархичны, как и внутрдиаспоральные. В их основе лежит экономическое благополучие диаспор, особенности их интеграции в местные экономические и политические структуры. В этом плане кавказские диаспоры, по мнению экспертов-практиков, имеют более высокий статус, чем среднеазиатские. Но реальные границы хозяйственных и коммерческих отношений не всегда проходят по этническим границам групп. К примеру, в структуры торговли одной организации, идентифицируемой

местными как этнизированная, на самом деле часто входят представители разных этнических групп (организаторами и владельцами могут выступать азербайджанцы, поставщиками товара и продавцами – выходцы из разных этнических групп Средней Азии и русские).

Сложность налаживания внутри- и междиаспоральных отношений, отношений с местным населением и представительством интересов диаспоры в местных органах власти требуют от авторитетных ее представителей гибких способов формального и неформального лидерства. Интервью с лидерами общин и молодежью диаспор показали, что во всех диаспоральных общностях значима роль «известного человека». Если ты таковым являешься – должен помогать, не важно, являешься ли руководителем национально-культурной автономии, общественной организации или «просто» бизнесменом. В «новых» крупных диаспорах, где диаспоральные структуры еще слабо сформированы и часто носят множественный характер, более явно присутствует конкурентность за легальное лидерство. К примеру, в Новосибирске имеется пять зарегистрированных узбекских объединений с пересекающимися функциями и претензией на лидерство. Это усложняет процессы диаспоризации, делая этносообщество более многополярным, что понижает возможности диаспорального сообщества в диалоге с местными органами власти и общественностью.

Важным качеством лидера является и способность сохранить баланс между лояльностью исторической родине, как значимый фактор поддержания диаспоральной идентичности, и лояльностью стране проживания. Это требует осознания диаспорой и ее лидерами собственных, отличных от страны исхода, интересов.

Культурная дистанция. Демонстрируя фактическое различие во внешних признаках, поведении, культуре, образе жизни разных этнических общностей, культурная дистанция между местными и приезжими, между прибывшими представителями этнических групп влияет не только на стартовый потенциал, но и избираемые стратегии адаптации и интеграции, а также на способность и готовность принимающего общества адаптироваться к потокам мигрантов и принять их. Увеличение культурной дистанции, особенно при гомогенизации этнической группы, усиливает риск социальной изоляции и анклавизации.

И здесь наблюдаются две противоположные тенденции. Первая – значительное сокращение культурной дистанции между переселенцами первых миграционных волн, их детьми и внуками за счет достаточно высокого образовательного, профессионального, адаптивного потенциала и схожего «советского» менталитета. Вторая тенденция – углубление культурной дистанции между местным населением и новыми потоками мигрантов из Средней Азии и, отчасти, с Кавказа. Но если культурная дистанция с выходцами из кавказских стран лишь несколько увеличивается за счет усиливающихся различий между народами, проживающими в разных государствах с самостоятельной политикой и национальными приоритетами при относительном сохранении знания русского языка, то в отношении приезжих из Средней Азии ситуация выглядит сложнее.

Новые приезжие чаще всего являются выходцами с территорий с сельским образом жизни, с архаизированными за последние десятилетия социальными отношениями. Они имеют низкий социальный статус на родине, недостаточный образовательный ценз, слабое знание русского языка или его отсутствие. Из-за кризиса общественных отношений в странах Средней Азии они по приезду легко меняют стиль поведения на более маргинальный, а молодежь выходит из-под контроля старших. Актуализируется фактор родовой и территориальной принадлежности. Такое распределение обеспечивает постоянный приток мигрантов из одного и того же поселения/сообщества за счет так называемой кумулятивной обусловленности (причинности) миграции, свойственной патриархальному обществу [23; 24], и делает миграцию менее селективной.

«Старые» и «новые»: динамика отношений

«Старым» диаспоральным общностям сегодня свойственны большая открытость, широта социальных связей. Их культурная дистанция с местным населением не столь значительна. Исследования показали, что, исключая отдельные случаи, они не воспринимаются местным населением Новосибирска как фактор угрозы безопасности. «Старым» диаспорам не свойственна анклавизация, хотя клановое расселение как стратегия присутствует у езидов. Как народ без поддержки страны исхода,

они сильнее заинтересованы в сохранении этнической культуры и идентичности.

Границы внутридиаспоральных отношений в «старых» диаспорах более прозрачные и строятся не только по основаниям этничности, но и землячества. Состав диаспор более стабилен, люди имеют длительную историю проживания в городе. В руководстве диаспорой силен патерналистский, педагогический дискурс: *«Мы их воспитываем»*. Здесь ценится поддержание баланса в комплиментарности титульному этносу, стране исхода, стране и месту проживания. Инструментами поддержания идентичности выступают этнокультурный дискурс, регулярность участия в местных событиях и объединениях, поддержание связей с исторической родиной, в том числе через ее посещение. Лучше, чем в «новых» диаспоральных группах, налажены механизмы легального урегулирования конфликтов, лоббирования интересов сообщества и его членов в органах местной власти, в том числе за счет высокой правовой компетентности участников переговоров. Это отмечают и эксперты, работающие в муниципальной структурах.

«Старые» диаспоры более интегрированы в экономические отношения города (*«все работают, зарабатывают... не ходят, не кланчат»*), имеют больше накопленных экономических ресурсов, а потому сильнее зависят от коррумпированности или неэффективности действий органов власти, сохраняют вовлеченность и в неформальные практики. Как субъекты хозяйственных отношений в городской среде они более ориентированы на структуры власти, рассматривая их как гарантов безопасности и успешности. Поэтому национально-культурные автономии и общественные объединения для «старых» диаспор чаще выступают инструментом присутствия и лоббирования (*«чтобы защитить себя, чтобы быть рядом с властью»*). Отчасти через посредничество «старых» диаспор происходит и включение «новых» диаспор в экономические отношения города. Таким образом «старые» диаспоральные группы превращаются в значимых игроков на политической арене города.

Эти ориентиры наблюдаются и при описании жизненных стратегий активной молодежью. Конструирование диаспорального дискурса, этнокультурная и кризисная мобилизация – прерогатива средней и старшей диаспоральных групп, задача которых

при возникновении молодежных конфликтов – стабилизация ситуации, прекращение конфронтации. В свою очередь достижение прочного статуса и связей в органах власти, городском сообществе, городской элите для представителей молодежи – планируемый «длинный» и одобряемый диаспоральным сообществом проект. Поэтому значимая позиция в органах власти, связи в отдельных ее структурах, компетентность и опыт удачного разрешения конфликтов (*уметь решать дела...*) открывают им перспективы достижения высокого статуса и в диаспоре.

«Новые» диспоральные общности в отличие от «старых» только формируются, и их участники скорее ориентированы на освоение городской среды, чем интеграцию в городское общество. Они более чувствительны к проблемам безопасности и выше, чем представители «старых» диаспор, оценивают уровень напряженности в городской среде.

Если город для молодого человека из «старой» диаспоры – это общественное пространство, в котором он – его часть, и ролевые отношения с городом осознаются как многоплановые, а этничность – это только фрагмент ролевого набора, то в «новых» диаспорах эти отношения носят часто сервисный, обслуживающий характер. Наглядно это видно на примере территориального распространения этнических групп, рассеивания в городской среде. Для представителей «новых» диаспор «отношения» с городом функциональные: город – это работа, жилье, а для части – еще и образование. Поэтому сложность и многоплановость возможностей, которые открывает город, остаются невостребованными. Молодежи это свойственно в меньшей степени, поскольку само присутствие в городе, по их мнению, *«меняет мировоззрение»*.

Однако самые важные требования к городскому пространству для перебравшихся на постоянное жительство – это возможность трудоустройства и безопасность. Поэтому критериями выбора места жительства выступают отношение местного населения, степень криминогенности среды. Как и для местных жителей, для многих семей, приезжающих из Средней Азии, важна доступность школьного образования. Анализ эскизных карт места проживания, составленных в ходе фокус-групп авторитетными представителями диаспоральных сообществ, показали, что для киргизов ценность школ так велика, что составляет якорную

основу их жизненного пространства. А для представителей «старой» диаспоры – езидов, проживающих здесь более двадцати лет, ценность школы, стабильность работы – это освоенный ресурс. Поэтому их карты отражают интерес к дополнительным ресурсам, важным для горожанина, – стадионам. Заметим, что ценность спорта как социального лифта для получения высокого статуса в российской действительности отмечалась представителями всех изучаемых этнических групп, но не все указывали на спортивные объекты как значимую часть освоенного пространства.

В «новых», больших по размерам диаспорах, процессы самоорганизации только набирают силу. Для входящих в «новые» этнические общности значимость приобретает возможность получения от диаспоральных структур срочной помощи в случае, когда родственные и дружеские связи не срабатывают.

Нарастающая тенденция последних лет – актуализация религиозной идентичности, несколько усиливающая связи выходцев из Средней Азии и Кавказа. В меньшей степени эти интеграционные процессы коснулись мусульман – коренных жителей Сибири (сибирских татар и казахов, исторически проживающих в Новосибирской области). Как и в других крупных городах, в том числе в Москве [25], для трудовых мигрантов и прибывающих на постоянное место жительства в Новосибирск большое значение приобретает появление «своих» объектов: мечетей, культурных центров, магазинов халяльных продуктов. Однако процессы складывания публичной этно- и религиозной инфраструктуры в Новосибирске идут медленно, в том числе из-за усиливающегося сопротивления жителей ряда «спальных» микрорайонов, опасющихся высокой концентрации выходцев из Средней Азии.

Исключая массовые кризисные ситуации, требующие вмешательства «аксакалов», поколенные связи чаще ограничиваются близким социальным окружением, потому диаспоральная активность молодежи новых диаспор – это чаще короткий проект. Он направлен не столько на завоевание прочных позиций в широком диаспоральном и городском сообществе, на легальный доступ к власти, сколько на решение текущих экономических или социальных проблем, поддержание авторитета в кругу, близком по родовым, земляческим и поколенным характеристикам,

Однако активизация механизмов активного вовлечения молодежи в городские события, предложение ценных для молодежи – выходцев из Средней Азии – социальных услуг в области спорта и образования, позволяет прорвать относительно монолитность этнического контекста повседневной жизни молодежи новых диаспор в городской среде, актуализировать внеэтнические компоненты идентификации «свой» – «другой» по территориальному, социальному, субкультурному признакам. Важно, что этому способствуют как практики сотрудничества, так и конфликтности во внедиаспоральной, внеэтнической среде, способствуя включению молодежи в новые социальные сообщества и отношения. И ключевая роль здесь, безусловно, принадлежит школе.

Таким образом, город как пространство жизни в разной степени освоен «старыми» и «новыми» диаспоральными сообществами. Но есть ключевые отличия в этом процессе. Так, если для «старых» диаспоральных групп сегодня чаще *значим фактор отношений, интеграции в городское сообщество, политическую и экономическую элиту*, то для «новых» диаспоральных сообществ более актуальной является *интеграция в городскую среду*. Это позволяет предположить наличие определенной последовательности в адаптационных и интеграционных процессах в социально-территориальной среде.

Литература

1. Лошкарев И. Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Международные отношения и мировая политика.– 2014.– № 5.– С. 120–126.
2. Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутривнутриполитические и международные проблемы.– М., Научная книга, 1999.– 108 с.
3. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры.– М., 2003.– № 1.– С. 162–184.
4. Esman M. J. Diasporas in the contemporary world.– Cambridge: Polity Press, 2009.– 210 p.
5. Risse Th. Transnational actors and world politics // Handbook of International Relations / Ed. W. Carlsnaes, T. Risse and B. Simmons.– London: Sage, 2002.– P. 251–286.
6. Cohen R. Diasporas and the Nation-State: from victims to challengers // International Affairs.– 1992.– № 72 (3).– P. 507–520.
7. Малахов В. С. Этничность в Большом городе // Неприкосновенный запас.– 2007.– № 1 (51) [Эл. ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/ma19-pr.html>

8. *Дмитриев А. В.* Менталитет диаспор: социологические абстракты // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сборник статей / колл. авт.; под ред. чл.-кор. РАН, проф. А. В. Дмитриева. – М.: РУСАЙНС, 2016. – С. 7–17.
9. *Брубейкер Р.* Этничность без групп/ Пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. – 408 с.
10. *Пешкова В. М.* Особенности диаспоральных коммуникаций в современной России // Власть. – 2013. – № 10. – С. 74–78.
11. *Кондратьева Т. С.* Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. [Эл. ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm
12. *Левин З. И.* Менталитет диаспоры – М.: Институт востоковедения РАН; Изд-во «Крафт+», 2001. – 176 с.
13. *Мурзагалеев Р. И., Сулейманов А. Р., Чекрыжов А. В., Мурзагалеев Б. Р.* Диаспоры из Центральной Азии в региональном пространстве Российской Федерации: культурно-гуманитарные аспекты. – Уфа: ООО «Издательство «Диалог», 2016. – 164 с.
14. *Пешкова В. М.* Дискурсы о «диаспорах» в современной российской федеральной прессе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 1. – С. 61–79.
15. *Brah A.* Cartographies of diaspora: contesting identities. – London, 1996. – 276 p.
16. *Пустарнакова А. А.* Репрезентация этнических других в городском пространстве [Эл. ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/representatsiya-etnicheskikh-drugikh-v-gorodskom-prostranstve>
17. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. / Под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН. – 2001. – 329 с.
18. *Попков В. Д.* Феномен этнических диаспор. – М.: ИС РАН, 2003. – 340 с.
19. *Лурье С. В.* Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. – М.: Академический Проект, Деловая книга. 2005. – 624 с.
20. *Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 33–42.
21. *Sheth A.* Little India, next exit: ethnic destinations in the city // Ethnography. – Vol. 11. – № 1. (March 2010). – P. 69–88.
22. *Дятлов В. И.* Миграции, мигранты «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе. 2005 [Эл. ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/dyatlov/?library=2634>.
23. *Massey D. S., Bartley K.* The changing legal distribution of immigrants: A caution // International Migration Review. – 2005. – Vol. 39. – P. 469–484.
24. *Glick J. E.* Connecting complex processes: A decade of research on immigrant families // Journal of Marriage and Family. – 2010. – Vol. 72. – № 3 (June). – P. 498–515.
25. *Пешкова В. М.* Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. – 2015. – № 2. – С. 129–151.

Анклавизация как стратегия межэтнических взаимодействий в крупном городе (на примере Новосибирска)*

С.А. МАДЮКОВА, кандидат философских наук, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск. E-mail: sveiv@mail.ru

О.А. ПЕРСИДСКАЯ, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск. E-mail: olga_alekseevna@mail.ru

На примере Новосибирска исследуются взаимоотношения мигрантов и принимающего сообщества крупного города на основе материалов экспертного опроса, проведенного при участии авторов. Анклавизация рассматривается как особая стратегия адаптации мигрантов, заключающаяся в их частичном социально-территориальном исключении из городской среды и самоорганизации в анклавах. Анализируется двойственная природа генезиса этнического анклава – формируемого принудительно вследствие исключения доминирующей общностью и добровольно – как стратегия адаптации самих мигрантов. Сделан вывод о том, что анклав может рассматриваться как переходный этап адаптации и интеграции, поскольку позволяет иноэтничным мигрантам локально воспроизводить этнокультурную систему и социальную структуру страны исхода на новой территории. Показана ограниченность включенности анклавоподобных поселений в сеть социальных контактов города.

Ключевые слова: принимающее сообщество, иноэтничные мигранты, этнический анклав, город, адаптация, межэтнические взаимодействия

Современные крупные российские города являются точкой аккумуляции миграционных потоков, поэтому актуален анализ сложного многомерного процесса взаимодействий мигрантов и принимающего сообщества, необходимый для принятия управленческих решений в сфере регулирования «мигрантского вопроса» и прогноза последствий этих взаимодействий для локальных городских сообществ и для общероссийской экономики, культуры, социальной сферы. При выработке миграционной политики органы власти должны учитывать не только

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ-ОГОН № 16–03–00144 «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска» (руководитель Ю. В. Попков).

соображения экономической и демографической целесообразности, но и антимигрантские настроения в массовом сознании принимающего сообщества.

Целью статьи является анализ феномена анклавизации и специфики его проявления в г. Новосибирске. Она основана на анализе данных массового и экспертного опросов новосибирцев. В массовом опросе, проведенном сотрудниками Института философии и права СО РАН (ИФПР СО РАН) в 2014 г. (целевая выборка), участвовало 573 чел. Серия экспертных интервью была осуществлена социологами из НГТУ и ИФПР СО РАН в 2016 г. В качестве экспертов были выбраны представители научного сообщества, имеющие опыт исследований межэтнических отношений и миграционных процессов, и специалисты, работающие в администрациях, социальных и культурных учреждениях города и районов с этнокультурными сообществами и этническими мигрантами. В статье использованы 15 интервью с экспертами, которые позволили описать специфику феномена анклавизации в Новосибирске и выделить характерные черты восприятия анклавов принимающим сообществом города.

Как правило, говоря об этнической принадлежности представителей наиболее крупных диаспоральных групп нашей страны, выделяют украинцев, армян, казахов, азербайджанцев, белорусов [1. С. 36]. В Новосибирске, помимо отмеченных, также достаточно весомы доли проживающих в городе узбеков (0,75% от числа лиц, указавших национальную принадлежность в ходе Всероссийской переписи населения 2010 г.), татар (0,73%), немцев (0,63%), таджиков (0,61%), киргизов (0,44%) [2]. В последние годы в городе особенно возросла численность представителей народов Средней Азии.

Интенсификация миграционных процессов существенно изменяет численное соотношение, статус и взаимное влияние этнических групп во многих городах России. В городские сообщества встраиваются новые этнические группы, процесс сопровождается не только механическим приростом «видимых» мигрантов, то есть тех представителей других этносов, которые внешне отличаются от постоянного населения, но также институализацией их сообществ, пробуждением и ощутимым всплеском этнического и национального самосознания со стороны как мигрантов, так и принимающего сообщества, ростом инициативности этнически

ориентированного актива; часто эти процессы находят выражение в росте межэтнического напряжения.

«Общим местом» в массовом сознании современного горожанина является понимание под мигрантами в первую очередь именно трудовых мигрантов из Средней Азии: именно их чаще всего имели в виду эксперты в своих интервью.

Понимая город как среду обитания людей, представляющую собой динамическую открытую систему территориально-пространственных и социокультурных взаимодействий, нужно акцентировать внимание на том, что город вместе с тем является элементом систем более высокого уровня: региональной, государственной, мировой. Город и сам по себе, вне исследования миграционной проблематики, представляет собой неоднородное, сложное и многомерное образование, в котором происходят процессы социально-пространственной сегментации и дифференциации населения по экономическому, культурному, социальному, этническому и другим признакам. И именно в это внутренне неоднородное пространство города каким-то образом пытаются интегрироваться мигранты.

Вместе с количественным приростом иноэтничного населения в городах идет процесс качественного изменения их социально-культурных характеристик [3]. Необходимость заполнить рабочие вакансии в определенных отраслях экономики «предстает как проблема механического прироста не просто неких статистических рабочих рук, а *населения*, поддерживающего и воспроизводящего социально-культурную среду как исторически сложившуюся целостность с имманентным ей уровнем экономического потенциала» [4. С. 274].

Согласимся с Ю. В. Попковым и Е. А. Тюгашевым в том, что взаимодействие принимающего сообщества и мигрантов имеет структурные последствия как для первых, так и для вторых. Так, с одной стороны, под воздействием миграционных потоков хотя и сохраняется индивидуальный облик города, существенно меняются состав населения, его структурно-функциональная организация, в целом – социально-антропологический и этнокультурный характер. С другой стороны, город оказывает влияние на отбор мигрантов, адаптированных к его условиям и вписывающихся в городское сообщество [5].

Под этническим анклавом мы будем понимать локализацию людей по этническому признаку в местах проживания, в разделении труда и пр. И.С. Андронов говорит об анклавах как о «государстве в государстве», поясняя, что в городской черте этнический анклав живет по своим правилам, нормам и ценностям, создает свой внутренний рынок, этническое предпринимательство, что порождает конфликтогенную среду, повышенный уровень социальной напряженности [6].

Анклав может формироваться принудительно вследствие исключения доминирующей общностью и добровольно – как механизм самоизоляции и консервации определенной иноэтничной общности. Анклавизация как результат политики принимающего сообщества проявляется не только в плоскости бытовой ежедневной коммуникации между местным населением и мигрантами, которая чаще всего носит ограниченный характер, но и опосредована социальными, экономическими, культурными институтами, которые слабо ориентированы на социализацию мигрантов, прибывающих из других социумов [7. С. 34]. В данном контексте одной из ключевых причин возникновения этнических анклавов, на наш взгляд, является рост антимигрантских настроений у принимающего сообщества.

В серии статей о мигрантах и принимающем сообществе г. Новосибирска (подробнее о формировании стереотипов восприятия мигрантов см. [8, 9, 10]), основанных на статистическом анализе данных массовых социологических опросов, сделан вывод о том, что в отношении местного населения к мигрантам негативные оценки преобладают над позитивными. При этом в массовом сознании принимающего сообщества выделяются две группы факторов, влияющих на это отношение: первая характеризует объективные обстоятельства, порождающие проблемные ситуации во взаимоотношении местного населения и мигрантов (конкуренция за дефицитные бюджетные ресурсы, анклавизация мигрантов, усиление конкуренции за рынки труда, различающиеся модели поведения и др.), вторая касается распространяющихся в пространстве города стереотипов, слухов и домыслов в отношении мигрантов, определяющих фон межэтнического напряжения и негативного отношения к мигрантам.

Эксперты в интервью, проведенных при участии авторов в 2016 г., говоря о взаимодействиях мигрантов с принимающим

сообществом, отмечают эпизодичность таких взаимодействий, их закрытый, недружелюбный характер. «Нет желания идти на контакт. Это закрытые группы, живущие анклавом... Большое количество таких замкнутых групп, не желающих идти на контакт с принимающим сообществом... Они живут закрыто, замкнуто и демонстрируют не всегда самое доброжелательное поведение» (*Интервью с научным работником, № 9*), «Они (мигранты – авт.) говорят, мы выходим и с местным населением иногда контактируем. Ну как... Вот в магазин один пошел, кто более или менее разговаривает по-русски, купил продукты на всех, остальные молчали, ему помогали» (*Интервью с научным работником, № 11*). Представляется, что в значительной степени негативным характером взаимоотношения с мигрантами наделяет само принимающее сообщество, руководствующееся стереотипами: «Местное население... иногда жаждет подтверждения своим худшим опасениям о мигрантах» (*Интервью с научным работником, № 13*).

На основе анализа данных интервью можно заключить, что экспертное сообщество Новосибирска скорее склоняется к тому, что в городе проблема этнических анклавов стоит не очень остро, нередко звучали мнения о том, что в Москве и Санкт-Петербурге она более значима. Зачастую эксперты называли этническими анклавами территории, где концентрированно проживает значительное число трудовых мигрантов, которые воспринимаются принимающим сообществом как выбивающиеся из общей этнической картины города. В числе таких территорий эксперты упомянули рынки и некоторые окраины города, что, на наш взгляд, объяснимо двумя факторами – разделением труда по этническому принципу (трудовые мигранты из регионов Кавказа и Средней Азии заняты, в первую очередь, в строительстве, обслуживании и торговле, причем именно рыночной) и дешевизной украинного жилья даже в ущерб транспортной доступности.

Как потенциально конфликтогенные области в массовом опросе были также названы рынки, в частности, Хилокский в Кировском районе и на Гусинобродском шоссе в Октябрьском районе, а также прилегающий к нему жилой массив на ул. Высоцкого, жилые массивы на Родниках и Снегирях, окраины города. Отвечая на вопрос, какие места в Новосибирске могут стать или уже стали очагами межнациональной напряженности, респонденты особенно выделили Хилокский (49% опрошенных в массовом

опросе 2014 г.), Гусинобродский (48%), Левобережный (14%) рынки и прилегающие к ним территории. Также в число проблемных зон попали школы с многонациональным составом учащихся [11. С. 160]. В этих локусах городского пространства в глазах местного населения особенно остро стоят проблемы, связанные с вынужденной конкуренцией с мигрантами за места в детских садах и школах, возможность посетить поликлинику. В условиях ухудшения экономического положения населения данная конкуренция становится сильнее (см. [12]).

Однако сам процесс анклавизации связан со стратегией адаптации «по легкому пути» самих мигрантов к принимающему обществу, что обусловлено низким уровнем готовности сообщества мигрантов к интеграции. Причины могут лежать в плоскости как конкретных трудностей, связанных с плохим знанием русского языка и российского законодательства, со сложной бюрократизированной процедурой оформления регистрации и разрешения на работу, так и умонастроений, представлений (небезосновательных) о принимающей среде как недружелюбно настроенной. Преимущества такой адаптивной стратегии имеют вполне понятный социально-психологический характер: с одной стороны, содействие соотечественников, существование в границах микросоциума, отвечающего привычным правилам поведения, жизни, с другой – возможность сделать свое материальное экономическое положение более стабильным, чем на родине [6. С. 58].

Эксперты в нашем исследовании также нередко демонстрировали убежденность в том, что анклавы служат временной и наиболее простой формой адаптации для только что приехавших людей: «Я негативно к этому (к анклавизации – *авт.*) отношусь. Как некий переходный этап – может быть, да, когда на какой-то конкретной территории, в конкретном сообществе людям легче адаптироваться. Но проживание в таких закрытых сообществах, локальных местах должно носить временный характер» (*Интервью с научным работником, № 2*). «Насчёт анклавизации – в какой-то степени это позитивно для самих трудовых мигрантов... у них складывается такой дружный междусобойчик, коллектив, даже если в нем представители разных национальностей... Мы спрашивали у них, не возникает ли между ними конфликтов. Они говорили, вы знаете, у нас, в принципе, определенная задача:

поработать; мы живем в определенном замкнутом пространстве (это корпоративные общежития заводов,строек – *пояснение эксперта*), и нам самим, по большому счету, конфликты не нужны, потому что от этих конфликтов страдает все это маленькое сообщество» (*Интервью с научным работником, № 11*).

В современных российских городах мигрантами нередко локально воспроизводится этнокультурная система и социальная структура «страны исхода» на новой территории. Значимой здесь представляется также зависимость идентификационных стратегий самих мигрантов от влияния на них принимающего сообщества.

Механизм воспроизведения этнокультурной идентичности мигрантами находится в обратной зависимости от степени включенности в принимающее сообщество: этнокультурная идентичность трудовых мигрантов, приезжающих в Россию на короткий срок с целью заработка, минимально подвергается трансформации. С позиций социокультурной интеграции в принимающее общество сезонный вид миграции оказывается наименее благоприятным. Взаимодействие происходит преимущественно внутри своей этнической группы – таких же трудовых мигрантов; как следствие, снижена установка на изучение русского языка, аккультурация весьма ограничена [13. С. 85]. В то же время этнокультурная идентичность мигрантов, имеющих целью долгосрочное или даже постоянное проживание на территории России, трансформируется в соответствии со стереотипными образами, существующими в массовом сознании принимающего сообщества.

Анклавизация имеет положительные стороны для мигранта, упрощая и минимизируя его взаимодействия с принимающим обществом. Однако опора на традиционные структуры и практики «исключённого» проживания препятствует социализации и адаптации к городской среде, преодолению языкового барьера, мигранты лишены доступа к образованию, повышению профессиональной квалификации. Кроме того, высока вероятность превращения анклавоподобных поселений в устойчивую, преобладающую и саморазвивающуюся теневую, достаточно сильно коррумпированную субкультуру с соответствующей обслуживающей инфраструктурой, включающей официальных лиц разного уровня [7. С. 33].

При этом само принимающее сообщество неоднородно, в том числе в своем отношении к иноэтничным мигрантам. В.И. Дятлов говорит о том, что нет единого принимающего общества как такового, а есть сложный и противоречивый конгломерат акторов и их интересов. В то же время фиксируемая, а подчас и форсируемая мигрантофобия может стать (или уже становится) одним из значимых механизмов консолидации российского общества и даже основой современного этапа строительства нации [12. С. 199]. И если упрощенно воспринимать принимающее общество как некий единый организм, становится очевидным, что отсутствие интеграции и инкорпорации мигрантов обуславливает изменения социокультурного портрета этого общества, приводя к «культурному сопротивлению» принимающего общества, нацеленного на сохранение сложившейся социокультурной идентичности [14. С. 79].

Показательным примером неоднородности принимающего сообщества является уже тот факт, что мнения экспертов даже о том, существуют ли вообще анклавы в Новосибирске, разделились. Некоторые из них считают, что, в строгом понимании, поселений этнических мигрантов в виде анклавов в настоящее время в городе нет: «Может быть, конечно, что я ошибаюсь и кто-то меня переубедит, но анклавов я не чувствую» (*Интервью с сотрудником администрации, № 5*). «Слава Богу, что в городском пространстве анклавов, как таковых, у нас нет. Нет у нас однородных кварталов или жилмассивов, где жили бы только мигранты и не жило бы местное население» (*Интервью с научным работником, № 1*), «В Академгородке я этого не ощущаю» (*Интервью со специалистом культурного учреждения, № 8*).

Однако другая часть экспертов признает, что тенденция к анклавизации все же присутствует: «В местах проживания – наверное, соглашусь» (*Интервью с научным работником, № 9*). «Есть районы, где диспропорция местного населения и людей, отличающихся своими традициями, внешним обликом, велика. Хотя и там нет безусловного доминирования, все равно в определенных пропорциях присутствуют разные группы» (*Интервью с научным работником, № 1*).

Значимой в контексте данного исследования является и риторика «мигрантского вопроса». Эксперты признают, что сообщество мигрантов тоже неоднородно, и, пожалуй, неправомерно

говорить о мигрантах как о цельной группе с едиными целями, нормами и поведенческими практиками. Исследователями проблемой миграции принято выделять вынужденных и добровольных мигрантов, дифференцировать их по стране исхода, городскому/сельскому происхождению, принадлежности к этнической и/или конфессиональной группе, социальной страте и т.д. Необходимо акцентировать внимание на тот факт, что, поскольку многие иноэтнические мигранты приезжают в российские города из сельской местности, происходит смена не только ареала обитания и этнического окружения, но и самого образа жизни, продиктованного спецификой городской среды. Незнание норм и правил поведения в социальном пространстве города может приводить к различным социальным конфликтам между принимающим сообществом и мигрантами.

Особую остроту в данном контексте приобретает проблема столкновения городской и сельской ментальности: «Выходцы (неважно какой этнической принадлежности) из традиционной среды, привыкшие ориентироваться в своих суждениях и поступках на жесткую социальную структурированность, ценностно-нормативную целостность и определенность этой среды, могут (при желании) интегрироваться в такую же структурированность и целостность (пусть даже отличающуюся по содержанию от привычной для них). Однако если они сталкиваются с социальной и культурной размытостью вместо целостности, то в поисках привычной жесткой опоры стремятся воспроизвести в новой, неопределенной (с их точки зрения) среде привычные социально-культурные стандарты, т.е. оформиться в анклав» [4. С. 279–280].

Такая стратегия актуальна для старшего поколения иноэтнических мигрантов: сложно быть восприимчивым и обучаемым в зрелом возрасте. Освоение и использование новых норм часто сопряжены с одновременным переобучением, переориентированием и замещением (место-то уже занято) ценностей и взглядов, усвоенных и одобряемых на предыдущем жизненном этапе. С этой точки зрения длительное сохранение мигрантами после переезда привычного уклада вполне объяснимо и часто не подразумевает негативного отношения к принимающей культуре [15. С. 45]. В нашем исследовании эксперты также подчеркивали, что анклавизационная стратегия адаптации чаще присуща людям старшего возраста: «Наверное, эта вещь (анклавизация – *авт.*)

больше характерна для возрастной категории, когда уже есть определенные устои. И чтобы жить, нельзя их разрушить. Нельзя выжить на другой территории иначе. И духовное, душевное свое спокойствие сохранить, наверное, бабушка и сможет только в закрытой территории. Дети ее более старшего возраста. А вот молодежь, подростки, они делаются людьми мира» (*Интервью со специалистом культурного учреждения, № 4*).

Эксперты отмечают неоднородность сообщества мигрантов: на вопрос о тенденции анклавизации один из экспертов заметил: «А что, действительно есть такая тенденция? Или речь идёт именно о трудовых мигрантах? Потому что если в целом брать представителей других этносов, они очень даже диффузно распространены. У нас соседи корейцы, немцы, отдаленные потомки китайцев... А если про трудовых мигрантов – оно ж понятно, почему... Они на самом деле не столько заселяются, сколько приезжают поработать, чтобы потом снова уехать» (*Интервью с научным работником, № 13*).

Вместе с тем «общим местом» является понимание под «мигрантами» в первую очередь именно временных трудовых мигрантов. Более того, и здесь мы согласимся с И. М. Кузнецовым, «образ жизни временных трудовых мигрантов, то есть наименее интегрированной и не мотивированной к интеграции группы иноэтнических мигрантов, служит материалом для конструирования и поддержания стереотипа “лица кавказской (азиатской) национальности”, а фактически – образа агрессивного чужака, снабженного очень расплывчатыми, применимыми практически ко всем этническим группам признаками “инонациональной” принадлежности. Этот образ переносится затем на все группы, как-либо антропологически или культурно отличающиеся от основной массы городского населения. Как на те этнические группы, которые принадлежат полноправным автохтонным гражданам России, так и на представителей этнических диаспор, столетиями проживающих в России» [4. С. 283].

В работе И. М. Кузнецова, посвященной вариативности реализации интеграционного потенциала мигрантов в мегаполисе и провинции, дана удачная классификация миграционных намерений. Мигранты в данном исследовании подразделяются на две группы – ориентированные на постоянное жительство и временные трудовые: «Мигранты, *ориентированные на постоянное*

жительство и, следовательно, на интеграцию с принимающим сообществом, будут признавать приоритетность социальных и культурных ценностей и норм принимающей среды по сравнению со средой исхода; *временные трудовые мигранты* рассматривают принимающую среду как преимущественно экономический и технологический ресурс» [4. С. 277–278]. Исследование посвящено выявлению интеграционного потенциала мигрантов (на примере азербайджанцев) и особенностей его реализации в социально и культурно различающихся локальных социумах (Москва, Самара, Астрахань) в рамках изучения стратегий адаптации мигрантов в мегаполисе (Москве) и областных центрах России.

Показательным результатом данного исследования является распределение ответов на вопрос «Если бы у вас была возможность выбора, как бы вы предпочли жить в Москве?». Так, 25,4% мигрантов, ориентированных на постоянное жительство, ответили, что хотели бы жить среди своих земляков, тогда как среди временных трудовых мигрантов количество таких ответов – 56,5%. Наоборот, предпочли бы жить среди уже давно живущих здесь москвичей 52,6% мигрантов из числа ориентированных на постоянное жительство, тогда как среди временных трудовых мигрантов таковых существенно меньше – 36,1% [4. С. 277–278].

Это наглядно показывает, что тенденции анклавизации характерны в первую очередь именно для временных трудовых мигрантов, и фиксируются не только в нашем исследовании, но и в сходных исследованиях других крупных городов Российской Федерации, актуализируя проблему формирования этнических анклавов на всероссийском и даже мировом уровне. В то же время можно говорить о стремлении выйти за пределы «этнического анклава», стать «своим» среди социально/экономически успешных мигрантов, однако среди временных трудовых мигрантов таковых меньшинство, а именно на эту категорию принимающее сообщество реагирует наиболее остро.

В исследованиях тенденций анклавизации можно выделить ряд факторов, оказывающих значительное влияние на формирование зон концентрированного проживания мигрантов. В частности, исследователи говорят о языковом барьере, непонимании национальных обычаев и несоответствии ценностно-ментальных установок, которые влияют на негативное отношение к мигрантам в принимающем социуме [6. С. 57]. При этом каждый конкретный

населенный пункт обладает своими эксклюзивными чертами: речь идет, с одной стороны, о географических особенностях (климат, ландшафт и т.д.), а с другой – об уникальности социокультурной организации индивидов [16. С. 25]. Эксперты в интервью также отметили общие социальные тенденции, связанные со спецификой взаимодействия принимающего сообщества и мигрантов в условиях глобализирующегося общества: «Без культурных границ поликультурное общество не может существовать» (*Интервью с научным работником, № 1*), «Студенты приезжают – они априори живут анклавно, потому что надо держаться друг за друга, чужая страна, чужое общество» (*Интервью с сотрудником администрации, № 5*).

Кроме того, экспертами были отмечены некоторые специфичные для России в целом, и Новосибирска в частности, обстоятельства, определившие формирование проблемных зон. Это, во-первых, фактор «давления» русского принимающего сообщества: «У нас доминирует русский элемент, и русские, после распада СССР, очень уязвимо себя ощущают и считают, что у себя дома они имеют право позволить себе устанавливать те порядки отношений, которые приняты в этом обществе. С другой стороны, если эти требования и правила оказываются невыполнимы для диаспорных групп, тогда эти группы становятся менее проницаемыми, закрытыми, создаются условия для анклавизации» (*Интервью с научным работником, № 1*). Во-вторых, это социально-культурная специфика состава и расселения потока мигрантов: «Они (анклавы – авт.) были созданы в 1990-х и в начале 2000-х, когда семьи поехали и стали селиться друг с другом рядом» (*Интервью с сотрудником администрации, № 5*).

Представления принимающего сообщества о мигрантах как о маргинализованной, а подчас и криминальной группе также были высказаны в интервью: «Они позиционируют себя как “чужие” – это всегда неприятно, хочется как-то отгородиться или их отгородить» (*Интервью с научным работником, № 13*). «Будут существовать замкнуто, изолированно. Известен мусульманский фактор, экстремистский. Может взорваться» (*Интервью с научным работником, № 7*). «Анклавы возникают только там, где есть уголовный элемент» (*Интервью с сотрудником администрации, № 5*).

Говоря об анклавах в Новосибирске, эксперты так или иначе отмечали, что объединение социальной системы анклава с сетью города отсутствует, иными словами, «они адаптированы, но они не интегрированы в культуру» (*Интервью с научным работником, № 3*). Сходные процессы отмечают и другие исследователи специфики «мигрантского вопроса» в Новосибирске, говоря об изолированности мигрантов отчасти как о следствии социальной депривации, которая ведет к усугублению их социальной исключенности и объединению не на принципах принимающего общества, а на основе своих, ввезенных социальных, культурных и профессиональных норм [14. С. 78].

В целом в представлении экспертов, принявших участие в исследовании, анклавизация в Новосибирске не является значимой проблемой, и в строгом смысле анклавов на карте города нет. Образования, которые могут иметь тенденцию стать анклавами, представляют собой территории концентрированного проживания трудовых мигрантов, в основном располагающиеся у крупных рынков и на окраинах. Данные анклавоподобные поселения в значительной мере закрыты от стороннего наблюдателя, а их население ограничено вписано в сеть социальных контактов города. Поэтому они служат источником формирования самых разных представлений о себе, в том числе пугающих принимающее сообщество.

В то же время данная проблема для мирового сообщества и особенно для стран, испытывающих сильный миграционный приток, является одной из острейших. Так, во многих городах Европы анклавы перерождаются в криминальные гетто, где мигранты живут в замкнутой среде, воспроизводя модели поведения и образ жизни, характерные для стран их исхода. Сегрегация мигрантов тормозит механизмы их интеграции в принимающее сообщество, приводит к консервации в их среде архаичных моделей поведения и мировоззренческих установок. Такие тенденции опасны распространением фундаменталистских и экстремистских настроений среди мигрантов. Поэтому, как представляется, проблема анклавизации, которая сейчас есть в Новосибирске в зачаточном состоянии, все же требует особого внимания и контроля как со стороны администрации города, так и научного сообщества.

В числе мер, которые представляются экспертам полезными для смягчения проблемы анклавизации, названы создание специальных

площадок и учреждений для проведения культурных и межкультурных мероприятий: «Необходим Дом Дружбы или ресурсный центр, где они могли бы собираться вместе, что-то решать, должен быть канал, чтобы они могли доносить свой голос и влиять на общественный ландшафт» (*Интервью с научным работником, № 1*). Оптимальной стратегией развития межнациональных отношений экспертам видится их формализация через вовлечение иноэтнического населения в разного рода национально-культурные объединения и правительственные органы: «Благотворительные общества, религиозные организации, национальные организации всегда существовали не только в России, во всем мире существовали» (*Интервью с научным работником, № 9*). «Здесь должно подключаться гражданское общество и должны формироваться (государством) условия для того, чтобы все этнические группы могли иметь представительство в консультативных советах» (*Интервью с научным работником, № 1*).

Кроме того, экспертами было высказано мнение о необходимости общих прагматических целей – вне зависимости от этнической принадлежности, о преодолении понимания межэтнического общения преимущественно в плоскости культурного обмена и обогащения: «По большому счету, зачем нужно, скажем, Азербайджанскому дому сотрудничать с Еврейским культурным центром? Просто для того, чтобы обменяться своими культурами? Если нет какой-то заинтересованности, то ее и не будет. Вот возьмем Одессу лет 50 назад, когда там жили украинцы, евреи, греки, турки, болгары – сколько народов в этом городе переплелось, и там они просто не могли не взаимодействовать, их всех было много, у всех своя культура, но и взаимодействие осуществлялось. А в Новосибирске я просто не вижу такого организованного взаимодействия. Нет какой-то прагматической цели, для чего я должен с этой культурой взаимодействовать. Опять же, я могу предположить, что у ребят, которые приезжают, в идеале должна быть прагматическая задача взаимодействия с русскоязычным населением Новосибирска – настраивать коммуникации, потому что им в идеале здесь нужно адаптироваться и жить» (*Интервью с научным работником, № 14*).

Эксперты также считают перспективным «целенаправленно создавать позитивный культурно-информационный фон в тех

районах, где тенденция формирования “национальных анклавов” уже обозначилась» (*Интервью со специалистом, № 6*).

Особый интерес представляет точка зрения экспертов о значимости взаимодействия управленцев с научным сообществом: «Не знаю, есть ли у нашего регионального правительства какой-то научный консультант, который подвергал бы экспертизе управленческие решения, знакомил бы наших управленцев с мониторингом межэтнических отношений именно в нашем городе, но хорошо бы, чтобы он был. Если он будет, это будет снимать те моменты, которые порождаются именно на управленческом уровне» (*Интервью с научным работником, № 13*).

Кроме того, экспертами была зафиксирована необходимость проведения мониторинга состояния межэтнических отношений в Новосибирске. Сотрудниками ИФПР СО РАН разработаны концептуальные и методические основы социокультурного мониторинга муниципального межэтнического сообщества и начата работа по его реализации. Стоит согласиться с тем, что «объектом мониторинга должны выступать не только межнациональные отношения, но более широко – этносоциальная ситуация, локализованная в рамках конкретного межэтнического сообщества» [17. С. 158].

Значимой составляющей мониторинга является учет комплекса социальных, культурных и личностных компонентов жизни межэтнического сообщества в мегаполисе. Такой подход позволит отслеживать основные тенденции социокультурной трансформации указанного сообщества, интеграционные и дезинтеграционные процессы, протекающие в мегаполисе, и своевременно принимать управленческие решения в рамках реализации национальной политики на муниципальном уровне.

Литература

1. Арутюнян Ю.В. Об этнических диаспорах в российской среде // Социологические исследования. – 2013. – № 7. – С. 34–44.
2. Национальный состав населения муниципальных образований Новосибирской области // Эл. ресурсы. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/1331588041396d3fac47ef367ccd0f13/национальность.pdf (дата обращения: 09.05.2017).
3. Мадюкова С.А., Персидская О.А. Мигранты в социальном пространстве города // Сибирский философский журнал. – 2016. – Т. 14. – № 3. – С. 161–176.

4. Кузнецов И. М. Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. – Вып. 7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 273–288.
5. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Феномен города как межэтнического сообщества // ЭКО. – 2017. – № 10. – С. 7–19.
6. Андронов И. С. Внешние мигранты в социальной структуре населения мегаполиса // Социология и право. – 2014. – № 1 (23). – С. 55–60.
7. Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. – М.: Институт социологии РАН, 2005. – 51 с.
8. Мадюкова С. А., Персидская О. А. Субъективные и объективные аспекты восприятия мигрантов в массовом сознании принимающего сообщества (на примере г. Новосибирска) // Сибирский философский журнал. – 2015. – Т. 13. – № 4. – С. 112–119.
9. Мадюкова С. А. Стереотипы и заблуждения в восприятии мигрантов принимающим сообществом / Россия – пространство диалога народов: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. – 112 с. [С. 47].
10. Персидская О. А., Попков Ю. В., Скалабан И. А. Мигранты в межэтническом сообществе Новосибирска: специфика взаимной адаптации // Вестник НГУЭУ. – 2016. – № 3. – С. 229–239.
11. Попков Ю. В. Ориентиры муниципальной этнонациональной политики и этносоциальная ситуация в Новосибирске / Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири (под ред. Попкова Ю. В.); ИФПР СО РАН. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. – 273 с. [С. 138–171].
12. Дятлов В. И. Мигранты: проблемы безопасности и развития для России (многообразие и конфликт групп интересов в принимающем обществе) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Сб. науч. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та. 2014. – 328 с. [С. 198–209].
13. Солодова Г. С. Факторы поддержания этнокультурной идентичности мигрантов // Сибирский философский журнал. – 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 83–88.
14. Солодова Г. С., Палопеженцева М. С. Культурное сопротивление или культурная интеграция? // Сибирский философский журнал. – 2013. – Т. 11. – № 4. – С. 74–79.
15. Солодова Г. С. Интеграция мигрантов-мусульман в российское общество // Социологические исследования. – 2011. – № 4. – С. 44–49.
16. Каранов Д. П. Мигранты и принимающее общество: культурный аспект межэтнических отношений в городской среде // Политика. – 2013. – № 1. – С. 24–35.
17. Попков Ю. В., Костюк В. Г. Концептуальные и методические основы организации социокультурного мониторинга муниципального межэтнического сообщества // Сибирский философский журнал. – 2016. – Т. 14. – № 3. – С. 149–160.

Изменение межэтнических установок как показатель интеграции межэтнического сообщества

(по материалам исследований молодежи в Новосибирске)

Д.В. УШАКОВ, кандидат философских наук,
Институт философии и права СО РАН, Новосибирск.
E-mail: ushakovdmiriii@mail.ru

Рассматривается динамика межэтнических установок молодежи г. Новосибирска по материалам социологических исследований автора в 2005, 2011 и 2015 гг. Показана ее обусловленность изменением этнической структуры населения и социально-экономического положения. Сделан вывод о том, что позитивная динамика установок является важным показателем интеграции межэтнического сообщества города. Сделан акцент на приоритетах деятельности органов власти, образовательных институтов, национально-культурных организаций по гармонизации межэтнических отношений на муниципальном уровне.

Ключевые слова: город, межэтническое сообщество, миграционные процессы, интеграция, межэтнические установки, динамика установок, молодежь

Регулирование межэтнических и межрелигиозных отношений в многонациональном обществе представляет собой важную государственную задачу. Особое внимание следует уделять молодежи, у которой установки этнического сознания частично уже усвоены, а отчасти еще формируются. Кроме того, молодые люди с обостренным восприятием межгрупповых отношений более склонны, чем взрослые и пожилые, к переменам, максимализму в принятии решений и поведенческому радикализму. Молодежь всегда составляет наиболее активные группы различных политических движений, в том числе националистических. Не до конца оформленная идентичность молодого человека легче находит себя в привязке к родовым или религиозным общинам, чем к профессиональным или иным социальным группам. Поэтому именно среди молодёжи требуется наиболее тонкая педагогическая работа по воспитанию разумных и достойных граждан многонационального и поликонфессионального сообщества.

Межэтнические взаимодействия наиболее интенсивно протекают в мегаполисах, к числу которых принадлежит г. Новосибирск. Проведенные нами по заказу Управления общественных связей мэрии г. Новосибирска в 2005, 2011 и 2015 гг. панельные исследования межнациональных отношений молодежи в городе [1, 2, 3] позволяют проследить динамику этих отношений.

В ходе исследований были опрошены: в 2005 г. – 839 школьников; в 2011 г. – 588 молодых людей (460 школьников и 128 учащихся средних специальных учебных заведений (ССУЗ)); в 2015 г. – 1014 (478 школьников, 300 учащихся ССУЗов и 236 студентов вузов г. Новосибирска в возрасте 14–23 лет). Среди опрошенной молодежи наблюдается незначительный перевес девушек по сравнению с юношами (2005 г. – 54/46%, 2011 г. – 51/49%, 2015 г. – 56/44%), (по данным переписи 2010 г., в г. Новосибирске проживает 54% женщин и 46% мужчин, т.е. выборка репрезентативна по полу). Опросы проводились в учебных учреждениях всех десяти районов города пропорционально количеству проживающего населения с помощью метода случайной выборки.

*«Межэтнические установки – это установки на взаимодействие (отрицательное или положительное со всеми нюансами) с другими этническими общностями в любой сфере жизнедеятельности и в любом виде – от личностного общения с людьми иной национальности до восприятия явлений, элементов истории, культуры, типов социально-экономического развития или еще шире – иных цивилизационных форм... Социальные установки определяют, направляют деятельность человека. Этнические и межэтнические установки аккумулируют предшествующий жизненный опыт, причем не только свой, но и окружающих, ведь установки формируются в процессе социализации и затем закрепляются в навыках, без которых строить отношения просто невозможно. В процессе межэтнических взаимодействий они выполняют компенсирующую функцию в познавательном процессе, минимизируя риск. Люди могут не вполне понимать ситуации и причины тех или других явлений, но **закрепленное в установке отношение помогает избежать опасности**» [4. С. 189].*

Состояние и динамика межэтнических установок в том или ином сообществе зависят от этнической структуры населения, динамики этой структуры и реальных взаимодействий.

Изменение этнической структуры городского сообщества и мотивации межэтнических установок

Новосибирск – многонациональное сообщество. В полумиллионном городе, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., наиболее многочисленны следующие этнические группы: русские – 92,82%; украинцы – 0,92%; узбеки – 0,75%; немцы – 0,63%; таджики – 0,61%; армяне – 0,47%; киргизы – 0,44%; азербайджанцы – 0,41% и т.д. [5. С. 23].

Если в советский период национальный состав города был представлен, помимо русских, в основном украинцами, белорусами, немцами, татарами, казахами, то после развала СССР в область и город хлынули волны «новых» мигрантов из бывших советских республик: до 2000 г. – в первую очередь из Азербайджана и Армении; после 2000 г. – из республик Средней Азии. Так, за 2002–2010 гг., только по официальным данным, численность узбеков в Новосибирской области увеличилась в 6,2 раза (с 2,05 до 12,65 тыс. чел.), таджиков – в 3,6 раза (с 2,78 до 10,05 тыс. чел.), киргизов – в 4,6 раза (с 1,42 до 6,5 тыс. чел.). Из них 80–90% проживают в Новосибирске. Одновременно численность представителей «старых» национальностей и, соответственно, их удельный вес в составе населения области и города за этот период уменьшились: украинцев – в 1,5 раза, немцев – в 1,53 раза, татар – в 1,15 раза [6. С. 106–108]. В итоге узбеки по численности заняли треть в этнической структуре Новосибирска место, потеснив немцев. Если к «старожилам» города – украинцам, белорусам, немцам, татарам, казахам – русская молодежь относилась ранее и продолжает относиться сейчас скорее с симпатией, чем наоборот, то к «новым» жителям – армянам, азербайджанцам, представителям народов Средней Азии – необходим был период «привыкания» [7. С. 106–107].

В опросах мы попытались выяснить мотивы отношения молодежи (позитивного, негативного, нейтрального) к представителям разных народов. Наиболее интересными оказались ответы на открытый вопрос: «Возможно, что представители какой-то национальности тебе особо симпатичны/не нравятся (укажи)», а также высказывания о причинах такого отношения. Приведем наиболее типичные высказывания (более полные варианты опубликованы в других изданиях) [1. С. 101; 2. С. 79–85; 8. С. 222–223].

Чаще всего молодые люди отмечают положительное отношение к своему народу, так как «сами принадлежат к этой национальности»; на втором месте среди мотивов позитивного восприятия других народов оказались ответы «близость по культуре, духу»; третье и четвертое места разделили «приятность в общении» и «просто нравятся»; пятое место заняли «моральные качества». При этом мотивация положительного отношения к другим народам не слишком отличается у русской молодежи и у представителей из этнически смешанных семей. Представители других национальностей выразили позитивные оценки в большей степени по таким показателям, как «приятны в общении», «близость по культуре, духу», «моральные качества», «интеллектуально-деловые качества», «сами этой национальности» и «родина, место проживания».

Нейтральные межэтнические установки представлены следующими высказываниями, типичными для всех категорий опрошенных (русские, представители других народов и этнически смешанные семьи): «все зависит от конкретного человека», «главное, чтобы люди были хорошие», «не важно, какой национальности мой друг, важно прежде всего его отношение ко мне», «ко всем отношусь одинаково», «меня не интересует нация моих друзей», «мне не важно, какой национальности мой друг, лишь бы человек был хороший», «мне не важна национальность того, с кем общаюсь», «не вижу особой разницы, ведь все мы люди», «мне интересен сам человек», «разные люди бывают, с кем нравится, с тем и общаюсь», «общаюсь с русскими и другими народами (как говорится, внешность не важна, главное – что внутри)», «по большей части национальность не важна» и т.д.

Среди выраженных мотивов отрицательного восприятия других народов на первом месте оказались ответы: «агрессивность, война, терроризм»; на втором – отсутствие рационального мотива «не могу объяснить, не знаю»; на третьем – «жадность, воровство, обман»; на четвертом – эмоциональная неприязнь «просто неприятны, не нравятся»; на пятом месте – «жестокость, злобность, грубость». Сравнение причин негативного отношения школьников к разным народам у русских и представителей других народов показывает незначительные различия. Так, русские в качестве причин, объясняющих антипатии, больше отмечали «агрессивность, война, терроризм», а представители других

национальностей – «жадность, воровство, обман». Оценки ребят этнически смешанной принадлежности несколько ближе к ответам русских школьников, но отличаются меньшей рациональной мотивированностью – «не могу объяснить, не знаю».

Анализ динамики развития типов межэтнических установок

Межэтнические установки классифицировались по трем типам: позитивные, индифферентные и негативные. Индикаторами выбраны характер испытываемых чувств к представителям разных этносов (симпатия, никаких чувств, антипатия) (таблица). При вычислении результата нейтральные установки не учитывались, а превалирование симпатий или антипатий фиксировалось (в процентном отношении к количеству всех ответов) как разница между большим и меньшим. Средний балл высчитывался между данными, полученными за три года, по строке («+» обозначает долю превалирования в ответах симпатий над антипатиями, «-» – наоборот).

Динамика преобладания симпатий и антипатий у молодежи в отношении к представителям отдельных народов, проживающих в г. Новосибирске, в 2005–2015 гг., %

Национальность	2005	2011	2015	Средний балл
Русские	88	81	78	82
Белорусы	12	19	27	19
Украинцы	19	23	7	16
Немцы	3	15	19	12
Казахи	-5	16	13	8
Армяне	-8	6	9	2
Татары	-9	4	2	-1
Корейцы	-12	-2	6	-3
Грузины	-17	-5	4	-6
Киргизы	-15	-2	-5	-7
Евреи	-19	-9	2	-9
Азербайджанцы	-17	-4	-9	-10
Узбеки	-17	-11	-18	-15
Таджики	-20	-17	-25	-21
Чеченцы	-46	-22	-16	-28
Цыгане	-47	-37	-40	-41

Сравнение результатов социологических опросов молодежи 2005, 2011, 2015 гг. показало, что если судить по преобладанию симпатий над антипатиями, то в целом динамика межэтнических установок была положительной. Так, уровень симпатий к русским остался высоким, хотя немного снизился за десять лет, в то время как к остальным национальностям он вырос. Необходимо отметить, что наиболее высокий уровень позитивных установок в отношении к русским связан с тем, что среди опрашиваемой молодежи русских большинство.

Если в отношении к армянам и казахам в 2005 г. немного преобладали антипатии над симпатиями, то в 2011 и 2015 гг. картина несколько улучшилась и в целом стала позитивной. В 2011 г. и в отношении к татарам симпатии увеличились, но в 2015 г. они немного снизились. В 2015 г. симпатии к корейцам, грузинам и евреям превалировали, хотя средний показатель за все исследуемые годы у этих народов остался минусовым.

Отношение к киргизам, азербайджанцам, узбекам, таджикам к 2011 г. несколько улучшилось, а к 2015 г., в связи со значительными волнами миграции (в том числе и временной, трудовой), вновь ухудшилось, причем к узбекам и таджикам антипатия усилилась в сравнении с показателями 2005 г., хотя и ненамного. Несмотря на усложнение миграционного законодательства в 2014 г. и ухудшение социально-экономических условий (резкое повышение цен на жилье и продукты питания по отношению к стоимости рабочей силы), многие гастарбайтеры из Узбекистана и Таджикистана до сих пор приезжают на заработки, часто не имея информации об экономических и правовых условиях их будущего пребывания в Новосибирске. Негативное отношение к ним выражено формулой, высказанной одной девушкой: «Они из своих стран сами русских выгнали, а теперь им там жить стало невозможно, вот и едут теперь к нам за деньгами и нормальной жизнью».

Важная причина отрицательного отношения к чеченцам – память о войне, которую до сих пор не могут стереть усилия федеральных властей. Но если в 2005 г. уровень резко негативных оценок был высоким из-за событий в Беслане, то к 2015 г. антипатий к ним стало значительно меньше.

Интересным фактом явилось то, что к 2011 г. возросли симпатии к представителям украинского народа по сравнению

с 2005 г.; из-за событий на Украине количество позитивных установок значительно снизилось, но все же они преобладали над негативными. Исследование 2015 г. показало, что молодежь Новосибирска по-прежнему считает украинцев братским славянским народом.

Самое большое количество отрицательных оценок за годы проведенных обследований получили цыгане. Это связано с негативной оценкой большинством городского населения антисоциальной деятельности отдельных лиц (мошенничества, воровства и торговли наркотиками), которая нередко проецируется на весь этнос. Определенную роль в негативном образе представителей этого народа играет замкнутость их культуры, психологическая закрытость цыган при яркой внешней атрибутике этнокультурных особенностей, а также определенная доля мифологизации их образа у остального населения. Именно последнее часто оказывается решающим в эмоциональном отношении к ним. Вместе с тем в 2011 г. и в отношении этого народа негативные оценки несколько снизились. Это связано как с тем, что цыгане переориентировали свою экономическую деятельность на легальные сферы бизнеса, в частности автомобильную торговлю, так и с определенной степенью смягчения их общения с представителями других национальностей.

Наибольшую степень толерантности и меньшую – интолерантности выразили учащиеся вузов (толерантность/интолерантность – 17/3%), затем – учащиеся школ и гимназий (12/7%), и меньше всего – учащиеся средних специальных учебных заведений (колледжей) (10/9%). Таким образом, для учащихся колледжей требуется усиление работы по формированию установок толерантности и интернационализма по сравнению со школами и высшими учебными заведениями.

Сегодня необходимо повышать компетентность и профессионализм педагогов, так как количество конфликтных ситуаций при непосредственных контактах молодых людей значительно уменьшается при грамотном педагогическом подходе. При хорошо налаженной воспитательной работе в многонациональном коллективе поликультурность даже способствует большей консолидации сообщества, чем в относительно мононациональных коллективах, где проблемам межэтнического взаимодействия педагоги уделяют меньше внимания.

Условия интеграции городского межэтнического сообщества

Зафиксированный общий позитивный тренд в динамике межэтнических установок молодежи за десять лет свидетельствует об усилении интегративной тенденции в городском межэтническом сообществе. Он обусловлен рядом объективных и субъективных факторов.

Во-первых, это вызвано самой динамикой социально-экономического развития. Улучшение экономического положения региона, города, связанное с увеличением доходов населения, ведет к стабилизации межэтнических отношений, но одновременно привлекает миграционные потоки из менее экономически благополучных регионов и стран. В свою очередь значительное усиление миграции (в том числе и трудовой «маятниковой») ведет к дестабилизации межэтнических отношений, а в связи с усилением социальной нагрузки на сложившуюся инфраструктуру города вызывает негативную реакцию у представителей принимающего сообщества и такую же ответную – у прибывающего. Вместе с тем кризисные тенденции в экономике тормозят миграционные потоки, но усиливают при этом конкуренцию между вновь прибывающими и старожилами.

Во-вторых, своевременная реакция органов власти федерального, регионального и местного уровней, административно-правовое регулирование, разработка, внедрение и реализация ими более продуманной национальной политики и миграционного законодательства приводят к уменьшению миграционного потока. Соответственно, это снижает социальную напряженность среди принимающего населения, но усиливает её со стороны прибывающего.

В-третьих, на интеграцию межэтнического сообщества влияют стабильность в целом, сложившиеся межэтнические отношения, традиции, хранимые и воспроизводимые самими жителями города. Новосибирск долгие годы формировался значительными волнами миграции, при этом вновь прибывающие пользуются поддержкой среди ранее приехавших, которые помнят сложности адаптации на новом месте и готовы помогать новичкам. Кроме этого, в Новосибирске в последние годы не зарегистрированы сколь-нибудь значительные конфликты на уровне отдельных этнических групп по поводу современных политических событий.

В-четвертых, ситуация зависит от культурно-просветительской политики областной администрации и мэрии города, осуществляемой совместно с Ассоциацией национально-культурных автономий и организаций. Усиление акцентов на интернациональном воспитании в деятельности учреждений культуры, средствах массовой информации, образовательно-воспитательных учреждениях, в том числе в школах, средних специальных учебных заведениях и вузах города, оказывает значительное влияние на улучшение межэтнических отношений в последние годы.

В-пятых, усиление координации работы властных структур, национально-культурных автономий и органов общественного управления также приносит свои позитивные плоды в деле гармонизации межнациональных отношений как в целом среди городского населения, так и среди молодежи.

Вместе с тем остаются нерешенными проблемы формирования позитивных межэтнических установок молодежи. Среди них – недостаточная теоретическая, юридическая, методическая и материальная помощь педагогам, работающим с многонациональным составом учащихся; общий уравнивающий подход со стороны управления образования ко всем учебным учреждениям, не учитывающий проблемы и трудности в работе педагогов, имеющих дело с многоэтничными коллективами; слабая пропаганда позитивного опыта разрешения конфликтов как в реальных событиях, так и в интернет-пространстве, где сегодня наиболее остро сконцентрированы психоэмоциональные напряжения, касающиеся межэтнических отношений молодежи. Полагаем, что эту работу целесообразно продолжить по следующим направлениям:

- важно воспитывать подрастающее поколение в дошкольных учреждениях, школах, средних специальных учебных заведениях и вузах в духе уважения к традициям и культуре разных народов;

- следует более широко освещать позитивный опыт межнационального общения в средствах массовой информации (радио, телевидение, Интернет);

- всем участникам информационного процесса важно осуждать и пресекать выделение социальной иерархии на основе национальных признаков, разнообразные проявления межнационального неприятия среди молодежи;

– необходимо информировать молодых людей об административной и уголовной ответственности за нанесение оскорблений личности, пропаганду и разжигание национальной розни, за распространение экстремистских установок не только лично, но и публично, в социальных сетях;

– средствам массовой информации необходимо представлять существующую картину межэтнических отношений наиболее адекватно и идеологически беспристрастно, что предполагает, в частности, опору на результаты современных научных исследований в сфере межэтнических отношений;

– следует более активно привлекать представителей национально-культурных организаций к сотрудничеству с органами власти, территориального общественного самоуправления, других структур гражданского общества.

Литература

1. Ушаков Д. В. Межнациональные отношения городских школьников (по материалам социологического исследования в г. Новосибирске). – Новосибирск: ИИЦ «Вестник НРСОО», 2006. – С. 100–101.
2. Ушаков Д. В. Новосибирск многонациональный: Межэтнические отношения и воспроизводство этничности. – Новосибирск: ООО Изд. дом «Манускрипт», 1993. – С. 79–85.
3. Ушаков Д. В. Современная социокультурная среда межэтнических отношений молодежи Новосибирска // Вестник НГУ. Сер.: Философия. – 2015. – Т. 13. – Вып. 4. – С. 134–143.
4. Арутюнян Ю. В. Этносоциология: Учебное пособие для вузов / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижина, А. А. Сусоколов. – М.: Аспект Пресс, 1998.
5. Национальный состав населения Новосибирской области: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // Территориальный орган Федеральной службы статистики по Новосибирской области. Новосибирск, 2012. – С. 23; URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/1331588041396d3fac47ef367ccd0f13/национальность.pdf, (дата обращения: 10.06.2017).
6. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – Т. IV. Кн. 1. – С. 106–108.
7. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – С. 106–107.
8. Ушаков Д. В. Современные установки межэтнических отношений молодежи (по результатам социологических исследований в г. Новосибирске) // Этносоциологию – молодым: Материалы международных школ молодых этносоциологов / под ред. Ю. В. Попкова, Е. А. Ерохиной. – Новосибирск, 2013. – Вып. 2. – С. 222–223.

Капиталистические классы ведущих стран мира: сравнительный анализ

А.Б. РАХМАНОВ, доктор философских наук,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Автор, анализируя значительный эмпирический материал, выявляет основные характеристики капиталистических классов 23 ведущих стран мира. Рассматриваются такие параметры, как численность, размеры совокупного богатства, гендерный состав, территориальное размещение, глобальная мобильность, отраслевая специализация, олигархичность и др. Сильными сторонами бизнес-элиты России являются значительный объем ее богатства, молодость и одаренность, слабыми – малочисленность и недостаточная укорененность в обществе, гиперконцентрация в Москве, финансово-сырьевая ориентация и высокий уровень олигархичности.

Ключевые слова: глобальный капитализм, транснациональный капиталистический класс, бизнес-элита, миллиардеры, миллионеры, метрополис, глобальная мобильность, отраслевая специализация, олигархия; человек, который сам себя сделал; одаренность, Россия

В начале XXI века ведущим субъектом и бенефициарием формирующейся системы глобального капитализма является транснациональный капиталистический класс (ТКК). Концепция ТКК разрабатывается рядом зарубежных экономистов и социологов [1–6]¹.

Возможны узкий и широкий подходы к пониманию ТКК. Узкий подход предполагает, что ТКК образован высшим слоем капиталистических классов ведущих стран мира, к которым относятся собственники и топ-менеджеры транснациональных компаний. Автор данной статьи исходит из широкого подхода к транснациональному капиталистическому классу, основанного на его понимании как формирующейся органической целостности капиталистических классов разных стран мира. В современную эпоху практически все предприятия включены во всемирную систему разделения труда и зависят от поставок оборудования, технологий, сырья и рабочей силы извне. И чем более крупным является капитал, тем в большей степени

¹ Более подробно см. [7].

он транснационален и склонен действовать поверх границ, но и мелкий капитал уже нельзя считать в полном смысле слова национальным.

Капиталистические классы различных стран мира трансформируются в национальные фракции ТКК, границы между которыми по мере глобализации тают. Это положение будет предпосылкой нашего исследования, посвященного выявлению основных характеристик капиталистических классов ведущих стран мира и, в первую очередь, их высших, наиболее могущественных и влиятельных слоев – долларовых миллиардеров.

Для анализа используем два детализированных рейтинга миллиардеров – американского журнала *Forbes* и китайского исследовательского института *Hugun*. Первый из них составляет рейтинги миллиардеров с 1987 г., второй – с 2015 г. Они не только ранжируют миллиардеров мира по масштабам их богатств, но и сообщают информацию о возрасте, поле, национальности (гражданстве), отраслевой специализации, месте жительства и т.д. Между этими рейтингами есть различия, связанные с методиками подсчета и другими обстоятельствами. В частности, *Forbes* указывает национальность миллиардеров (информируя и о месте жительства), а *Hugun*, обходя вопрос о национальности, сообщает информацию об их постоянном месте жительства.

Численность и совокупное богатство

Представим результаты, полученные на основе анализа рейтингов *Forbes* и *Hugun*. При этом критерием включения государства в выборку будет наличие (по *Forbes*) 25 миллиардеров для развитых и 15 – для развивающихся стран (табл. 1).

Как видим, показатели обоих рейтингов довольно близки. Ядро высшего слоя капиталистического класса – представители развитых стран. По численности миллиардеров развивающиеся страны приближаются к развитым, но средний миллиардер из развивающейся страны гораздо беднее своего коллеги из развитой. Китай – особенно вкупе с Гонконгом – стал вторым после США центром мирового капиталистического накопления. Приметой изменения соотношения сил в системе глобального капитализма служит то, что миллиардеры Индии по обоим параметрам превосходят своих коллег в Великобритании

и Франции. Миллиардеры России занимают внушительные позиции и по численности, и по совокупному капиталу. Опираясь на данные рейтинга Forbes, выявим динамику численности и совокупного богатства миллиардеров разных стран в начале XXI века (табл. 2).

Таблица 1. Количество миллиардеров в ведущих странах мира и их совокупное чистое богатство в 2017 г.

Страна	Количество, чел.		Совокупное чистое богатство, млрд долл.	
	Forbes	Hurun	Forbes	Hurun
Мир	2043	2257	7670	8010
США	565	552	2756,8	2561
Германия	114	109	467,8	237,7
Великобритания	54	89	162,5	294
Италия	42	41	151,9	105
Канада	39	35	133,8	132
Франция	38	50	245,1	303
Швейцария	36	77	107,4	238
Япония	33	42	114,5	145
Австралия	33	27	91,0	78
Швеция	31	17	117,5	102
Испания	25	23	124,7	121
11 развитых стран	1010	1062	4473	4316,3
Китай	319	502	808,6	1282
Индия	101	100	325,5	298
Россия	96	68	386,3	261
Гонконг	67	72	271,1	314
Бразилия	43	43	172,1	161
Южная Корея	38	34	92,7	84
Тайвань	31	35	75,2	80,7
Турция	29	29	48,5	49
Сингапур	21	28	59,4	70,2
Таиланд	20	26	63,2	88
Индонезия	20	17	53,1	51
Мексика	15	13	116,7	90
12 развивающихся стран	800	967	2472,4	2828,9

Источник: подсчет автора по [8] и [9].

Таблица 2. Численность миллиардеров ведущих стран мира и их совокупное богатство в 2000, 2010 и 2017 гг., %

Страна	Доля миллиардеров страны от численности миллиардеров мира			Доля богатства миллиардеров страны от богатства миллиардеров мира		
	2000	2010	2017	2000	2010	2017
США	16,15	39,86	27,66	35,16	37,82	35,94
Германия	13,04	5,24	5,58	12,16	6,10	6,10
Великобритания	4,35	2,87	2,64	2,26	2,15	2,12
Италия	1,86	1,29	2,06	2,65	1,64	1,98
Канада	4,66	2,37	1,91	3,33	2,09	1,74
Франция	4,35	1,19	1,86	5,03	2,51	3,20
Швейцария	4,35	1,09	1,76	3,59	1,15	1,40
Япония	13,35	2,18	1,62	9,55	1,93	1,49
Австралия	0,93	1,09	1,62	0,54	0,72	1,19
Швеция	1,55	0,99	1,52	2,03	2,35	1,53
Испания	1,55	1,29	1,22	0,48	1,41	1,63
11 развитых стран	66,14	59,46	49,45	76,78	59,87	58,32
Китай	-	6,33	15,61	-	3,73	10,54
Индия	2,80	4,85	4,94	2,04	6,23	4,24
Россия	-	6,13	4,70	-	7,43	5,04
Гонконг	4,04	2,47	3,28	4,00	3,24	3,53
Бразилия	2,80	1,38	2,10	1,46	2,53	2,24
Южная Корея	0,31	1,09	1,86	0,20	0,67	1,21
Тайвань	1,86	1,78	1,52	1,47	1,08	0,98
Турция	1,24	2,77	1,42	1,57	1,20	0,63
Сингапур	1,55	0,38	1,03	0,30	0,28	0,77
Таиланд	0,31	0,30	0,98	0,09	0,26	0,82
Индонезия	0,62	0,69	0,98	0,30	0,46	0,69
Мексика	4,04	0,89	0,73	1,80	2,53	1,52
12 развивающихся стран	19,57	29,06	39,15	13,23	29,64	32,20

Источник: подсчет автора по [8].

Мы видим, что в начале XXI века происходило ослабление позиций миллиардеров большинства развитых стран, хотя они по-прежнему составляют ядро супербогачей. Катастрофически ухудшилось положение японских миллиардеров, причем по обоим параметрам (заметим, что рейтинги Forbes с 1987 г. по 1995 г. возглавляли японцы). Серьезно ослабили и позиции немецких миллиардеров. У некоторых из миллиардеров развитых стран

произошло ослабление по одному и усиление – по другому из параметров. При этом позиции американских супербогачей заметно усилились по численности, а по совокупному богатству – незначительно. Существенно укрепились оба параметра у миллиардеров из развивающихся стран, в первую очередь Китая, Индии, Южной Кореи и Таиланда. Позиции миллиардеров России усиливались в течение 2000-х годов, но после 2009 г. начали слабеть по обоим показателям.

Численность миллионеров. Рассмотрим более массовый слой капиталистического класса – миллионеров с состоянием свыше 1 млн долл., используя данные докладов британской консалтинговой фирмы Knight Frank и исследовательского института при швейцарском банке Credit Suisse за 2016 г.² В них наблюдаются существенные расхождения (второй источник приводит цифры практически втрое более высокие, чем первый, объясняемые различиями методик), тем не менее данные обеих организаций показывают, что развитые страны по численности миллионеров в 2016 г. сильно превосходили развивающиеся, причем в значительно большей степени, чем по численности миллиардеров в 2017 г. Например, если Китай по количеству миллиардеров уступает только США (по Forbes), то миллионеров – США, Японии, Великобритании и Германии. Индия по численности миллиардеров находится на четвертом месте в мире, а миллионеров – на 10-м. Россия, занимая по числу миллиардеров 5-е место в мире, по количеству миллионеров находится всего лишь на 17-м [10. Р. 67] или 29-м [11. Р. 111]. В России миллиардеров почти в шесть раз меньше, чем в США (по Forbes), а миллионеров – более чем в 33 раза (по Knight Frank).

Ситуацию можно охарактеризовать так: в развитых странах много и сверхбогатых, и просто богатых, а в России (и других развивающихся странах) много сверхбогатых, но мало – просто богатых. Это означает, что капитализм в развитых странах непосредственно связан с интересами довольно значительных слоев населения, т.е. имеет более «народный», «демократический» характер, обладает мощными корнями в обществе. Это говорит об устойчивости социально-экономической системы развитых стран. Капитализм в развивающихся странах имеет более слабые

² Подсчитано автором по: [10. Р. 67] и [9. Р. 111].

корни в обществе, непосредственно связан с интересами лишь крайне незначительной части населения. В первую очередь это касается России.

Женщины среди миллиардеров. Рассмотрим, опираясь на рейтинг Forbes, численность и долю женщин среди миллиардеров (табл. 3).

Таблица 3. Численность женщин-миллиардеров в ведущих странах мира в 2017 г.

Страна	Численность, чел.	Доля среди миллиардеров, %
В мире	217	10,62
Испания	6	24,00
Германия	27	23,68
Бразилия	10	23,26
Швеция	7	22,58
Швейцария	8	22,22
Турция	5	17,24
Австралия	5	15,15
Южная Корея	6	15,79
Гонконг	10	14,93
Италия	6	14,29
Мексика	2	13,33
США	69	12,21
Франция	4	10,53
Китай	22	6,90
Япония	2	6,06
Индия	4	3,96
Великобритания	2	3,70
Россия	1	1,04

Источник: подсчет автора по [8].

Как мы видим, доля женщин среди миллиардеров больше всего в Испании, Германии, Бразилии, Швеции и Швейцарии. Несколько выше средних по миру показателей достижения американских женщин. В России всего одна женщина-миллиардер (Е. Батурина). Среди стран из нашего списка, в которых есть женщины-миллиардеры, Россия занимает последнее место, уступая считающимся патриархальными Китаю, Индии и Турции. При этом в Канаде, Индонезии, Сингапуре, на Тайване, в Таиланде женщин-миллиардеров нет вообще.

Между тем природа человека основана на половом диморфизме, и безоглядное доминирование мужчин в нашу эпоху делает общественную систему недостаточно гибкой и пластичной, а, значит – и недостаточно инновационной. Следовательно, рост присутствия женщин в бизнес-элите является предпосылкой быстрого развития страны в будущем. В этом отношении позиции России слабее, чем большинства ведущих стран мира.

Территориальное размещение

Важной характеристикой капиталистических классов является степень их концентрации в ведущих (основных, главных) городах соответствующих стран. Назовем их метрополисами. Для того чтобы город являлся метрополисом, необходимо наличие у него как минимум двух из трех статусов: 1) столицы, 2) самого населенного города страны и 3) города с наибольшим присутствием миллиардеров и миллионеров. Бесспорными метрополисами России, Великобритании, Франции, Японии являются их столицы (в наличии все три признака). Два из трех признаков метрополиса присутствуют в случае Берлина (уступает нескольким городам Германии по численности бизнес-элиты), Пекина (отстает от Шанхая по числу населения). В США, Канаде, Австралии, Индии, Бразилии, Турции, ЮАР метрополисами являются Нью-Йорк, Торонто, Сидней, Мумбаи, Сан-Паулу, Стамбул и Йоханнесбург соответственно: эти нестоличные города лидируют в своих странах по численности населения и проживающей в них бизнес-элиты.

Приведем данные о количестве миллиардеров и миллионеров в метрополисах ведущих стран мира (табл. 4).

Как мы видим, во многих странах в метрополисах проживает абсолютное или относительное большинство бизнес-элиты. Очень высок уровень концентрации супербогачей в метрополисах (не менее 75% миллиардеров и 50% миллионеров страны) в Таиланде, Турции, Южной Корее, России и Мексике. Случай нашей страны особенно примечателен, так как она – самая большая по территории в мире. На мой взгляд, гиперконцентрация бизнес-элиты в столице России является безусловным недостатком, поскольку детерминирует значительные социально-экономические различия между Москвой и остальной территорией страны, способствует созданию эффекта «двух России», создает предпосылки

для квазиколониального отношения к стране в целом: московские супербогачи подавляющее большинство населения страны воспринимают как объект для эксплуатации, что формирует многосторонние угрозы для России. Германию, Италию, США, Швейцарию, Китай и Канаду характеризует невысокий уровень концентрации их бизнес-элит в метрополисах, что представляется более адекватным с точки зрения развития этих стран как цельных субъектов.

Таблица 4. Концентрация капиталистических классов ведущих стран мира в метрополисах в 2016–2017 гг.

Город	Количество миллиардеров в 2017, чел.	Доля от миллиардеров страны в 2017, %	Количество миллионеров в 2016, тыс. чел.	Доля от миллионеров страны в 2016, %
Бангкок	25	96,15	14,4	64,29
Стамбул	26	89,66	27,3	50,00
Сеул	30	88,24	108,1	81,58
Москва	59	86,76	68,2	51,67
Мехико	10	76,92	86,7	50,00
Париж	36	72,00	110,9	38,15
Тайбэй	25	71,43	76,7	74,39
Токио	25	59,52	279,8	24,00
Стокгольм	10	58,82	33,0	29,33
Джакарта	10	58,82	27,1	54,75
Лондон	52	58,43	357,2	44,48
Мадрид	12	52,17	30,7	31,42
Сан-Паулу	22	51,16	64,5	41,67
Мумбаи	42	42,00	46,1	17,44
Сидней	10	37,04	106,8	33,18
Торонто	10	28,57	109,3	32,55
Женева	18	23,38	104,3	28,71
Пекин	94	18,73	122,1	16,97
Нью-Йорк	90	15,93	339,2	7,73
Рим	4	9,76	64,3	29,82
Берлин	4	3,51	32,8	4,23

Источник: составлено и подсчитано автором по [9] и [10. Р. 65].

Глобальная мобильность. Диалектическим отрицанием предшествующего параметра капиталистических классов является другая их характеристика – глобальная мобильность, т.е. образ жизни, предполагающий регулярные перемещения по территории

планеты. Представители капиталистических классов постоянно передвигаются по планете с целью ведения бизнеса, отдыха, развлечений, лечения, образования детей и т.д. Это является одним из основных проявлений их транснациональной природы. На мой взгляд, следует выделить три типа глобальной мобильности – долгосрочную, среднесрочную и краткосрочную.

Долгосрочная глобальная мобильность предполагает, что переселение с родины (или из страны предшествующего этапа деловой активности) происходит на годы или десятилетия. Об этом типе мобильности мы можем судить по ежегодным рейтингам Forbes и Hurun, которые позволяют сделать вывод о том, что основными странами-реципиентами миллиардеров служат Великобритания, Швейцария, Франция, Сингапур, Гонконг, а странами-донорами – Россия, Германия, Австралия. Кроме того, наш подсчет по данным Forbes показывает, что, например, из 114 миллиардеров Германии, по крайней мере, десять постоянно проживали за ее пределами, главным образом, в Швейцарии (о месте постоянного пребывания 12 немецких миллиардеров данных нет).

Согласно исследованию южноафриканской консалтинговой фирмы New World Wealth, в 2014 г. основными странами-реципиентами миллионеров со всего мира были Великобритания, США, Сингапур, Австралия, Гонконг, ОАЭ, Канада и Турция. В 2014 г. в Великобритании из 840 тыс. миллионеров 125 тыс. были мигрантами, приехавшими в эту страну в 2000–2014 гг., в США из 4105 тыс. – 52 тыс., в Сингапуре из 223,8 тыс. – 46 тыс., в Австралии из 248,1 тыс. – 35 тыс. Больше всего миллионеров уехали за тот же период из Китая (91 тыс.), Индии (61 тыс.), Франции (42 тыс.)³, Италии (23 тыс.), России (20 тыс.) [12]. В 2015 г. на постоянное место жительства в мире переехали 64 тыс., в 2016 г. – 82 тыс. миллионеров [13]. Среди излюбленных пунктов иммиграции миллионеров в 2015 г. лидировали Сидней (4 тыс. чел), Мельбурн (3 тыс.), Тель-Авив и Дубай (по 2 тыс.) [14].

³ Рейтинг Hurun и доклад New World Wealth дают противоречивую картину: согласно первому миллиардеры съезжают в Париж, согласно второму – уезжают из Франции. Вероятно, это следует объяснить тем, что иммиграция миллиардеров была накоплена за большой промежуток времени, тогда как эмиграция миллионеров касается последнего периода.

Супербогачи всего мира в последние годы стремились переехать в Великобританию, в Лондон. В результате британская бизнес-элита закономерно становится все более многонациональной. Согласно рейтингу британской газеты Sunday Times за 2016 г., среди 25 наиболее богатых резидентов Великобритании только девять были урожденными британцами, остальные являлись гражданами США, Канады, Швейцарии, Нидерландов, Швеции, Норвегии, Ирландии, России, Индии, Саудовской Аравии, ЮАР и Свазиленда или получили британское гражданство в зрелом возрасте [15]. Южноафриканские исследователи из New World Wealth указывают причины притяжения мировой бизнес-элиты к Великобритании и Лондону – английский язык, космополитический характер Лондона, простота перемещений в страны Евросоюза, легкость осуществления финансовых транзакций и приобретения собственности, высокое качество среднего и высшего образования. Причины, привлекающие в Сингапур: удобное географическое расположение, низкие налоги и космополитический характер города [12].

Таким образом, глобальные города (Лондон, Нью-Йорк, Париж, Гонконг, Сингапур и др.), являясь очагами концентрации транснационального капиталистического класса, выступают как центры управления глобальной экономикой и политикой, формирования глобальной духовной жизни (образование, наука, СМИ, шоу-бизнес), а также глобального элитарного потребления⁴, отдыха и развлечений.

Среднесрочная глобальная мобильность связана с перемещениями на один или несколько месяцев. Об этом типе мобильности можно судить по данным The Wealth Report о миграции мультимиллионеров (с капиталом свыше 10 млн долл.) между глобальными городами (табл. 5) (учитываются только лица, останавливающиеся в своих домах или квартирах).

Представленные данные показывают своеобразные годовые циклы – интенсивные перемещения представителей бизнес-элиты в течение года. Эти сезонные колебания очень значительны и обусловлены как циклами деловой активности, так и сменой времен года.

⁴ См. о глобальных городах как центрах кулинарии: [16].

Таблица 5. Сезонные флуктуации численности мультимиллионеров в ряде городов мира в 2016 г.

Город	Численность		Прирост, %	Месяц минимума	Месяц максимума
	минимум	максимум			
Лондон	10450	34230	228	январь	июль
Нью-Йорк	11870	32500	174	февраль	июнь
Гонконг	8680	24450	182	январь	июнь
Цюрих	4050	11820	192	февраль	август
Лос-Анджелес	5630	11170	98	февраль	июнь
Дубай	1560	10470	571	июль	ноябрь
Париж	2860	9480	231	февраль	май
Рио-де-Жанейро	1980	6510	229	июль	декабрь
Майами	1170	5410	362	июнь	декабрь
Сидней	2210	5050	129	июль	декабрь
Кейптаун	380	2690	608	июль	декабрь

Источник: [17. Р. 34].

Краткосрочная глобальная мобильность заключается в перемещениях на несколько дней или недель. На мой взгляд, ее можно измерить с помощью статистики о числе частных реактивных самолетов (бизнес-джетов), находящихся в собственности или на правах аренды у супербогачей разных стран мира. Индикатор краткосрочной глобальной мобильности (ИКГМ) равен количеству бизнес-джетов на 1000 наиболее вероятных пользователей – лиц с состоянием на сумму свыше 30 млн долл. (табл. 6).

Таблица 6. Страны мира с наибольшим количеством бизнес-джетов и ИКГМ этих стран в 2016 г.

Страна	Количество бизнес-джетов	ИКГМ
США	12717	184,6
Мексика	950	489,7
Бразилия	786	381,6
Канада	534	129,9
Германия	435	49,7
Великобритания	345	35,4
Венесуэла	340	4250
Китай	277	19,4
Франция	227	75,7
Австралия	193	57,8
Мир	20973	108,4

Источник: подсчет автора по [17. Р. 25,34].

Как видим, бизнес-элиты США и Канады отличает более высокая краткосрочная глобальная мобильность, чем в среднем по миру, а ведущих развитых стран Западной Европы – ниже средней. Очень высокий ИКГМ у бизнес-элит Мексики и Бразилии, вероятно, объясним их зависимостью от центров глобального элитарного потребления в США и Европе. Точных данных за 2016 г. по России у нас нет, но по оценкам экспертов, в 2017 г. в стране было 300–500 бизнес-джетов, что дает значение ИКГМ российской бизнес-элиты в 109,1–181,8. Это довольно высокий показатель, объясняемый, на мой взгляд, аналогично случаю Мексики и Бразилии. Низкий показатель ИКГМ бизнес-элиты Китая говорит о том, что она по интеграции в систему глобального капитализма значительно отстает от своих коллег из других стран.

Исследуя трансграничные миграции бизнес-элиты мира, отметим, что образ жизни одного крупного бизнесмена часто совмещает два или три типа глобальной мобильности. Безусловно, в будущем присущая капиталистическим классам глобальная мобильность всех трех типов будет только возрастать.

Отраслевая специализация

Важнейшей характеристикой капиталистических классов любой страны мира является их отраслевая специализация. Forbes распределяет миллиардеров мира по 18 отраслям экономики. Объединим эти отрасли в три группы: 1) индустриально-технологическая (автомобильная, строительство и инжиниринг, здравоохранение, логистика, промышленность, технологии, телекоммуникации), 2) финансовая (финансы и инвестиции, недвижимость) и 3) сырьевая (энергетика, металлургия и горнорудное дело), выведя за скобки менее показательные отрасли (мода и розничная торговля, пища и напитки и т.д.)⁵. Проанализируем распределение миллиардеров ведущих стран мира по этим трем группам (табл. 7).

Для миллиардеров Швейцарии, Китая, Германии, Индии, Тайваня, Южной Кореи, Японии и Франции характерна высокая ориентация на развитие промышленности и высоких технологий; миллиардеры США, Великобритании и Австралии выделяются сочетанием индустриально-технологической и финансовой ориентации. Миллиардеров России отличает, с одной стороны, беспрецедентно высокая сырьевая, с другой – значительная финансовая ориентация. Миллиардеры Италии и отчасти Франции во многом связаны с производством предметов элитарного потребления (пища, одежда, обувь, аксессуары, мебель и т.д.).

⁵ Названия отраслей даются по Forbes.

Таблица 7. Распределение миллиардеров ведущих стран мира по группам отраслей экономики в 2017 г., %

Страна	Первая группа	Вторая группа	Третья группа
Швейцария	55,56	19,44	5,56
Китай	49,53	16,93	4,46
Германия	48,24	6,14	0,88
Индия	44,55	13,86	5,94
Тайвань	41,94	32,26	-
Южная Корея	39,53	7,89	-
Япония	36,36	9,09	-
Франция	34,21	13,16	2,63
Австралия	33,33	39,39	9,09
США	25,84	32,74	6,55
Гонконг	25,37	46,27	5,97
Индонезия	25,00	20,00	-
Испания	24,00	24,00	8,00
Сингапур	23,81	57,14	4,76
Бразилия	23,26	27,91	4,65
Россия	21,88	22,92	37,5
Турция	20,69	17,24	-
Канада	20,51	23,08	7,69
Великобритания	20,37	33,33	3,70
Мексика	20,00	13,33	20,00
Италия	11,90	2,38	7,14
Швеция	6,46	29,03	3,23
Таиланд	5,00	30,00	5,00

Источник: подсчет автора по [8].

На мой взгляд, отраслевая специализация миллиардеров, наряду с объемами капиталов, которыми они распоряжаются, позволяет судить о перспективах развития соответствующих стран. Из приведенных данных следует вывод, что США, Китай, Германия, Франция, Япония, Индия, Швейцария, Тайвань, Южная Корея в ближайшем и среднесрочном будущем станут основной движущей силой индустриально-технологического развития человечества: в них в первую очередь будут развиваться высокотехнологичные и наукоемкие отрасли экономики, воспроизводиться высококвалифицированная рабочая сила, для чего потребуются передовая система образования и мощная авангардная наука.

Вместе с тем, на мой взгляд, для экономики и общества США будет характерна явная тенденция загнивания, связанная с огромной

мощью финансового сектора (с примыкающими отраслями операций с недвижимостью, розничной торговли и т.д.). Это означает вытеснение реального производства и доминирование непроизводительной деятельности (финансы, реклама, маркетинг, юридические услуги, манипулирование общественным сознанием и т.д.), дисквалификацию работников производительного, сложного, высокотехнологичного труда, падение мыслительной культуры населения и т.д. Ситуация в США в целом противоречива: будет происходить борьба между Америкой инженеров, ученых – и офисных клерков, юристов, журналистов и шоуменов.

В Великобритании, Австралии и Швеции будут сильны тенденции к загниванию из-за доминирования финансового сектора, они не войдут в группу индустриально-технологических лидеров, так же как Канада и Испания. Италия и отчасти Франция будут специализироваться на производстве предметов элитарного потребления для богачей всего мира, и эти страны будут выступать центрами глобального паломничества с целью приобщения к эталонам престижного, роскошного потребления.

Россия из-за абсолютного господства финансово-сырьевых интересов у ее капиталистического класса, к сожалению, останется сырьевым придатком глобального капитализма. Ее экономика будет упрощаться, рабочая сила – деградировать, система образования и наука – становиться все более фиктивными и ритуальными. Вместе с тем огромные масштабы капиталов российской бизнес-элиты, фрагментарный высокотехнологичный военно-промышленный комплекс в сочетании с мощными вооруженными силами позволят ей претендовать на определенную автономность внутри транснационального капиталистического класса.

Отраслевая специализация миллиардеров Бразилии, Мексики, Турции и размеры их капиталов заставляют сделать вывод, что ведущими центрами глобального развития эти страны не станут. Они продолжают быть наиболее важными среднеразвитыми капиталистическими странами, трансформировавшись в субцентры глобального капитализма. К этому уровню постепенно приблизится и Индонезия.

Олигархичность

Огромное значение имеет такая характеристика капиталистических классов, как олигархичность. Имущественная структура

капиталистического класса любой страны пирамидальна: чем больше размер капитала, тем меньше лиц владеют таким капиталом, и наоборот. Крупнейший (и крупный) капитал всегда господствует над мелким (и средним), но если лиц с мелким (и средним) капиталом относительно немного по отношению к числу владельцев крупнейшего (и крупного) капитала, то интересы первых жестко подавляются. В этом случае можно говорить об олигархичности капиталистических классов. Если же, напротив, собственников мелких и средних капиталов довольно много, то крупнейший (и крупный) капитал, даже и доминируя, вынужден учитывать их интересы. В этом случае речь должна идти о демократичности капиталистических классов, о демократическом капитализме (понятие демократии здесь используется в экономическом, а не в политическом смысле).

Высокий уровень олигархичности капиталистических классов, во-первых, означает закрытость высшего слоя бизнес-элиты, затрудненную вертикальную социальную мобильность, что создает огромную пропасть между высшим слоем бизнес-элиты и населением страны. А во-вторых, создает препятствия для инновационно-технологического развития. Разъясним это подробнее. Капитализм только тогда является динамичной, гибкой, прогрессирующей, инновационной социальной системой, когда происходят постоянные флуктуации, предполагающие, что наиболее инициативные мелкие и средние предприниматели регулярно трансформируются в крупных и крупнейших. Как правило, это происходит в том случае, когда мелкие и средние капиталисты осуществляют инновации, предлагая новые методы производства, организации предприятий, новые товары или услуги. Это случай демократического капитализма. В отличие от этого олигархический капитализм, т.е. деспотическое господство крупнейшего и крупного капитала над мелким и средним капиталом и над обществом в целом, обуславливающее блокирование каналов вертикальной мобильности, ведет преимущественно к простому воспроизводству достигнутого уровня производительных сил, к стагнации или даже упадку.

Мы можем эмпирически установить степень олигархичности капиталистических классов различных стран мира, используя три метода выявления олигархичности. Рассмотрим их подробнее.

Метод индикаторов межслоевых пропорций (ИМП) заключается в установлении соотношения численности высшего и низшего слоев капиталистических классов (миллиардеров и миллионеров). ИМП-1(К) – это соотношение численности миллионеров и миллиардеров, ИМП-2(К) – миллионеров и лиц с состоянием свыше 100 млн долл. (оба – по Knight Frank). ИМП-1(С) – это соотношение численности миллионеров с состоянием от 1 до 10 млн долл. и миллиардеров, ИМП-2(С) – лиц с состоянием от 1 до 10 млн долл. и свыше 500 млн долл. (оба – по Credit Suisse). Таким образом, чем выше значение индикаторов, тем слабее олигархичность капиталистического класса (табл. 8; результаты округлены до целых значений).

Таблица 8. Олигархичность капиталистических классов ведущих стран мира в 2016 г.

Страна	ИМП-1(К)	ИМП-2(К)	ИМП-1(С)	ИМП-2(С)
Япония	38867	1659	125921	39018
Швейцария	12975	586	31535	11012
Австралия	10384	828	51600	17492
Германия	9931	749	18769	6976
Мексика	9633	608	6707	2762
Сингапур	9448	744	8420	3329
Канада	8395	695	33840	11900
Великобритания	8028	709	50360	17051
Франция	7454	769	37359	12968
Италия	7187	733	28823	10236
США	6847	547	21664	7140
Швеция	5357	598	13683	5263
Испания	5142	549	17680	5625
Южная Корея	4732	470	19240	7110
Бразилия	4553	380	3433	1508
Гонконг	4469	447	1396	671
Тайвань	3555	386	9690	3854
Китай	3526	387	6168	2555
Турция	3212	350	2475	1122
Индонезия	3094	339	3259	1448
Индия	2782	311	2060	953
Таиланд	2240	270	1629	766
Россия	1590	167	738	377

Источник: подсчет автора по [10. Р. 67] и [11. Р. 117].

Все четыре индекса указывают на исключительно низкую олигархичность капиталистического класса Японии. В этой стране по ИМП-1(К) на одного миллиардера приходится 38867 миллионеров! Олигархичность очень низка и в случае бизнес-элит Швейцарии, Австралии, Германии, Мексики и Сингапура. К ним приближаются капиталистические классы США, Франции, Италии, Южной Кореи. Высока олигархичность бизнес-элит многих развивающихся стран Азии. Для капиталистического класса России характерен самый высокий уровень олигархичности из числа рассмотренных нами стран. По ИМП-1(К) на одного российского миллиардера приходится всего лишь 1590 миллионеров.

Метод возрастной гетерогенности имущественных экстремумов предполагает исследование различий среднего возраста групп миллиардеров с наибольшим и с наименьшим капиталами в данной стране. Вычислим, по данным Forbes и Hurun, средний возраст первого и пятого квинтилей миллиардеров, т.е. 20% наиболее богатых и 20% наиболее «бедных» из них (табл. 9).

Мы видим, что в большинстве рассматриваемых стран первый квинтиль миллиардеров старше пятого (и по Forbes, и по Hurun). Это характерно для восходящей социальной мобильности, предполагающей, что буржуазная карьера требует времени, и закономерно средний «бедный» миллиардер оказывается более молодым, чем богатый. Противоположная ситуация, когда первый квинтиль миллиардеров младше пятого или примерно равен ему по возрасту, наблюдается в России, Китае и Бразилии (по обоим источникам). Это свидетельствует о низкой вертикальной социальной мобильности, об узурпации позиций в бизнес-элите определенными социальными группами, т.е. о высоком уровне олигархичности. Великобритания, Швейцария и Индонезия в этом отношении занимают промежуточное положение (данные по Forbes и Hurun различаются).

Метод динамического среднего возраста основан на анализе колебаний среднего возраста миллиардеров страны в течение определенного периода времени (по данным рейтинга Forbes, который предоставляет информацию о возрасте миллиардеров, начиная с 2003 г.). В связи с недостаточной численностью миллиардеров (менее пяти) исключим Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Индонезию (табл. 10).

Таблица 9. Средний возраст первого и пятого квинтилей миллиардеров ведущих стран мира в 2017 г., лет

Страна	По Forbes		По Hurun	
	1-й квинтиль	5-й квинтиль	1-й квинтиль	5-й квинтиль
США	68,95	64,90	66,68	64,79
Германия	69,85	54,80	65,36	63,41
Великобритания	71,30	64,40	62,56	68,19
Италия	78,00	66,00	70,88	58,13
Канада	71,25	69,63	74,14	74,86
Франция	74,43	72,29	76,40	73,40
Швейцария	58,29	58,57	69,80	59,47
Япония	72,71	72,00	72,75	72,13
Австралия	69,57	72,67	63,00	72,80
Швеция	69,17	49,83	76,00	40,67
Испания	71,8	58,2	64,80	66,00
Китай	54,51	55,33	54,90	55,30
Индия	67,00	63,05	66,00	60,60
Россия	55,89	57,74	54,64	56,64
Гонконг	69,46	64,38	71,00	66,71
Бразилия	69,67	74,33	68,00	69,00
Южная Корея	57,75	56,75	57,29	60,14
Мексика	75,00	63,67	80,5	67,00
Турция	73,33	63,66	69,33	67,33
Тайвань	72,80	64,80	72,71	70,29
Сингапур	74,8	62,00	65,83	62,00
Таиланд	75,40	63,20	65,60	72,6
Индонезия	67,20	71,80	82,33	67,33

Источник: подсчет автора по [8] и [9].

Как мы видим, для миллиардеров России и Китая по сравнению с их коллегами из большинства развитых и развивающихся стран мира характерна относительная молодость с сопутствующим комплексом качеств (здоровье, энергичность, динамизм, инициативность, гибкость и т.д.). Данные качества создают персональные предпосылки для динамичного и инновационного развития соответствующих стран, и в этом капиталистические классы России и Китая заметно превосходят бизнес-элиты всех других ведущих стран мира.

Приведенные данные позволяют сделать выводы о степени олигархичности капиталистических классов разных стран. Как видим, средний возраст миллиардеров почти всех стран

за 2003–2017 гг. изменился незначительно в сторону увеличения, а иногда даже – уменьшения. Это означает, что в большинстве стран среди этого слоя происходили серьезные персональные сдвиги: входившие в него люди старели, умирали, оставляли капиталы наследникам и – что весьма важно – миллиардерами становились разбогатевшие молодые мультимиллионеры. Происходил благотворный для капитализма как социальной системы процесс обновления бизнес-элиты. Это признак демократического капитализма.

Таблица 10. Средний возраст миллиардеров ведущих стран мира в 2003–2017 гг., лет

Страна	2003	2006	2009	2012	2015	2017
США	64,48	65,13	65,78	65,46	65,65	66,42
Германия	64,74	66,15	66,87	65,77	65,45	64,10
Великобритания	60,07	58,38	64,17	62,49	64,64	65,73
Италия	66,45	64,36	69,50	68,87	70,74	69,39
Канада	63,29	62,85	63,11	68,46	68,49	69,74
Франция	66,17	67,54	72,44	71,15	69,33	69,14
Швейцария	63,38	63,86	66,89	69,44	61,50	61,53
Япония	65,63	64,42	67,29	69,13	64,29	69,15
Испания	63,00	65,80	60,58	63,44	67,57	68,20
Швеция	*	69,00	68,00	70,27	61,96	59,35
Австралия	*	62,14	64,10	68,63	66,74	69,00
Китай	-	47,5	50,25	52,02	53,10	55,19
Индия	55,67	54,91	55,83	61,40	63,60	64,98
Россия	42,65	45,55	48,66	50,08	53,28	55,05
Гонконг	68,44	66,93	64,47	63,14	64,15	65,16
Бразилия	*	58,00	68,50	64,00	66,17	67,88
Мексика	62,00	61,90	62,56	66,64	66,60	68,86
Турция	59,20	62,53	57,85	62,88	62,09	65,21

Примечание: * – число миллиардеров менее пяти.

Источник: подсчет автора по [8].

В отличие от этого миллиардеры России и Китая постарели почти на то же количество лет, что и протекло за этот период. Наш анализ показывает, что российские миллиардеры в основном родились в 1955–1968 гг. и начали заниматься бизнесом в конце 1980-х – начале 1990-х. Китайские миллиардеры относятся примерно к тому же поколению. Неуклонное возрастание среднего возраста миллиардеров в России и Китае означает не только то, что наследование не происходит или является редким

(из-за молодости бизнес-элит), но и – что гораздо важнее – крайне незначительную восходящую социальную мобильность или ее отсутствие. Предприниматели-инноваторы, родившиеся в 1970-х и начале 1980-х, не могут разбогатеть и войти в состав миллиардеров, так как способы обогащения узурпированы собственниками наиболее крупных капиталов, вход в высший слой бизнес-элиты заблокирован, она оказывается узкой и замкнутой корпорацией. Причем китайская бизнес-элита является несколько более открытой, чем российская: если в 2006 г. китайские миллиардеры в среднем примерно на два года были старше российских, то в 2017 г. они почти сравнялись с коллегами из России.

Итак, все три использованных нами метода показали очень низкий уровень олигархичности капиталистических классов развитых стран, заметный уровень олигархичности бизнес-элит многих развивающихся государств (Китай, Бразилия и т.д.) и гиперолигархичность российской бизнес-элиты, опережающей по этому показателю все ведущие страны мира. Это блокирует карьерное восхождение российских Гейтсов и Цукербергов, является препятствием и для развития страны в целом.

Self-made-индикатор и одаренность

Важнейшей характеристикой бизнес-элиты является уровень одаренности ее представителей, т.е. способность принимать эффективные (с точки зрения собственных интересов) решения при возникновении нетривиальных проблем в области управления экономикой и государством. У нас есть возможность судить об этих качествах благодаря рейтингу Hupun, который предоставляет информацию о том, в какой мере каждый из 2257 миллиардеров мира является self-made man (woman), т.е. человеком, сделавшим себя, разбогатевшим благодаря себе, а не наследству. При этом Hupun оценивает это качество по 5-балльной шкале. Мы можем вычислить средний уровень этого качества для миллиардеров каждой из ведущих стран мира, назвав его self-made-индикатором (табл. 11).

Self-made-индикатор, помимо степени вертикальной социальной мобильности внутри бизнес-элиты, показывает и уровень ее одаренности, поскольку восхождение к высокому карьерному положению в условиях жесточайшей конкуренции благодаря своим силам, а не наследству, поддержке семьи, клана и т.д.,

свидетельствует о наличии высокого уровня интеллектуальных и морально-волевых качеств.

Таблица 11. **Self-made-индикатор миллиардеров ведущих стран мира в 2017 г.**

Страна	Self-made-индикатор	Доля лиц с максимальным уровнем self-made, %	
		минимум	максимум
Мир в целом	3,84	32,65	3,28
Китай	4,92	93,82	0,20
Россия	4,16	16,18	0,00
Тайвань	3,97	65,71	5,71
Гонконг	3,83	56,94	2,78
Сингапур	3,77	28,57	0,00
Индонезия	3,76	11,76	0,00
Канада	3,71	11,43	0,00
Великобритания	3,70	20,22	6,74
США	3,68	14,31	3,80
Испания	3,65	17,39	0,00
Турция	3,65	6,90	3,45
Япония	3,64	16,67	2,38
Таиланд	3,58	7,69	0,00
Индия	3,54	9,00	2,00
Австралия	3,44	11,11	7,41
Италия	3,44	9,76	0,00
Мексика	3,38	7,69	7,69
Швеция	3,35	11,76	5,88
Германия	3,26	3,67	0,92
Южная Корея	3,26	2,94	5,88
Франция	3,26	8,00	2,00
Швейцария	3,14	6,49	7,79
Бразилия	2,86	2,33	23,26

Источник: подсчет автора по [8].

В наибольшей степени «сделавшими себя», а, следовательно, и наиболее одаренными являются китайские миллиардеры: среди них небывало много лиц с самым высоким уровнем self-made. Российские занимают второе место, правда, среди них не так много лиц с самым высоким уровнем self-made. Супербогачи большинства ведущих стран мира значительно уступают китайским и российским, занимая позиции ниже среднемировых. У миллиардеров Великобритании и США уровень одаренности

чуть ниже среднего. А вот миллиардеры Германии, Южной Кореи, Франции, Бразилии, Швейцарии и ряда других стран демонстрируют невысокий уровень одаренности⁶.

Но одаренность бизнес-элиты может быть направлена либо на революционное преобразование производительных сил, т.е. на индустриально-технологический и социальный прогресс, либо на непроизводительное воспроизводство богатства и власти, не приводящее к развитию страны. Значительный *self-made*-индикатор миллиардеров Китая вкуче с их ярко выраженной индустриально-технологической ориентацией, даже вопреки определенной олигархичности, на мой взгляд, еще раз доказывает то, что эта страна в ближайшей перспективе будет наиболее динамично развивающимся государством мира и, возможно, лидером глобального общества. Китайские миллиардеры, богатея, будут развивать и свою страну.

Случай России иной. Весьма высокий уровень *self-made* и, следовательно, одаренности российских миллиардеров – безусловно, позитивное качество, но слабости этого класса (малочисленность и недостаточная укорененность в обществе, чрезмерное преобладание лиц мужского пола, финансово-сырьевая ориентация, сверхконцентрация в Москве и гиперолигархичность) не дают оснований для оптимизма в отношении перспектив страны. К сожалению, высокая одаренность российских миллиардеров используется и будет использована в основном не для создания наукоемкой и высокотехнологичной экономики, не для преодоления отставания России от развитых стран, а для достижения более эгоистических целей.

Результаты данного исследования следует рассматривать, разумеется, не как окончательный и безоговорочный вердикт, а как приглашение к научной дискуссии, касающейся основных субъектов и бенефициариев формирующегося глобального капиталистического общества, а также места России и других стран мира в нем.

Литература

1. *Sklair L.* The Transnational Capitalist Class. Boston and Oxford: Blackwell, 2001.

⁶ Напомню, что Нигун связывает миллиардеров со странами в соответствии не с национальностью (гражданством), а постоянным проживанием в них.

2. *Sklair L.* The Transnational Capitalist Class and Global Politics: Deconstructing the Corporate-State Connection // *International Political Science Review.*– 2002.– Vol. 23.– № 2.– P. 159–174.
3. *Robinson W.* A Theory of Global Capitalism. Production, Class, and State in a Transnational World.– Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.
4. *Robinson W., Harris J.* Towards A Global Ruling Class? Globalization and the Transnational Capitalist Class // *Science & Society.*– 2000.– Vol. 64.– № 1.– P. 11–54.
5. *Harris J.* Statist Globalization in China, Russia and the Gulf States // *Science & Society.*– 2009.– № 73 (1).– P. 6–33.
6. *Sener M. Y.* Turkish managers as a part of the transnational capitalist class // *Journal of World-Systems Research.*– 2007.– Vol. XIII.– № 2.– P. 119–141
7. *Рахманов А. Б.* Концепция транснационального капиталистического класса в западной социальной мысли конца XX и начала XXI веков (подходы Л. Скляра, У. Робинсона и Дж. Харриса) // *Вестник Московского университета.*– Серия 18: – Социология и политология.– 2015.– № 2.– С. 98–114.
8. The World's Billionaires. 2017 Ranking. URL: <https://www.forbes.com/billionaires/list/> (дата обращения: 10.06.2017).
9. 2017 Hurun Global List URL: <http://www.hurun.net/EN/HuList/Index?num=8407ACFCBC85> (дата обращения: 12.05.2017).
10. The Wealth Report 2017 // KnightFrank.com/WealthReport (дата обращения: 13.06.2017)
11. Global Wealth Databook 2016. URL: <https://www.credit-suisse.com/ru/en/about-us/research/research-institute/global-wealth-report.html> (дата обращения: 13.06.2017).
12. Second citizenship & the migration of HNWIs. 2000–2014. New World Wealth. URL: <http://nebula.wsimg.com/33c082a103704a172bf3bd8d8288db65?AccessKeyId=70E2D0A589B97BD675FB&disposition=0&alloworigin=1> (дата обращения: 13.06.2017).
13. The 2017 Global Wealth Migration Review. URL: <http://www.researchandmarkets.com/reports/4176844/the-2017-global-wealth-migration-review> (дата обращения: 13.06.2017).
14. Millionaire migration in 2015. New World Wealth/ URL: <https://nebula.wsimg.com/6e5712bf40ffe85cc116a52402d5a7d7?AccessKeyId=70E2D0A589B97BD675FB&disposition=0&alloworigin=1> (дата обращения: 13.06.2017).
15. *Brinded L.* These are the top 25 richest people in Britain. URL: <http://uk.businessinsider.com/sunday-times-rich-list-2015-top-25-richest-people-uk-2016-4> (дата обращения: 13.06.2017). The Wealth Report 2016 // KnightFrank.com/WealthReport (дата обращения: 10.06.2017).
16. *Рахманов А. Б.* Глобальное кулинарное пространство и гастрономические стратегии городов России // *ЭКО.*– 2017.– № 3. - С. 91–103.
17. The Wealth Report 2016 // KnightFrank.com/WealthReport (дата обращения: 13.06.2017).

Финансовый рынок – драйвер роста нефтедобычи в США

С.В. ЖУКОВ, доктор экономических наук. E-mail: zhukov@imemo.ru

С.А. ЗОЛИНА, Центр энергетических исследований
Национального исследовательского института мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова
Российской академии наук, Москва. E-mail: zolina@imemo.ru

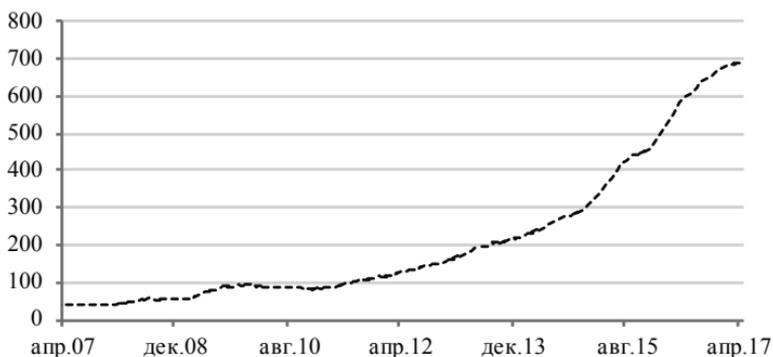
За последние девять лет сектор трудноизвлекаемой нефти в США прошел через несколько ценовых циклов. Крутой рост цен в 2008–2014 гг. сменился их быстрым и ощутимым снижением в июле 2014 г.– феврале 2016 г., а затем медленным восстановлением. Цель настоящей статьи – продемонстрировать, что американские нефтегазовые компании получали существенную поддержку со стороны финансовых рынков во всех циклах ценовой конъюнктуры, причем особенно благоприятно эта поддержка сказалась на добыче трудноизвлекаемой нефти.

Ключевые слова: сланцевая революция; США; трудноизвлекаемая нефть; финансовые рынки; хеджирование; кредитование; долг

В период высоких цен на нефть в 2005–2014 гг. (исключая непродолжительный их обвал в августе–декабре 2008 г.) развитые финансовые рынки, в том числе рынки деривативов, выступили в роли финансового рычага американской «сланцевой революции». Это позволило сектору трудноизвлекаемой нефти привлечь значительные финансовые ресурсы, что дополнительно стимулировалось низкой ценой денег в условиях проводимой Федеральной резервной системой политики поддержания процентной ставки на пониженном уровне [1]. Каналы поддержки нефтегазовых компаний со стороны финансового сектора универсальны, однако финансовые рычаги особенно сильно повлияли на добычу именно неконвенциональных углеводородов. Благодаря поддержке финансовых рынков в период благоприятной ценовой конъюнктуры в 2010–2014 гг. капитальные вложения компаний в сектор неконвенциональной нефти в США выросли в 6,4 раза, до 66,5 млрд долл. [2].

Одним из важнейших следствий массового притока финансовых ресурсов в сектор стало существенное снижение издержек нефтедобычи. Стимулируемые инвестициями технологические новации обеспечили рост добычи нефти из новых скважин

в расчете на одну буровую установку (рис. 1), что, благодаря эффекту экономии от масштаба, снизило удельные издержки и повысило операционную выручку. В свою очередь это позволило расширить число пробуриваемых скважин, причем банки охотно увеличивали кредитование нефтегазовых компаний, тем самым стимулируя буровую активность.

Источник рис. 1–2: по данным Администрации энергетической информации США.

Рис. 1. Добыча трудноизвлекаемой нефти в США из новых скважин в расчете на одну буровую установку, апрель 2007–2017 гг., барр./день

Этот расширяющийся «благодатный круг» развития оказался под ударом в результате сильного негативного ценового шока. Однако связка «финансовый сектор – нефтегазовые компании» оказалась вполне жизнеспособной.

Поддержка нефтяных компаний в период низкой цены на нефть

После обвала цен на нефть в середине 2014 г. и их затянувшейся стабилизации на пониженном уровне одним из ключевых факторов поддержания устойчивости сектора неконвенциональных углеводородов в США стали операции по хеджированию ценового риска. В результате добыча сырой нефти в США не опускалась ниже уровня июня 2014 г. (рис. 2). Кроме того, снижение добычи трудноизвлекаемой нефти в США началось с лагом в шесть месяцев по сравнению с резким обвалом нефтяных котировок.

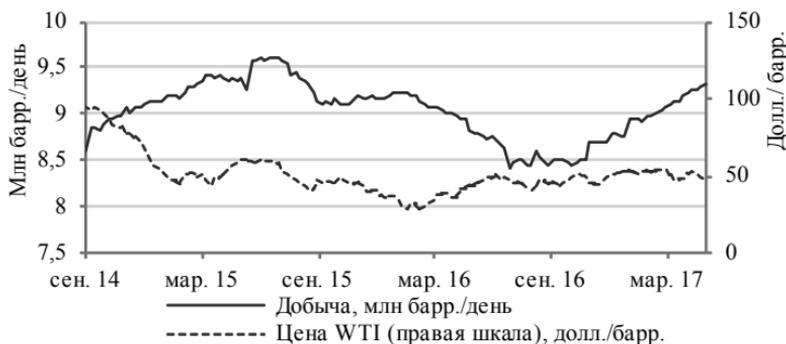
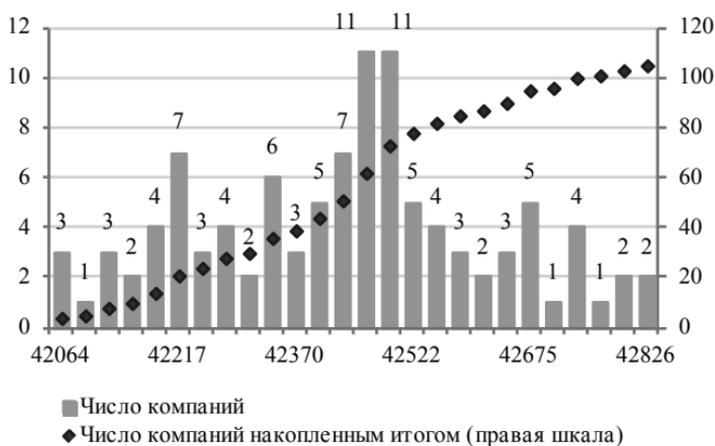

Рис. 2. Понедельная динамика добычи сырой нефти в США в период понижательного ценового цикла (сентябрь 2014–март 2017 гг.)

О высокой устойчивости добычи трудноизвлекаемой нефти в США в условиях снижения нефтяных цен свидетельствует отсутствие массовых банкротств в секторе, чему немало способствовала поддержка финансовых рынков. По данным юридической компании *Haynes and Boone*, в 2015–2016 гг. в США потерпели банкротство 96 компаний в секторе геологоразведки и добычи, в январе–апреле 2017 г. – еще девять компаний. При этом пик банкротств пришелся на апрель–май 2016 г., что может быть связано со значительным ухудшением финансовых показателей и ужесточением условий кредитования американских нефтегазовых компаний в ходе пересмотра лимитов по кредитным линиям весной 2016 г. (рис. 3).

Объем накопленной задолженности объявивших дефолт в 2015–2017 гг. американских компаний в секторе геологоразведки и добычи составил 78,2 млрд долл. [3]. Учитывая высокую степень неоднородности компаний в секторе трудноизвлекаемой нефти в США, можно предположить, что банкротства затронули в первую очередь не высокоэффективные компании, нацеленные на постоянное сокращение издержек и использующие стратегию хеджирования от ценового риска, а скорее мелкие, ориентированные исключительно на получение денежного потока, достаточного для обеспечения их текущей операционной деятельности.

Источник: [4].

Рис. 3. Динамика числа объявивших о банкротстве американских нефтегазовых компаний в марте 2015 г.– апреле 2017 г., ед.

Финансовые катализаторы увеличения нефтедобычи в период восстановления цены на нефть

В ответ на постепенное восстановление нефтяных котировок после достижения в декабре 2016 г. соглашения между ОПЕК и не входящими в эту организацию странами об ограничении нефтедобычи буровая активность в США значительно повысилась. На конец марта число активных нефтяных буровых установок в СШАросло 11-ю неделю подряд, что в квартальном исчислении привело к наибольшему приросту со второго квартала 2011 г. (рис. 4). При этом цена WTI во втором квартале 2011 г. выросла на 10% к первому кварталу года (103 долл./барр.), в то время как в первом квартале 2017 г. она увеличилась на 5%, а по абсолютным значениям была в два раза ниже – 51,7 долл./барр. Для игроков финансового и нефтяного рынка принципиальны не абсолютные уровни цены, а направления ее движения.

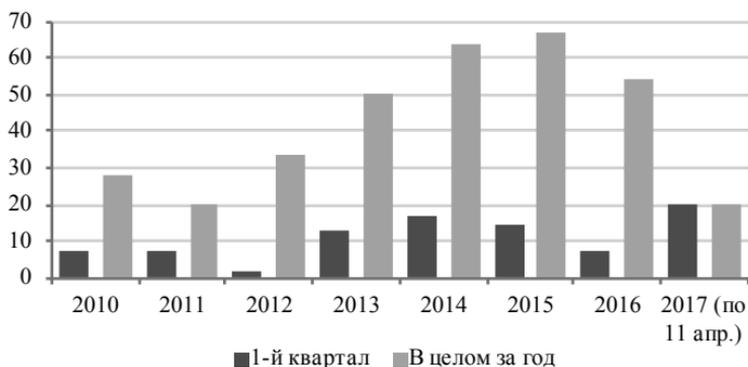
Источник: данные Baker Hughes.

Рис. 4. Динамика числа активных нефтяных буровых установок в США в 2000–2016 гг.

Постепенное восстановление нефтяных котировок, с одной стороны, стимулирует нефтегазовых производителей наращивать капитальные затраты для повышения буровой активности. По оценкам IHS Markit, в 2017 г. североамериканские нефтегазовые компании планируют увеличить капитальные затраты в секторе upstream по сравнению с 2016 г. на 25% [5]. С другой стороны, это подогревает интерес инвесторов к сектору трудноизвлекаемой нефти в США и открывает дополнительные возможности для сланцевых производителей по привлечению средств на финансовом рынке.

Несмотря на более низкий абсолютный уровень цены на нефть, в период восстановления нефтяных котировок после обвала гибкий и устойчивый сектор неконвенциональных углеводородов упрочил свою привлекательность для инвесторов, и финансовый рынок с новой силой включил имеющиеся в его распоряжении рычаги для поддержания нефтедобычи.

Активизация банковского кредитования и рекордный объем прямых инвестиций. По данным Thomson Reuters, в первом квартале 2017 г. производители нефти и газа в США смогли привлечь 19,8 млрд долл. прямых инвестиций, что в 2,8 раза превышает аналогичный показатель за первый квартал 2016 г. и является рекордным уровнем с 2010 г. (рис. 5).

Источник: [6].

Рис. 5. Динамика прямых инвестиций в энергетический сектор США в 2010–2017 гг., млрд долл.

Информация Bloomberg показывает, что в первом квартале 2017 г. высококредитованные американские энергетические компании смогли привлечь 26,8 млрд долл. кредитов, что на 86% больше, чем в первом квартале 2016 г. Кроме того, крупнейшие американские банки по итогам первого квартала 2017 г. заявили, что рост нефтяных котировок позволил дополнительно высвободить 370 млн долл., которые в период низкой ценовой конъюнктуры служили для создания резервов на возможные потери по ссудам [7]: у JP Morgan резервы в первом квартале 2017 г. составили минус 93 млн долл. (в первом квартале 2016 г. – 713 млн долл.), у Citigroup Inc. – минус 77 млн долл. (233 млн долл.), у Wells Fargo & Co – минус 200 млн долл. в первом квартале 2017 г. Снижение резервов на возможные потери по ссудам может косвенно свидетельствовать об улучшении финансового состояния нефтегазовых компаний.

Отдельно стоит отметить в целом позитивные ожидания игроков рынка нефти по поводу пересмотра банками лимитов по кредитным линиям нефтегазовых компаний весной 2017 г. Особенностью «кредитования под запасы» (reserve-based lending) является то, что обеспечением по кредиту выступают запасы, которыми обладает сырьевая компания. При этом базой кредитования – максимальной суммой, которую банк готов предоставить заемщику – выступает приведенная стоимость

доказанных запасов углеводородов (показатель PV-10 – сумма будущих чистых денежных потоков компании, дисконтированных по ставке 10%). При этом для расчета выручки от продажи углеводородов банки используют свои прогнозы движения цен. Обычно они готовы предоставить кредит в размере примерно 60% рассчитанной ими базы кредитования, а пересмотр лимитов по кредитным линиям в связи с изменением ценовой конъюнктуры проводится, как правило, дважды в год – весной и осенью [8]. По данным юридической компании Haynes and Boone, весной 2017 г. лишь 24% опрошенных ожидали сокращения базы кредитования для нефтегазовых компаний (для сравнения: в ходе пересмотра лимитов по кредитным линиям осенью 2016 г. – 41%), а 89% респондентов предполагали, что бюджет капитальных затрат компаний на геологоразведку и добычу в 2017 г. вырастет по сравнению с 2016 г., при этом две трети ответили, что он вырастет значительно – на 20% и более [9]. Результаты опроса подтвердил рост базы кредитования компаний Oasis Petroleum, WildHorse Resource Development, Concho Resources, Carrizo Oil & Gas и Swift Energy, которые уже прошли весенний пересмотр лимитов по кредитным линиям (табл. 1).

Таблица 1. Результаты весеннего пересмотра лимитов по кредитным линиям для некоторых американских добывающих компаний в 2017 г.

Компания	База кредитования, млн долл.		Прирост, %
	до переоценки	после переоценки	
Oasis Petroleum	1150	1600	39
WildHorse Resource Development	363	450	24
Concho Resources	2800	3000	7
Carrizo Oil & Gas	600	900	50
Swift Energy	250	330	32
Eclipse	125	175	40
Vine Resources	250	350	40
Jagged Peak Energy	160	180	13
WPX Energy	1025	1200	17
Halcon Resources	600	650	8

Источник: [10].

На рекордных исторических уровнях находится активность по слияниям и поглощениям. О росте интереса инвесто-

ров к американскому сектору неконвенциональных углеводородов свидетельствует тот факт, что на максимальных исторических уровнях по итогам первого квартала 2017 г. находилась активность нефтегазовых компаний в США по слияниям и поглощениям (табл. 2). В первом квартале 2017 г. в США были объявлены 53 такие сделки в энергетическом секторе; их совокупная стоимость составила 73 млрд долл., что на 160% превысило аналогичный показатель за первый квартал 2016 г.

Таблица 2. Объем сделок по слияниям и поглощениям на наземных месторождениях в США в 2014-2017 гг., млрд долл.

Компания	2014	2015	2016	I кв. 2017
Bakken	9	1	2	
Eagle Ford	8	1	3	
Permian Midland	15	4	9	
Permian Delaware	0	3	18	
Другие	48	22	34	
Всего				73

Источник: [11].

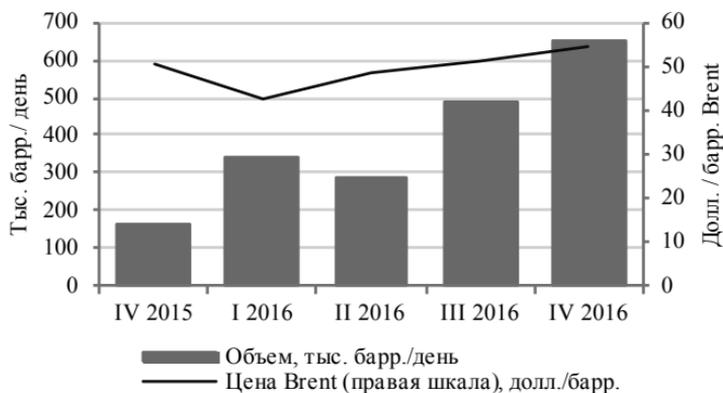
При этом в секторе неконвенциональных углеводородов в первом квартале 2017 г. объявлены 28 сделок общим объемом 24,62 млрд долл. Абсолютным лидером среди сланцевых формаций по объему таких сделок в первом квартале стал плей Permian – 20 сделок стоимостью 21,36 млрд долл. [12]. Стоит отметить, что интерес инвесторов сдвигается в сторону части формации Permian Delaware, которая до настоящего времени находилась в значительной мере в режиме тестовой разработки и обладает большим потенциалом наращивания добычи.

Притом, что нефтяной сектор по своей природе является высокопроциклическим, финансовый рынок в целом повышает имманентную волатильность этого сектора. При предоставлении кредитов банки ориентируются не на доходность нефтяных компаний, добывающих трудноизвлекаемую нефть, а на объемы ее добычи. Соответственно, проциклическими являются и все индикаторы, отражающие приток финансовых ресурсов в добычу неконвенциональных углеводородов. Так, снижение цен на нефть в мае–июне 2017 г. немедленно привело к спаду активности по слияниям и поглощениям [13]. Несомненно, что пересыхание перетока ресурсов от финансового сектора

к нефтяным компаниям будет продолжаться по всем каналам. Однако по мере восстановления повышательной ценовой тенденции банки немедленно возобновят финансирование нефтяных компаний.

Расширение операций по хеджированию ценового риска, несмотря на снижение финансового результата от хеджирования. Практика хеджирования ценового риска с помощью производных финансовых инструментов является важнейшим механизмом для обеспечения надежного функционирования сырьевой компании в условиях ценовых колебаний. При хеджировании продавцы и покупатели риска ориентируются на цены фьючерсных контрактов, при этом при снижении фактической цены операции по хеджированию дают нефтегазовым компаниям возможность продавать добытые углеводороды по цене выше текущих котировок. Развитый финансовый рынок и хеджирование ценового риска обеспечили значительную устойчивость сектора трудноизвлекаемой нефти к снижению цен на нефть. Гарантированный сбыт нефти по сравнительно высокой цене повысил их устойчивость и одновременно сделал привлекательными партнерами для игроков финансового рынка, включая банки.

В четвертом квартале 2016 г. контрольная группа нефтегазовых компаний, большая часть которых вовлечены в американский сектор трудноизвлекаемой нефти, нарастила, по оценкам Wood Mackenzie, объем хеджирования до максимального по сравнению с четырьмя предыдущими кварталами уровня. Так, в октябре–декабре 2016 г. 33 компании в секторе геологоразведки и добычи увеличили объем захеджированной добычи на 648 тыс. барр. в день, что на треть превышает аналогичный показатель за третий квартал года (рис. 6). Значительный прирост объема новых нефтяных хеджей в октябре–декабре 2016 г. связан с возможностью компаний захеджировать будущую нефтедобычу по цене выше 50 долл./барр. после достижения в ноябре–декабре 2016 г. соглашения стран ОПЕК и ряда не входящих в ОПЕК государств о сокращении нефтедобычи. В целом на конец марта 2017 г. контрольная группа захеджировала 26% ожидаемой в 2017 г. нефтедобычи (за аналогичный период 2016 г. – 24%, 2015 г. – 23%) [14].

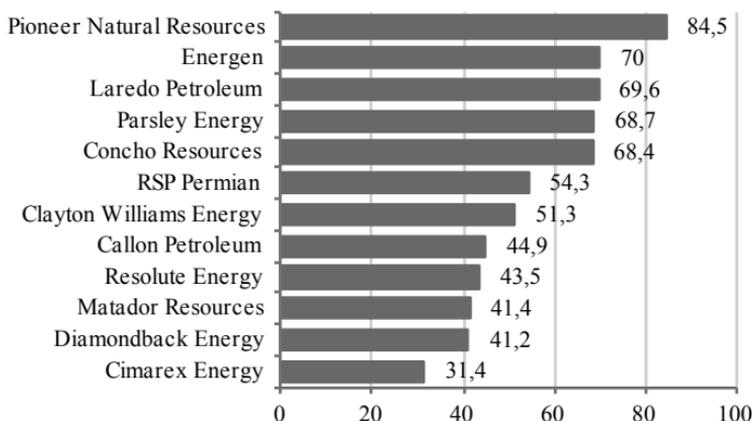

Источник: [14].

Рис. 6. Объем и средняя цена новых хеджей на добычу нефти в четвертом квартале 2015 г. и 2016 г. по 33 компаниям в секторе upstream, использующим активную стратегию хеджирования

По менее радужным данным IHS Markit, на конец апреля 52 североамериканские добывающие компании защитили от ценового риска 16% ожидаемой в 2017 г. нефтедобычи по средней цене 52,24 долл./ барр. Кроме того, по оценкам компании, сужающийся спред между ценой хеджирования и рыночной приводит к значительному сокращению выручки от хеджирования ценового риска: по предварительным оценкам, по контрольной группе компаний она составила в 2016 г. 8 млрд долл., что наполовину меньше, чем в 2015 г., а в 2017 г. этот показатель может снизиться еще до 500 млн долл. [15].

Стоит отметить, что стратегию хеджирования ценового риска активно используют компании, разрабатывающие наиболее устойчивую к снижению нефтяных котировок сланцевую формацию, которая обладает значительным потенциалом наращивания нефтедобычи. По данным Bloomberg Intelligence, 12 американских нефтегазовых компаний, разрабатывающих сланцевую формацию Permian, уже захеджировали 64% ожидаемой в 2017 г. нефтедобычи по средней цене 49,43 долл./барр. (рис. 7). Лидер – компания Pioneer Natural Resources, которая захеджировала 85% ожидаемой в текущем году нефтедобычи.

Источник: [16].

Рис. 7. Доля захедржированной ожидаемой добычи нефти в 2017 г.,%

Таким образом, благодаря тесной связке добывающих компаний с финансовыми рынками, сектор трудноизвлекаемой нефти в США относительно спокойно перенес снижение нефтяных котировок, избежав массовых банкротств. В период же постепенного восстановления цен на нефть интерес инвесторов к американскому сектору неконвенциональных углеводородов повысился. Открытым остается вопрос, каким образом ожидаемый возврат ФРС США к конвенциональной монетарной политике и рост процентной ставки повлияют на взаимодействия компаний и финансового рынка? Несмотря на повышенную неопределенность, высоковероятно, что гибкие и адаптивные финансовые рынки останутся одним из важнейших драйверов «сланцевой революции».

За прошедшее десятилетие банки и другие финансовые институты детально изучили такой специфичный актив, как неконвенциональные запасы углеводородов, и хорошо осознают его перспективность. Привлекательность работы с этим активом дополнительно возрастает в результате последовательного снятия нынешней американской администрацией экологических ограничений на развитие ископаемых топлив, включая решение выйти из Парижского соглашения по климату, а также нарастающих возможностей экспорта нефтепродуктов и сырой нефти из США.

Литература

1. Жуков С.В., Золина С.А. США: финансовые рынки и развитие сектора неконвенциональной нефти// *Мировая экономика и международные отношения*.– 2016.– Т. 60.– № 11.– С. 14–24.
2. Carbon Tracker. From Capex Growth to Capital Discipline? – Cost, Risk, and Return Trends in the Upstream Oil Industry.– 2014.– 8 May.
3. Haynes and Boone, LLP. Oil Patch Bankruptcy Monitor.– 2017.–27 April.
4. Haynes and Boone, LLP. Oil Patch Bankruptcy Monitor.– 2017. – 20 February.
5. Meyer J. Making ends meet: How the oil industry is cutting costs to make up for lower prices. URL: <http://blog.ihc.com/making-ends-meet-how-the-oil-industry-is-cutting-costs-to-make-up-for-lower-prices> (дата обращения: 20.06.2017).
6. Reuters Graphics. Private equity investment in U.S. energy. URL: <http://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/rngs/USA-SHALE-FUNDING/010040ML1DV/index.html> (дата обращения: 31.05.2017).
7. Private equity investment in U.S. energy. URL: <http://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/rngs/USA-SHALE-FUNDING/010040ML1DV/index.html> (дата обращения: 20.06.2017).
8. Dai S. Borrowing Base Redetermination 101. URL: <https://blogs.wsj.com/privateequity/2015/09/29/borrowing-base-redetermination-101/> (дата обращения: 31.05.2017).
9. Haynes and Boone, LLP. Borrowing Base Redeterminations Survey: Spring 2017.– 2017.– 4 April.
10. Adams M. Improved outlook as redeterminations trend upward. URL: <http://www.ogj.com/articles/print/volume-14/issue-6/departments/second-thoughts/improved-outlook-as-redeterminations-trend-upward.html> (дата обращения: 20.06.2017).
11. Zhu Y. Navigating the frenzy: 4 ways the Permian is leading US upstream M&A. URL: <https://www.mckinseyenergyinsights.com/insights/navigating-the-frenzy-4-ways-the-permian-is-leading-us-upstream-ma/> (дата обращения: 20.06.2017).
12. PwC reports record-high US oil, gas M&A deal value for first quarter. URL: <http://www.ogj.com/articles/2017/04/pwc-reports-record-high-us-oil-gas-m-a-deal-value-for-first-quarter.html> (дата обращения: 20.06.2017).
13. Tognin G. Shale Patch M&A Frenzy Cools as Oil Price Gets Stuck Below \$45. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-06-20/shale-patch-m-a-frenzy-cools-as-oil-price-gets-stuck-below-45>
14. Surge in oil hedging could worsen US supply glut. URL: <https://www.woodmac.com/media-centre/12534627> (дата обращения: 20.06.2017).
15. North American E&P companies wager big, hedging 24% of 2017 production. URL: <http://www.worldoil.com/news/2017/1/10/north-american-ep-companies-wager-big-hedging-24-of-2017-production> (дата обращения: 20.06.2017).
16. Denning L. For Oil's Future, Peer Through the Hedges. URL: <https://www.bloomberg.com/gadfly/articles/2017-04-13/for-oil-s-future-peer-through-the-hedges> (дата обращения: 20.06.2017).

О некоторых институциональных проблемах применения финансовых технологий в России

А.А. БАЛАБИН, кандидат экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск.
E-mail: balabin-a-a@mail.ru

В статье обсуждаются фундаментальные причины, препятствующие быстрому внедрению финансовых технологий, получивших широкое распространение за рубежом, в практику работы сырьевых компаний в России. На примере технологии «кредитования под запасы» показано, что она не используется в связи с неразвитостью института собственности на недра. Возможности использования технологии хеджирования рисков ограничиваются несовершенством законодательства и судебной системы. Делается вывод о необходимости согласования конкретных изменений общественных институтов и внедрения прогрессивных финансовых технологий с учетом общей цели стимулирования экономического роста.

Ключевые слова: финансовые технологии, добывающие компании, кредитование под запасы, хеджирование рисков, производные финансовые инструменты, Сбербанк, «Транснефть»

*«Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу
Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности,
какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить
к этому еще дородности Ивана Павловича – я бы тогда
тотчас же решилась».*

Н. В. Гоголь. «Женитьба»

Многие общественные и политические деятели, говоря о реформировании российской экономики, указывают на необходимость институциональных изменений, однако излагают их в самом общем виде [1, 2]. Мы узнаем в очередной раз, что нужны инновационная (или, еще лучше, цифровая) экономика, снижение издержек государственного управления, увеличение прозрачности и скорости принятия решений. Требуется реформа судебной системы: новые нормы и процедуры, защищающие права собственников, другая система подбора кадров, повышение эффективности аппарата судов и т.д. и т.п.

Все мы, собственно говоря, «за». Однако хотелось бы конкретизации. Ну, например, хорошо бы научиться добывать нефть из глубин моря. Или делать смартфоны, как Samsung. Ну или, хотя бы, чтобы кастрюли привозили не из Китая. Или чтобы в поликлинике очередей не было, и чтобы вылечили.

Казалось бы, бери и осваивай уже имеющиеся, наработанные технологии, используй нормативные акты, механизмы, отдельные приемы и финансовые инструменты, просто переведя учебники и инструкции с английского на русский. Нет недостатка и в научных работах, перечисляющих возможные конкретные приемы и инструменты для решения тех или иных проблем, широко используемые за рубежом. К одной из таких работ относится статья С. В. Жукова и С. А. Золиной, посвященная использованию некоторых финансовых технологий в нефтегазовом секторе США и опубликованная в настоящем номере журнала. Попробуем разобраться (не абстрактно, а на конкретных примерах), что же всё-таки препятствует внедрению перечисленных в ней финансовых приемов в России.

О кредитовании под запасы

Один из конкретных финансовых инструментов, названных в статье С. В. Жукова и С. А. Золиной, – это так называемое «кредитование под запасы» (baseborrowing, reserve-based lending, RBL). Для понимания сути проблемы расскажем об этом виде кредитования чуть более подробно. RBL представляет собой особую кредитную линию с лимитом задолженности, открываемую добывающей нефтегазовой компанией на длительный период (как правило, на несколько лет). Объем задолженности по ней (в каждый момент времени) не должен превышать определенной величины, устанавливаемой для каждой конкретной нефтегазодобывающей компании отдельно, с учетом наличия обеспечения. Ключевой вопрос состоит в том, что можно считать таким обеспечением по кредиту? В российской практике, как правило, это определенная часть денежного потока, проходящая через счет компании в банке (например, половина от среднеквартальных чистых дебетовых оборотов по счету), и/или залог в виде основных средств или иного имущества. В практике США и Канады в качестве обеспечения по RBL рассматривается взятая с коэффициентом 0,6–0,8 общая сумма

быстроизвлекаемых запасов, за вычетом торговых обязательств и обязательств перед собственниками запасов и транспортными компаниями. Иными словами, возможный предельный объем кредитования зависит от объемов располагаемых компанией быстроизвлекаемых запасов и их текущей рыночной цены. Конечно, слишком частый пересмотр лимита был бы неудобен как для заемщика, так и для банка, поэтому он пересматривается, как правило, только два раза в год.

Если, скажем, американское месторождение будет эксплуатироваться десять лет, то суммарный денежный поток (даже и дисконтированный с учетом фактора времени) за этот период по своему объему будет во много раз превышать среднеквартальный или среднемесячный потоки. Соответственно, лимит задолженности (для одной и той же компании), установленный банком США, будет во много раз превосходить по величине лимит от российского банка.

Что же мешает использовать этот вид обеспечения в отечественных условиях? Именно институциональные преграды. Для того чтобы взять что-либо в залог, нужно, чтобы это «что-либо» принадлежало заемщику на праве собственности¹. Причем это право должно быть зафиксировано в определенной юридической форме.

В американском законодательстве управление и нормативно-правовое регулирование в сфере недропользования различаются в зависимости от субъекта права собственности на земельный участок и расположенные под ним недра. Недра в этой стране могут находиться в собственности федеральной власти, штатов и частных лиц. На федеральном уровне отношения недропользования регулируются Горным законом США 1872 г. (с последующими изменениями и дополнениями), а также законом «О горной аренде» 1920 г. и 1947 г. Однако едва ли не большее значение имеют законодательство отдельных штатов и судебные постановления, создающие прецеденты в решении споров о землепользовании.

В общем случае законодательство признает, что собственник земли имеет также право собственности на недра земли. Право

¹ Отметим, что обеспечение по кредиту может предоставляться как самим заемщиком, так и третьим лицом. Однако для хода наших дальнейших рассуждений это несущественно.

собственности на нефть и газ устанавливается не по факту их добычи, а по факту доказательства их наличия в недрах. Права на полезные ископаемые могут быть свободно проданы или переданы, например, в аренду или в залог. Более того, в части штатов (Техас, Колорадо, Канзас, Пенсильвания, Теннесси, Западная Вирджиния) так называемая доктрина захвата (*capture doctrine*) признает мигрирующий (*migratory*) характер нефти и газа. В результате лицо, осуществляющее добычу, приобретает титул собственности на весь газ и всю нефть, извлеченные на участке земли, где производится бурение, хотя бы эти нефть и газ и «мигрировали» с соседнего участка из-за образования зон низкого давления [3].

Для нашего частного случая существенно то, что американский банк вправе (если позволяет совокупность федеральных и местных законодательных норм) рассматривать находящиеся в недрах ресурсы как юридически защищенную собственность залогодателя – добывающей компании, и, соответственно, принимать эту собственность в качестве обеспечения для RBL. Однако, исходя из тех же юридических оснований, он никогда не сможет это сделать, если компания осуществляет добычу на участках, относящихся к федеральной собственности или собственности штата.

В российском законодательстве [4, ст. 1.2] недра однозначно определяются как собственность государства. Участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме. Компания становится собственником российских полезных ископаемых не раньше, чем они появились на поверхности. Только после этого они могут стать предметом залога. Следовательно, описанный выше вид обеспечения по кредиту никак не может быть применен у нас в стране. Можно сколько угодно рассуждать о прогрессивных и инновационных финансовых технологиях, о консервативности российских банков или об оптимальной величине ключевой ставки Банка России, но это не изменит существующего положения вещей.

Отметим и еще одну важную деталь: что же принять американскому банку в качестве показателя быстроизвлекаемых запасов? Строго говоря, ему всё равно, сколько нефти в баррелях находится в недрах, и какие технологии добычи будут

использоваться. Для него важно, чтобы добытая нефть превратилась в итоге в денежный поток, который способен погасить задолженность заемщика. А это, в свою очередь, означает, что из всех предлагаемых в залог запасов для банка будет иметь значение только та их часть, которую экономически целесообразно добывать в ближайшее время. Отсюда – требования к методике классификации запасов, которая должна позволять определить нужный для банка показатель. В принятой в США классификации [5] это доказанные запасы (proved reserves). В отечественной же классификации [6] при определении категорий ресурсов вопрос об экономической целесообразности добычи ресурсов прямо не ставится. Таким образом, для гипотетического оформления RBL российскому банку пришлось бы потребовать от компании для начала рассчитать и подтвердить аудитом величину доказанных запасов, что может вызвать бурные протесты потенциального заемщика по поводу того, что банк выдвигает чрезмерные требования и затягивает выдачу кредита, «когда ему и так предоставили полный пакет документов».

Мы не предлагаем отменить монополию государства на недра. В конце концов, такая монополия существует и в Бразилии, и в Саудовской Аравии, и много где ещё [7]. Однако не следует ожидать, что внедрение рассмотренного финансового инструмента может произойти раньше, чем будет осуществлена комплексная и конкретная настройка защиты прав всех участников хозяйственного процесса в рамках действующего законодательства.

О хеджировании рисков

Второй пример, который приводят С.В. Жуков и С.А. Золина в своей статье, касается применения некоторыми нефтегазодобывающими компаниями США финансовых технологий хеджирования (способ ограничения рисков, при котором наряду со сделками по продаже основной продукции компанией заключаются так называемые компенсирующие сделки – например, форвардные контракты, опционы, фьючерсы, валютные свопы или иные деривативы).

Таким образом, компания, прибегая к хеджированию, должна заведомо согласиться на невысокий, но при этом более надежный финансовый результат, а также на неизбежное получение

в будущем убытков (либо по основной, либо по компенсирующей сделке).

При всём разнообразии финансовых инструментов суть хеджирования чрезвычайно проста: компании нужно найти такую компенсирующую сделку, которая принесет прибыль в то же самое время, когда основная деятельность (основная сделка) принесит убыток. И наоборот.

Нет никаких ограничений на заключение целого набора компенсирующих сделок с разными сроками исполнения и разными базовыми активами. К примеру, основная деятельность по добыче нефти может сопровождаться приобретением фьючерсных и/или опционных контрактов на нефть, золото, курс какой-либо валюты и биржевой индекс.

Пример 1 (условный). Предположим, некая российская компания оказывает услуги организациям – нерезидентам РФ на территории РФ и получает выручку в долларах США (основная сделка). Со своими поставщиками она рассчитывается в рублях, для чего вынуждена конвертировать валютную выручку в рубли. Полагая, что в течение следующего квартала курс доллара будет снижаться, компания заключила с банком (назовем его хеджером) два беспоставочных опционных соглашения (хеджирующая сделка). По первому из них она получила право на определенную дату в будущем продать банку доллары США из расчета 45 руб., по второму – 55 руб. Экономический смысл данной операции состоит в том, что при падении курса доллара ниже 45 руб. компания получает возможность продать его по более высокой цене. С помощью сочетания двух опционов она страхует себя от снижения курса доллара и стабилизирует объем рублевой выручки.

Однако если фактический курс доллара вырастет выше 55 руб., и компания продаст по требованию банка доллары по цене исполнения опциона, то ей придется выплатить банку отрицательную курсовую разницу. Хотя, строго говоря, это проигрыш, но он компенсируется положительной переоценкой реальных долларов, полученных по основной сделке.

Легко понять, что банк-хеджер получит расход при падении курса рубля ниже 45 руб./долл., либо доход, если курс рубля подскочит выше 55 руб./долл. Для ограничения рисков банк должен заключить «зеркальную сделку» хеджирования на бирже,

например, покупая фьючерсы на курс доллара. В этом случае движение курса доллара выше 60 руб./долл. будет означать для банка получение «нулевого» финансового результата: одновременного выигрыша от исполнения опциона и проигрыша на бирже от закрытия позиции по фьючерсам.

Техника хеджирования, помимо точного расчета, требует доступа к широкому кругу биржевых финансовых инструментов, который обеспечивает для компании профессиональный участник рынка ценных бумаг (например, банк), имеющий доступ на биржевой рынок. Желательно, чтобы во избежание споров сделка была зафиксирована независимым лицом (репозитарий). И наконец, если споры всё же возникли, должны существовать арбитраж и правила, которыми он будет руководствоваться.

Очень важно, что вышеописанная институциональная схема взаимодействия участников хеджирования не сможет правильно действовать, если «хромает» какой-либо из её элементов.

Вообще сделки хеджирования не являются новостью для нашей страны. Анализ отчетности 30 крупнейших по выручке российских компаний показал, что производными финансовыми инструментами в 2014 г. пользовались 14 из них, в частности, ПАО НК «Роснефть», ПАО «Нефтяная компания ЛУКОЙЛ», ПАО «Мечел», ПАО «Уралкалий». Внимание к этим сделкам было привлечено в 2015 г., когда в ежегодной отчетности большинство этих компаний показали убытки, связанные с использованием производных финансовых инструментов. Анализ их отчетов за 2014 г. (по МСФО) показал, что убытки от переоценки деривативов на конец года составили около 317 млрд руб. [8]. Ясно, что они возникли в результате быстрого двукратного обесценения рубля по отношению к доллару во второй половине 2014 г.

Нас интересует, насколько устойчиво сработала в этой нередкой рыночной ситуации система российских институтов. Разберем её применительно к сделкам ПАО «Транснефть».

В 2009 г. «Транснефть» получила от Китайского банка развития кредит на 10 млрд долл. в счет поставок российской нефти в пользу китайской CNPC. Эти средства были направлены на строительство трубопроводной системы в России, в том числе на отвод от ВСТО к границе КНР. Помимо этого «Транснефть» выпускала еврооблигации на сумму 1,65 млрд долл. Таким

образом, у компании сформировалась классическая ситуация, требующая хеджирования: наличие значительных обязательств, выраженных в валюте, притом, что большая часть расходов и доходов компании выражена в рублях. Исходя из имевшихся на дату заключения сделки обстоятельств, компания решила застраховаться от возможного снижения курса доллара к рублю. Как показали события второй половины 2014 г., предположение об укреплении курса рубля было неверным.

К заключению сделок хеджирования в качестве партнера был привлечен ПАО Сбербанк (далее – Сбербанк).

Пример 2 (реальный). «Транснефть» в отчете за 2014 г. сообщила о заключении в декабре 2013 г. сделки с банком с одновременным приобретением барьерного опциона пут с отлагательным условием и продажей барьерного опциона колл с отлагательным условием на сумму 2 млрд долл. с датой исполнения в сентябре 2015 г. Барьерное отлагательное условие по опциону колл наступало, если курс рубля преодолевал 45 руб./долл. Осенью 2014 г., на фоне ослабления курса рубля, это барьерное условие было изменено сторонами на 50,35 руб./долл. Однако курс доллара к рублю продолжил свой рост и вновь превысил установленный барьер. На дату истечения срока опциона в сентябре 2015 г. банк уведомил «Транснефть» о курсе 66 руб./долл. и об обязанности компании выплатить в пользу банка 66,95 млрд руб. «Транснефть» выплатила эту сумму Сбербанку 21.09.2015 [9].

Факт получения отрицательной переоценки от сделок хеджирования в 2014 г. вскрылся в годовой отчетности «Транснефти». В апреле 2015 г. Ассоциация профессиональных инвесторов обратилась с письмами в Правительство, Росимущество и Банк России с предложением разобраться с убытками «Транснефти» от операций с производными финансовыми инструментами на валютном рынке в размере 75,3 млрд руб. в 2014 г. Удивительно само по себе, что инвесторы, называющие себя профессиональными, не смогли самостоятельно разобраться, что произошло, и спросили об этом государственные органы: «На основании чего менеджментом общества были сделаны выводы о необходимости принятия столь высоких рисков в целях хеджирования возможного укрепления рубля в 2013–2014 годах против доллара США, учитывая, что в основном общество получает выручку и несет рублевые расходы?» (цит. по: [10]). В ответ представитель

«Транснефти», вместо того чтобы привести аргументы из учебника по ценным бумагам, рассказал о том, что многие другие российские компании также получили убытки по аналогичным сделкам, и в этом нет ничего особенного.

В последующей переписке с Росимуществом первый вице-президент «Транснефти» М. Гришанин привел более внятные аргументы, пояснив, что сделки хеджирования заключались для «минимизации валютных рисков», возникающих из-за того, что около 90% своих затрат «Транснефть» несет в рублях, а 89% временно свободных денежных средств компании были размещены в иностранной валюте. Из его объяснений следовало, что сделки по хеджированию валютных рисков должны были уменьшить возможный убыток «Транснефти» в случае укрепления рубля и (потенциально) снизить стоимость обслуживания корпоративных облигаций «Транснефти» на 65 млрд руб. М. Гришанин также указывал, что оценка убытков «Транснефти» от сделок с деривативами носит «гипертрофированный характер»: убыток скорее связан с упущенной выгодой и является бумажным, а не денежным² (цит. по [11]).

Возможно, чтобы избежать дальнейших обвинений в бездействии, 11 января 2017 г. «Транснефть» подала в Арбитражный суд Москвы иск к Сбербанку о признании итогов хеджирующих сделок со Сбербанком недействительными, и, соответственно, о возврате суммы, перечисленной ранее Сбербанку. Аргументация истца сводилась к тому, что Сбербанк не предупредил его в полном объеме о рисках, сопутствующих сделке. Вряд ли кто из внешних наблюдателей (не говоря уж о специалистах фондового рынка, в том числе и в самой «Транснефти») всерьез

² Представитель «Транснефти» выдавал желаемое за действительное. Переоценка, предусмотренная МСФО, фиксирует, что в отчетности на определенную дату отражаются не только настоящие, но и возможные будущие потери компании. Потенциальные убытки становятся реальностью после того, как обязательство по финансовому инструменту исполнено. Если бы, к примеру, в период между двумя отчетными датами произошло укрепление курса рубля, то в учете появилась бы положительная переоценка по опциону, которая погасила бы убытки прошлого года. То есть, если бы курс рубля в 2015 г. вернулся к докризисному уровню (на что надеялся менеджер), положительная переоценка опциона «погасила» бы полученную ранее отрицательную. К сожалению для «Транснефти», этого не произошло, что привело к окончательному признанию «бумажных» убытков свершившимся фактом в отчетности по итогам 2015 г.

поверил бы такой аргументации³. В свою очередь представитель Сбербанка заявил, что «при заключении сделки “Транснефть” подписала декларацию о рисках, содержащую полную информацию о рисках и вероятности их реализации; компания понемало и оценивала свои возможные убытки, а теперь утверждает об обратном» (цит. по: [13]).

Удивительным образом слабые, основанные на субъективном суждении аргументы истца привели к положительному для него решению [14]. Арбитражный суд Москвы 8 июня 2017 г. признал недействительной сделку Сбербанка и «Транснефти» с производными финансовыми инструментами. Доводы Сбербанка о том, что он не получил сверхприбыль по сделке, так как понес расходы на хеджирование своих рисков, соизмеримые с полученными по сделке с «Транснефтью», не были приняты.

В свою очередь арбитражный апелляционный суд, состоявшийся 23 августа 2017 г., отменил решение Арбитражного суда Москвы. Судя по сообщениям СМИ, судебная тяжба «Транснефти» и Сбербанка будет продолжена [15].

Возможно, что к моменту выхода в печать статьи будет вынесено окончательное судебное решение по спору. Однако, вне зависимости от того, кто в этой истории победит, очевидным является её общее сдерживающее влияние на развитие практики хеджирования рисков в нашей стране на несколько лет вперед.

Хеджеры поставлены в сомнительное положение: застрахованное лицо не возражает против выигрыша по хеджирующей сделке, однако при проигрыше достаточно обращения этого лица в суд, чтобы снять с себя ответственность за убытки и возложить их на третьих лиц, или, по крайней мере, сильно потрепать нервы в суде. Какую декларацию о рисках нужно составить, чтобы предупредить клиента о всевозможных бизнес-рисках и форсмажорных обстоятельствах? Будут ли другие компании опротестовывать итоги сделок? Согласятся ли финансовые посредники при таких обстоятельствах продолжать

³ Отметим, что, указывая такую причину иска, руководство «Транснефти» (включая совет директоров, санкционировавший сделку) как бы признало свою недостаточную компетенцию в области управления рисками компании. Зампредседателя Правления Сбербанка Б. Златкис заявила по этому поводу: «... Не каждый клиент может про себя сказать, что “я вообще ничего не понимаю, но при этом подписываю миллиардные сделки”» (цит. по [12]).

оказывать услуги по хеджированию рисков? Первоначальное судебное решение дало неверный сигнал всем добросовестным участникам рынка производных финансовых инструментов и поколебало основополагающие принципы, на которых этот рынок построен.

Ничем другим, как недостатками нашей правоохранительной системы, нельзя объяснить действия суда и прокуратуры. Горы научной и практической литературы, усилия Банка России и специалистов фондового рынка по созданию биржевого рынка деривативов в нашей стране, замечательные примеры хеджирования добычи американскими нефтяными компаниями из статьи С. В. Жукова и С. А. Золиной помогут только тогда, когда соответствующую (а не абстрактно декларируемую) компетенцию получит судебный орган, принимающий решение по конкретному делу⁴. В сложившихся обстоятельствах невозможно реализовать декларации государственных деятелей о предстоящем широком внедрении технологий хеджирования в России [16].

Подведем некоторые итоги. Представляется, что современная дискуссия о путях реформирования институциональных основ российской экономики должна, наконец, перейти в практическую плоскость. Удачные примеры применения финансовых технологий в нефтегазовом секторе за рубежом не приживутся в российских условиях, без предварительного изменения соответствующих законодательных основ и институтов. Так, использование новых технологий кредитования сдерживается неразвитостью форм собственности в нашей стране, а технологий хеджирования рисков – несовершенством судебной системы.

Было бы слишком смело рассматривать современные финансовые технологии как единственный «драйвер» развития компаний энергетического сектора. Хотя они и играют существенную роль в ограничении рисков финансовой несостоятельности компаний, как мы это видим на примере развития «сланцевого»

⁴ Мы не склонны возлагать ответственность за принятие неожиданного решения по делу между «Транснефтью» и Сбербанком на конкретного судью. Действуя в рамках системы германского права (к которому относится и российское законодательство), судья, встретившись с особым случаем, должен найти всё же формальную опору для своего решения в нормативных правовых актах. Неожиданности начинаются, если имеющаяся нормативная база недостаточно развита и неконкретна. В рамках англо-американской правовой системы, судья, учитывая прецеденты, всё же более свободен в выборе своего решения.

сектора нефте- и газодобычи в США. Применение современных финансовых инструментов обеспечило (и продолжает обеспечивать) сглаживание влияния резких скачков сырьевых цен на финансовое положение добывающего предприятия и создает определенную «финансовую атмосферу», в которой освоение и развитие инновационных способов добычи энергоресурсов проходит без резких спадов.

Преодоление проблем несоответствия институциональной базы жизненным потребностям развития российской экономики должно иметь комплексный характер и быть направлено на достижение общих целей развития страны. Задача внедрения новых технологий не может рассматриваться просто как дело узких групп специалистов, «которые лучше знают, что нужно для предприятия (отрасли, региона)». Однако и общественные деятели должны понять, что общие рассуждения об улучшении институциональной среды не решат проблемы ускорения экономического развития. Принятие разнородных и бессистемных решений, при всей их внешней «инновационности», не дает и не даст ожидаемого эффекта.

Важно, на наш взгляд, и для российской экономической науки, помимо «добычи нового знания», почаще выявлять и конкретизировать эту не всегда очевидную связь между общим и частным, абстрактным и конкретным.

Литература

1. Судебную реформу за один день не проведешь, а налоги изменить можно. Интервью с уполномоченным при Президенте России по правам предпринимателей Б. Ю. Титовым // Ведомости. – 2017. – 4 февр.
2. Устойчивый экономический рост: модель для России. Выступление А. Л. Кудрина на Гайдаровском форуме 13.01.2016 [Эл. ресурс] / URL: <https://akudrin.ru/news/ustoychivyy-ekonomicheskiy-rost-model-dlya-rossii-vystuplenie-na-gaydarovskom-forume-13-01-2016> (дата обращения: 11.08.2017).
3. *Крассов О. И.* Права собственника земли в имущественном праве США [Эл. ресурс] // Отрасли права. Аналитический портал [веб-сайт]. URL: <http://xn—7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/8291> (дата обращения: 07.08.2017).
4. О недрах [Эл. ресурс]: Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 26.07.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.08.2017).
5. Petroleum Resources Management System [El. resource] // Society of Petroleum Engineers. Official site. URL: <http://www.spe.org/industry/docs/>

Petroleum_Resources_Management_System_2007.pdf (дата обращения: 07.08.2017).

6. Об утверждении Классификации запасов и ресурсов нефти и горючих газов [Эл. ресурс]: приказ Минприроды России от 01.11.2013 № 477. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.08.2017).

7. Волков А. М. Публичное администрирование недропользования по законодательству зарубежных стран [Эл. ресурс]// Правовая инициатива.–2013.– № 11. URL: <http://49e.ru/ru/2013/11/14> (дата обращения: 07.08.2017).

8. Свop попутал [Эл. ресурс]// Газета РБК № 090 (2107).– 2015.– 28 мая. URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2015/05/28/56bcd3aa9a7947299f72bf91> (дата обращения: 13.08.2017).

9. Суд удовлетворил иск «Транснефти» к Сбербанку по сделке с убытком в 66 млрд рублей [Эл. ресурс]// Интерфакс [веб-сайт], 08.07.2017. URL: <http://www.interfax.ru/business/565840> (дата обращения: 13.08.2017).

10. Правительство по просьбе инвесторов изучит убытки «Транснефти» [Эл. ресурс]// Интерфакс [веб-сайт], 08.07.2017. URL: <http://www.interfax.ru/business/437978> (дата обращения: 14.08.2017).

11. Сколько потеряла «Транснефть» [Эл. ресурс] // Газета РБК № 094 (2350).– 2016.– 1 июня. URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/06/01/5745d2b29a79471a72f6dbc5> (дата обращения: 15.08.2017).

12. Сбербанк обжалует в суде решение по «Транснефти» до 21 июля // Интерфакс [веб-сайт], 26 июля 2017 г. URL: <http://www.interfax.ru/business/568137>(дата обращения: 16.08.2017).

13. «Транснефть» выиграла у Сбербанка суд по сделке с убытком на 66 млрд руб. [Эл. ресурс]// РБК [веб-сайт]. 08 июня 2017 г. URL: <http://www.rbc.ru/business/08/06/2017/593936a49a79470df70e7d5d> (дата обращения: 15.08.2017).

14. Решение Арбитражного суда г. Москва по делу № А40–3903/17–55–23 от 8 июня 2017 г. [Эл. ресурс]//Электронное правосудие: база данных [веб-сайт], 21.06.2017. URL: <http://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 17.08.2017).

15. Старинская Г. «Транснефть» не отстояла опционы // Ведомости.– 2017.– 24 авг.

16. Минэкономики представило правительству предложения по хеджированию валютных рисков экспортеров [Эл. ресурс]// Коммерсант. ru [веб-сайт] – 2017.– 20 марта URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3247614> (дата обращения: 16.08.2017).

Государственная политика в сфере уровня жизни в регионах Севера и Арктики РФ

Е.А. КОРЧАК, кандидат экономических наук,
Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина
Кольского научного центра РАН, Апатиты.
E-mail: korchak@iep.kolasc.net.ru

В статье приведены результаты исследования институциональных условий обеспечения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ. Определены нормативные правовые основы регулирования социально-трудовых отношений, создающие в совокупности с дискомфортом условий жизнедеятельности и темпами развития и отраслевой структурой региональных экономик угрозы социальной устойчивости территориального развития регионов Севера и Арктики РФ. Обоснованы приоритеты государственной политики России в сфере уровня жизни населения регионов Севера и Арктики РФ.

Ключевые слова: Север, Арктика, уровень жизни, социальная устойчивость, рынок труда, бедность

Регионы Севера и Арктики РФ играют ключевую роль в обеспечении национальной безопасности России на основе долгосрочного стабильного развития, главной составляющей которого является социальная устойчивость.

Проблемы социального развития регионов Севера и Арктики РФ

Социальная устойчивость – это способность социально-территориальной общности (страны, региона, поселения) поддерживать высокие социальные стандарты (в сфере обеспечения социальных прав граждан), коррелирующие с уровнем экономического развития. Основной принцип достижения социальной устойчивости – согласованная с имеющимися ресурсными возможностями социализация экономического развития, индикаторами которой являются демографическая ситуация и уровень здоровья населения, развития социальной инфраструктуры, образовательно-квалификационные характеристики населения, качество городской среды и безопасность жизнедеятельности, уровень жизни [1. С. 281–294; 2].

Анализ таких индикаторов свидетельствует о том, что современному состоянию регионов Севера и Арктики РФ в целом присущи признаки социальной устойчивости [1. С. 293] – «положительные изменения в процессах воспроизводства населения» и «позитивные тренды качественных изменений уровня устойчивости рождаемости» [3. С. 45], развитие спортивной инфраструктуры [4] и эффективное функционирование учреждений сферы общего образования [5. С. 34], высокий уровень экономической активности и значительная доля квалифицированных граждан в структуре занятого населения, рост ожидаемой продолжительности жизни и снижение уровня преступности (уменьшение числа зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения) [6].

К основным проблемам социального развития регионов Севера и Арктики РФ относятся низкая степень бытовой привлекательности северных и арктических территорий [5. С. 34–40; 7. С. 100–105], а также неблагоприятная ситуация в сфере уровня жизни.

Степень территориальной бытовой привлекательности определяется состоянием отраслей социальной сферы и эффективностью функционирования их объектов. Анализ основных элементов социальной инфраструктуры регионов Севера и Арктики РФ свидетельствует о том, что в целом имеющиеся сегодня сети предприятий, организаций и учреждений социальной сферы позволяют удовлетворять права граждан на образование, охрану здоровья и медицинскую помощь, участие в культурной и спортивной жизни, на жилище. Тем не менее материально-техническое состояние учреждений социальной сферы не всегда соответствует современным условиям, а неэффективная организация системы оказания медицинской помощи (снижающая ее качество и доступность) и дошкольного образования (не позволяющая в полной мере обеспечить возможности полноценного развития детей и формирования их образовательных потребностей и интересов), а также высокий уровень износа жилищного фонда (не позволяющий полностью удовлетворять потребности населения в жилье) продуцируют низкую степень бытовой привлекательности северных и арктических территорий.

Неблагоприятная ситуация в сфере уровня жизни определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, это социальная

напряженность на рынках труда (феномен «северной» безработицы), обусловленная высокой долей безработных граждан в структуре экономически активного населения и низкооплачиваемой занятостью в отдельных видах экономической деятельности (феномен экономической бедности). Несмотря на то, что в регионах Севера и Арктики РФ уровень участия населения в рабочей силе выше среднего по России (в 2015 г. – 72% при среднероссийском значении в 69,1%), при этом почти 78% занятых имеют квалификацию, на региональных и локальных рынках труда сложился структурный дисбаланс спроса и предложения в крупных городских и удаленных сельских и арктических поселениях. Это происходит на фоне проблем с трудоустройством коренных малочисленных народов Севера, значительная часть которых проживают в сельской и арктической местностях.

Например, основные факторы высокого уровня социальной напряженности на локальных рынках труда Мурманской области – сложная экономическая ситуация в монопрофильных поселениях (здесь проживает четверть населения области), а также расположение небольших производств в удаленных сельских и арктических районах региона (основная экономическая специализация которых – оленеводство и сельское хозяйство). В Чукотском автономном округе динамика безработицы в сельских поселениях носит сезонный характер – ее уровень сокращается в весенне-летний период в связи с особенностями традиционного образа жизни коренного населения. В целом для регионов Севера и Арктики РФ проблемы феномена «северной» безработицы актуализировались в связи с приоритетным развитием Арктической зоны: последствия безработицы – это снижение уровня квалификации и деформация профессионально-кадровой структуры трудовых ресурсов регионов Севера и Арктики РФ.

Во-вторых, это бедность населения, уровень которой в среднем по регионам Севера и Арктики РФ превышает предельнокритическое значение (3%) почти в шесть раз, при этом соотношение среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума по регионам Севера и Арктики РФ не достигает среднероссийского уровня (и имеет ярко выраженную тенденцию к снижению, в том числе за счет неэффективности функционирующей районной системы оплаты труда). Малоимущие домохозяйства здесь составляют около 60% общего их числа,

из них более 75% – это семьи с детьми в возрасте до 16 лет (87,8% малоимущих домохозяйств Республики Саха (Якутия) в 2015 г. составили семьи с детьми, 84,1% – в Мурманской области, 75,5% – в Ханты-Мансийском автономном округе). Среди малоимущего населения более 60% – занятые в экономике, по возрастным группам около 26% – дети в возрасте до 16 лет (33% – в Камчатском крае, 32,3% – в Республике Саха (Якутия), 31,1% – в Архангельской, 30,5% – в Мурманской области).

Один из индикаторов низкой степени удовлетворенности населения регионов Севера и Арктики РФ уровнем своей жизни с точки зрения материальных потребностей – высокий удельный вес затрат на покупку продуктов питания в структуре потребительских расходов, свидетельствующий об ограничениях для отдельных групп населения в доступе к ресурсам развития. Так, в 2015 г. 42,4% потребительских расходов населения Магаданской области приходилось на покупку продуктов питания, в Чукотском автономном округе – 39,1%, в Республике Саха (Якутия) – 36,73%, в Республике Карелия – 36,6% (в то время как в Норвегии и Финляндии – около 12%, в Швеции – 13%). Свыше 40% домохозяйств имеют долги по кредитам: наибольшая доля таких домохозяйств – в Республике Саха (Якутия) (58,8%), Ханты-Мансийском автономном округе (54,7%), Республике Коми (52,9%) и Ямало-Ненецком автономном округе (50,6%).

Ситуация с бедностью усугубляется большими объемами просроченной задолженности (из-за отсутствия собственных средств у предприятий) по выплатам заработной платы [8]: на 01.05.2017 г. они достигали в Мурманской области 236,2 млн руб., в Республике Коми – 141,3 млн руб., в Ямало-Ненецком автономном округе – 109,4 млн руб.

Диагностика социального развития регионов Севера и Арктики РФ в сфере уровня жизни

Уровень жизни – важнейший обобщающий критерий оценки эффективности государственного управления устойчивым развитием регионов Севера и Арктики РФ. Интегральный анализ такого критерия [9. С. 91–96] свидетельствует о том, что к регионам с высокой степенью социальной устойчивости сегодня относится только Ямало-Ненецкий автономный округ,

экономическая специализация которого определяет лидирующие позиции региона по показателям уровня жизни населения.

Чукотский и Ханты-Мансийский автономные округа, Магаданская и Сахалинская области – динамично развивающиеся регионы, развитие которых определяется как социально устойчивое. Они обладают социально значимым промышленным комплексом с высоким уровнем оплаты труда. При этом положительная динамика показателей экономического развития коррелирует с ростом экономической активности населения и снижением уровня безработицы, а также увеличением уровня среднемесячных заработных плат и, соответственно, снижением бедности населения.

Регионы, развитие которых происходит с признаками социальной устойчивости, – это Мурманская область, республики Коми и Саха (Якутия), Архангельская область, где угрозы социальной устойчивости представляют безработица и миграционный отток квалифицированных кадров в достаточно молодом возрасте.

Республика Карелия и Камчатский край – это регионы с признаками социальной неустойчивости. Структура их экономик (в Карелии – лесная отрасль, в Камчатском крае – государственное управление, образование, здравоохранение) продуцирует низкий уровень материального благосостояния населения и высокие уровни экономической и социальной бедности.

Такая классификация регионов Севера и Арктики РФ по степени социальной устойчивости на основе авторского интегрального анализа уровня жизни подтверждается рейтингом социально-экономического положения субъектов РФ (в первую десятку которых входят регионы Севера и Арктики РФ с высокой степенью социальной устойчивости и с социально устойчивым развитием) [10] и с национальным рейтингом губернаторов (где на одном из последних мест «прочную» позицию занимал теперь уже бывший губернатор Республики Карелия) [11].

Общемировые и российские тенденции экономического развития оказывают влияние на динамику степени социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе снижение (с 2013 г.) этого показателя обусловлено сокращением уровня материального благосостояния населения и увеличением доли безработных граждан, имеющих квалификацию, на фоне неравномерного соотношения вакансий,

заявленных работодателями в органы службы занятости, и числа безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости населения округа. Напротив, в Республике Саха (Якутия) реальный рост (с 2008 г.) основных макроэкономических показателей привел к повышению уровня социальной устойчивости (тем не менее актуальными для региона остаются проблемы бедности и безработицы, сопровождаемые низкой степенью мобильности трудовых ресурсов, значительным удельным весом убыточных предприятий в государственном секторе и нехваткой специалистов в организациях социальной сферы, функционирующих в Арктической зоне региона).

Положительные изменения в социально-экономическом развитии Чукотского АО (увеличение притока инвестиций, рост расходов на финансирование социальной сферы, создание новой современной социальной инфраструктуры, повышение экономической активности населения, уровней среднедушевых денежных доходов) и социальной устойчивости (с 2006 г.) обусловлены форсированным территориальным развитием за счет «масштабного инвестирования в геологоразведку и освоение новых месторождений полезных ископаемых» [5. С. 76–88; 12].

«Значительная экспортная ориентация» экономики Республики Карелия сдерживает возможности регулирования развития регионального хозяйства в целях достижения социальной устойчивости региона. Последствия кризисов 2008 г. и 2014 г. привели к замедлению темпов роста экономики, по многим показателям Республика Карелия занимает последние места среди регионов Севера и Арктики РФ [5. С. 76–88; 13].

Результат такой ситуации – снижение уровня жизни населения и рост социальной напряженности на локальных рынках труда (колебание на 01.01.2017 г. от 11,5 в Калевальском районе до 0,8 в Лахденпохском районе при уровне трудоустройства в 32,2% и 75,7% соответственно) [14]. В Магаданской области наблюдается (с 2005 г.) положительная динамика показателей эффективности региональной экономики, следствием чего является относительно стабильная ситуация на областном рынке труда: рост экономической активности и уровня материального благосостояния населения, снижение безработицы. Однако в регионе сохраняются высокие уровни экономической (7,8%) и детской (22,4%) бедности.

Институциональные условия обеспечения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ

Ситуация в сфере уровня жизни населения регионов Севера и Арктики РФ – яркое свидетельство противоречия между стратегическим значением таких регионов в обеспечении национальной безопасности страны, в том числе в реализации национальных интересов России в Арктической зоне, и, по сути, деструктивными процессами [15. С. 95–96, 107–108] в достижении социально устойчивого развития таких регионов. Важную роль в сглаживании таких противоречий играет федеральный центр, где устанавливаются институциональные условия обеспечения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ. Анализ таких условий свидетельствует о несовершенстве нормативных правовых основ регулирования социально-трудовых отношений между работником и работодателем в социально-трудовой сфере, создающих в совокупности с дискомфортом условий жизнедеятельности и пропорциями и темпами развития региональных экономик угрозы социальной устойчивости территориального развития.

Первая проблема связана с несовершенством нормативных правовых основ регулирования государственных гарантий по оплате труда, а именно – минимального размера оплаты труда и районного коэффициента и полярной надбавки к заработной плате работающих на предприятиях, в организациях и учреждениях в регионах Севера и Арктики РФ. В частности, главенствующим принципом нормативного правового регулирования заработной платы на всей территории России является обеспечение прав работников в зависимости от их квалификации, а также от количества и качества выполняемой работы на выплату вознаграждения за труд (фиксированный (минимальный) размер оплаты труда), компенсационных и стимулирующих выплат (применяемых к фиксированному (минимальному) размеру оплаты труда).

Минимальный размер оплаты труда (гарантируемый федеральным законом размер месячной заработной платы за труд неквалифицированного работника, полностью отработавшего норму рабочего времени при выполнении простых работ в нормальных условиях труда – Трудовой кодекс РФ в редакции

от 30.12.2001 г. [16]) в РФ применяется для регулирования оплаты труда. Для работников бюджетных учреждений используется тарифная ставка или оклад, минимальный размер которого должен устанавливаться на уровне минимального размера оплаты труда, который, в соответствии с законодательством РФ, не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. В свою очередь, в состав оплаты труда на территории регионов Севера и Арктики РФ входят районный коэффициент (устанавливаемый в связи с работой в неблагоприятных климатических условиях, в том числе в отдаленных местностях) и процентная надбавка (за стаж работы в регионах Севера и Арктики РФ).

Тем не менее нормативные правовые условия регулирования государственных гарантий по оплате труда на региональном уровне и в муниципальных образованиях в большинстве регионов Севера и Арктики РФ (региональные соглашения об установлении минимальной заработной платы в Мурманской, Архангельской, Магаданской и Сахалинской областях, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах и Камчатском крае) противоречат федеральному законодательству, поскольку в состав минимального размера оплаты платы включают тарифную ставку (оклад) с учетом районного коэффициента и процентной надбавки. Напротив, в Республике Карелия минимальный размер оплаты труда устанавливается в зависимости от формы собственности работодателя и его территориального расположения (например, на северных территориях региона для работников сельского хозяйства минимальный размер оплаты труда составляет 8900 руб., для остальных – 7700 руб.; для работников государственных и муниципальных учреждений – 7500 руб., остальных работодателей – 12685 руб. [17]). В Республике Коми и Чукотском автономном округе «региональный» размер минимальной оплаты труда устанавливается на уровне федерального. Таким образом, в наиболее уязвимом положении оказываются работники бюджетного сектора.

Во-первых, участие органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в региональных соглашениях о минимальной заработной плате в соответствии с «Едиными рекомендациями по установлению на федеральном,

региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений» носит необязательный характер. Во-вторых, действие таких соглашений не распространяется на работников учреждений, финансируемых из федерального бюджета. В-третьих, размеры тарифных ставок (окладов), а также стимулирующих и компенсационных выплат устанавливаются исходя из финансовых возможностей бюджетов регионального или муниципального уровня. В частности, в Мурманской области уровень дифференциации размеров окладов работников сферы здравоохранения достигает пяти раз: в удаленных сельских и арктических районах оклады в системе оплаты труда составляют около 50%, в административном центре – 11%. При этом средний уровень заработной платы по области – 9–10 тыс. руб., а в удаленных районах – около 40 тыс. руб. Оклад профессиональной квалификационной группы «врачи и провизоры» первого уровня квалификации составляет от 4300 руб. в Республике Саха (Якутия) до 8420 руб. в Магаданской области; четвертого – от 5800 руб. в Архангельской до 10600 руб. в Магаданской области.

Очевидно, что такая ситуация способствует занижению уровня заработной платы и распространению низкооплачиваемой занятости (минимальный размер оплаты труда в Архангельской области составляет 49%, Ямало-Ненецком АО – 75,6%, в Камчатском крае – 88,2%, Ханты-Мансийском АО – 91,7%, Сахалинской области – 94% от величины регионального прожиточного минимума трудоспособного населения), увеличивая бедность и подрывая возможности платежеспособного спроса населения регионов Севера и Арктики РФ.

Вторая проблема связана с неэффективностью реализуемой в регионах Севера и Арктики РФ государственной политики занятости, в частности с несоответствием дополнительных мероприятий в сфере содействия занятости специфике региональных и локальных рынков труда, продуцирующей дисбаланс в структуре занятости населения и не позволяющей удовлетворять потребности работодателей в требуемых трудовых ресурсах с учетом особенностей территориального экономического развития. В подавляющем большинстве регионов Севера и Арктики РФ основной задачей реализации государственных программ занятости является привлечение дополнительных

трудовых ресурсов, однако анализ показателей безработицы свидетельствует о том, что в количественном отношении имеющихся трудовых ресурсов достаточно, хотя они и не обладают требуемой квалификацией из-за того, что достаточно молоды (15–19 лет). Это диктует настоятельную необходимость соответствующего профилирования территориальных рынков образовательных услуг в соответствии с потребностями территориальных экономик, в том числе повышения эффективности профориентационных мероприятий с точки зрения их влияния на профессиональное самоопределение.

Третья проблема дисбаланса спроса и предложения рабочей силы проявляется в «нехватке» трудовых ресурсов на одних территориях и в переизбытке – на других, что усиливает дифференциацию социальной напряженности на локальных рынках труда (например, в Магаданской области коэффициент территориальной дифференциации безработицы достигает 14). Среди угроз, продуцируемых такой ситуацией, – препятствия для реализации инвестиционных проектов, направленных, в частности, на диверсификацию территориальных экономик (особенно актуален такой вопрос для монопрофильных поселений, где остро ощущается дефицит квалифицированных рабочих на фоне низкой степени готовности местного населения из соседних поселений к трудовой миграции), развитие энергетической и транспортной инфраструктур и т.п.

Важный фактор территориального дисбаланса спроса и предложения рабочей силы – бытовая привлекательность, а также доступность и качество услуг учреждений социальной сферы. Оптимизация систем высшего профессионального образования и здравоохранения нанесла значительный урон сфере социальных услуг небольших и отдаленных муниципальных образований регионов Севера и Арктики РФ, снизив привлекательность проживания и увеличив миграционный отток населения в более крупные поселения и административные центры.

Приоритеты государственной политики

Существующие институциональные условия обеспечения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ на фоне дискомфорта условий жизнедеятельности, темпов развития и отраслевой структуры региональных экономик

продуцируют занижение уровня заработной платы, распространение низкооплачиваемой занятости и увеличение бедности, а также неэффективность использования и отраслевого распределения трудовых ресурсов. Таким образом, приоритетами государственной политики в сфере уровня жизни населения регионов Севера и Арктики РФ являются совершенствование нормативно-правовых основ регулирования отношений между работником и работодателем в социально-трудовой сфере с учетом возмещения «дополнительных затрат» при обеспечении государственных гарантий по оплате труда, а также повышение гибкости и адаптируемости государственных программ в сфере содействия занятости на основе достижения согласованности действий при реализации таких программ и усиление государственного воздействия на разработку кадровой политики работодателей.

Реализация первого приоритета подразумевает тщательную законодательную проработку организационно-экономического механизма функционирования государственных гарантий по оплате труда на базе создания нормативно-правового акта, регламентирующего концептуальные основы оплаты труда на территории России, а также внесение изменений в нормативно-правовой документ федерального уровня, регламентирующий концептуальные основы развития Арктической зоны, в том числе вопросы районного регулирования оплаты труда, определяющий понятие и размеры районных коэффициентов и закрепляющий размеры процентных (стажевых) надбавок к заработной плате на основе районирования территорий Севера и Арктики РФ.

Реализация второго приоритета подразумевает решение нескольких задач. Одна из них – построение диалога ведущих отраслей территориальных экономик с системой образования (местными и региональными и высшими учебными заведениями) с целью подготовки квалифицированных кадров (прежде всего в таких приоритетных сферах, как строительство, инфраструктурное обслуживание и эксплуатация ресурсов, здравоохранение, горнодобывающая промышленность) для осуществления ресурсных проектов, а также активизация научно-исследовательской деятельности, результаты которой должны применяться для разработки стратегий корпоративного управления.

Другая задача – создание государственной системы мониторинга рынка труда регионов Севера и Арктики РФ, обеспечивающей оперативный и всесторонний анализ ситуации в сфере рынка труда, занятости и безработицы и позволяющей разрабатывать прогнозы баланса трудовых ресурсов таких регионов в соответствии с приоритетами государственной политики России в Арктике и обеспечения национальной безопасности страны.

Необходимо также комплексное государственное регулирование долгосрочного планирования развития ресурсодобывающих (горнодобывающих) отраслей в регионах Севера и Арктики РФ с учетом генеральных планов регионального, межмуниципального и муниципального развития. Важную роль в решении этой задачи играет институт социального лицензирования – зарекомендовавший себя в зарубежных северных странах «эффективный управленческий инструмент устойчивого развития муниципалитетов на основе тесного взаимодействия местных сообществ и ресурсодобывающих компаний, согласования их интересов и построения доверительных взаимовыгодных отношений [18. С. 89–90]».

Один из примеров – социальное лицензирование деятельности ресурсодобывающих предприятий на северных территориях Канады на основе заключения социально-экономических соглашений горных предприятий (Ekati Diamond Mine, Diavik Diamond Mine, Prairie Creek Mine и Meadowbank Gold Mine) и территориальных правительств Нунавута и Северо-Западных территорий с целью обеспечения эффективного взаимодействия между горнодобывающим предприятием, населением, общинами коренных народов и территориальным правительством в процессе осуществления горнодобывающей деятельности на основе общего видения территориального социально-экономического развития, диверсификации экономики и максимизации трудового потенциала местных сообществ.

Немаловажная роль в реализации приоритетов государственной политики в сфере уровня жизни населения регионов Севера и Арктики РФ отводится органам местного самоуправления на основе муниципального управления в сфере уровня жизни, позволяющего достичь устойчивого развития северных и арктических местных сообществ. Наилучшей практикой обеспечения

жизнедеятельности местных сообществ является формирование долгосрочной политики муниципального управления, согласованной с интересами местного сообщества и входящими в состав муниципального района поселениями с учетом этнической составляющей населения. Здесь заслуживает внимания опыт Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, где к основным элементам муниципального управления относятся комплексные системы мониторинга социально-экономического развития, реализации документов социально-экономического развития и эффективности муниципального управления, а также межмуниципальное сотрудничество в сфере повышения уровня жизни как ключевого фактора развития местных сообществ.

Литература

1. *Рябова Л. А.* Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: результаты оценки и приоритеты достижения / Л. А. Рябова, Е. Е. Торопушина, Е. А. Корчак, Н. А. Новикова, В. П. Тоичкина // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Науч.-аналит. доклад / под науч. ред. д.э.н В. С. Селина, д.э.н Т. П. Скуфьиной, к.э.н. Е. П. Башмаковой, к.э.н. Е. Е. Торопушиной. – Апатиты: КНЦ РАН, 2016. – 420 с.
2. *Кондратович Д.Л., Ульченко М.В.* Методологические особенности определения векторов социально-экономического развития северного региона на основе анализа некоторых индикаторов качества жизни [Эл. ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10806> (дата обращения: 29.05.2017).
3. *Тоичкина В. П.* Тенденции развития процессов воспроизводства населения в регионах Российской Арктики [Текст] / В. П. Тоичкина // Север и рынок: формирование экономического порядка – Апатиты: изд-во КНЦ РАН. – № 2. – 2016. – С. 38–46.
4. *Колечков Д. В.* Прогноз развития социально-культурных систем северных регионов России [Эл. ресурс] // Региональная экономика и управление. – 2013. – № 2(34). URL: <http://eee-region.ru/article/3403/> (дата обращения: 29.06.2017).
5. *Корчак Е. А.* Трудовой потенциал северных регионов в рамках реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике. Ин-т экон. проблем Кольского науч. центра РАН. – Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2017. – 178 с
6. Регионы России. Социально-экономические показатели [Эл. ресурс] // Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 29.06.2017).

7. *Торопушина Е. Е.* Оценка уровня развития социальной инфраструктуры в регионах Севера и Арктики России // ЭКО.– 2016.– № 6 (504).– С. 99–108.

8. О просроченной задолженности по заработной плате на 1 мая 2017 года [Эл. ресурс] // Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/95.htm (дата обращения: 17.06.2017).

9. *Корчак Е. А.* Динамика социальной устойчивости и уровень жизни в северных регионах // ЭКО.– 2016.– № 3.– С. 80–96.

10. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2015 года [Эл. ресурс] // РИА рейтинг. URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20160615/630026367.html> (дата обращения: 14.05.2017).

11. Национальный рейтинг губернаторов [Эл. ресурс] // Национальный рейтинг. URL: <http://russia-rating.ru/info/11993.html> (дата обращения: 14.05.2017).

12. Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года [Эл. ресурс]. URL: <http://www.chukotka.org/> (дата обращения: 05.05.2017).

13. Правительство Карелии подвело итоги социально-экономического развития республики за 2012 год [Эл. ресурс] // Бюджет.ru. URL: <http://bujet.ru/> (дата обращения: 14.02.2016).

14. Информация о ситуации на регистрируемом рынке труда Республики Карелия и о деятельности Минсоцтруда РК в сфере занятости населения за январь–декабрь 2016 года [Эл. ресурс] // Интерактивный портал Мин-ва социальной защиты, труда и занятости Республики Карелия. URL: <https://mintrud.karelia.ru/> (дата обращения: 16.04.2017).

15. *Скуфьина Т. П.* Развитие российской Арктики в условиях усиления борьбы за обладание минерально-сырьевыми ресурсами // Федерализм. – 2014.– № 2.– С. 95–108.

16. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ [Эл. ресурс] // «Консультант Плюс» – надежная правовая поддержка. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.05.2017).

17. О минимальной заработной плате в Республике Карелия во втором полугодии 2016 году [Эл. ресурс] // Карелия официальная. URL: <http://www.gov.karelia.ru/> (дата обращения: 18.04.2017).

18. *Маслобоев В. А.* Горная промышленность в Арктике в контексте обеспечения устойчивого развития местных сообществ / В. А. Маслобоев, С. Н. Виноградова, В. В. Дидык, Е. М. Ключникова, Е. А. Корчак, Т. А. Мингалева, В. Н. Петров, Л. А. Рябова // Вестник Кольского научного центра РАН.– 2015.– № 4.– С. 82–90.

Влияние потенциала государственного материального резерва на национальную экономику

В.Л. УЛАНОВ, доктор экономических наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
E-mail: vulanov@hse.ru.

А.И. КОВАЛЕВА, доктор экономических наук,
Научно-исследовательский институт проблем хранения Росрезерва, Москва.
E-mail: ai_kovaleva@mail.ru

Государственный материальный резерв традиционно предназначен для обеспечения мобилизационных нужд страны, снабжения неотложных работ при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, оказания гуманитарной помощи, а также поддержки отраслей экономики, организаций, субъектов Российской Федерации при временных нарушениях в поставках важнейших видов сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, продовольствия.

Российская система государственного резерва накопила огромные материальные ценности и в современных условиях функционирования может стать важнейшим инструментом влияния государства на развитие национальной экономики.

Изложен механизм формирования и использования резервов на примере сырой нефти, продовольствия и зерна. Проанализированы примеры использования стратегических резервов для стабилизации различных рынков – регионального, отраслевого, национального, мирового. Продемонстрирован основной инструмент регулирования рынка в России – товарные интервенции.

Ключевые слова: регулирование, материальные резервы, мобилизация, открытость информации, интервенции, товарные расписки

При переходе к новым экономическим условиям вмешательство государственных органов в отношении хозяйствующих субъектов, в определение направлений их развития, решение социальных вопросов видоизменилось, больший упор делается на создание институтов, формирование условий, поддержку конкуренции и других рыночных механизмов. Но при несовершенстве отраслевых и региональных рынков, внешних возмущениях, нестабильности и т.п. потребность в воздействии государства на рынок остается. Властные структуры предпринимают попытки регулировать рынок с помощью контроля за объемами предложения на нем, установления фиксированных цен, налогов,

введения рыночных квот, дотаций для определенных областей деятельности и т.п. Мировой опыт открывает достаточно широкое поле для исследования возможностей влияния налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на экономические процессы. Эти технологии давно известны и хорошо изучены, но на практике прямое государственное регулирование часто не приводит к ожидаемым результатам, креативность руководителей при использовании таких подходов невелика.

Создаваемая столетиями российская система государственного резерва накопила огромные материальные ценности и в современных условиях функционирования становится важнейшим инструментом влияния государства на развитие национальной экономики. Накопленные объемы государственного резерва позволяют рассматривать их не как ресурсы в ожидании востребованности, а как активный фактор рынка. Однако при разработке рекомендаций следует отметить основополагающую черту системы госрезерва: ее закрытость. Согласно закону «О государственном материальном резерве» сведения о нормах накопления, о поставке, выпуске, закладке, об освежении, дислокации и фактических запасах государственного резерва являются государственной тайной. Ключевые параметры развития (номенклатура и объем закладки материальных ценностей) определяются правительственными структурами на основе исследований специальных организаций. В немногочисленных открытых исследованиях [1, 2] анализ, как правило, проводится на базе неполной и фрагментарной информации, с привлечением данных зарубежных организаций.

Однако требуемый объем средств для построения системы государственного материального резерва придает теме первостепенную важность, а появляющиеся различного рода предложения по использованию ресурсов госрезерва обуславливают необходимость их мониторинга и разработки основ не только формирования, но и применения.

В частности, в последнее время возрос интерес к использованию государственного материального резерва для целей регулирования рынка, например, при потребности в коррекции цен на продовольствие, сглаживании сезонных колебаний на сырьевом рынке. В 2013 г. подготовлены «Правила использования материальных ценностей государственного материального резер-

ва для оказания регулирующего воздействия на рынок в форме товарных интервенций». У властных структур появились новые функции и полномочия, вместе с ними и новые риски.

Есть основания полагать, что у системы госрезерва имеется потенциал стать не только уже традиционным средством обеспечения стабильности экономики, но и одним из инструментов борьбы с инфляцией, средством обеспечения гарантий при сделках на товарных биржах, привлечения финансовых средств населения и бизнеса, например, с помощью выпуска в обращение товарных расписок.

Формирование государственного материального резерва¹

Создание в России системы общегосударственного материального резерва относят к XV веку, когда по приказу Ивана III были установлены перечень и нормы накопления, порядок поддержания сохранности запасов, «дабы возможность была выдержать осаду в течение трех лет». При построении российского государства с единым центром управления и единым войском была выдвинута задача разработки централизованной системы снабжения армии. В 1700 г. это увенчалось учреждением провиантского приказа, что в свою очередь позволило создать регулярную армию на полном государственном обеспечении. В XVIII веке был сформулирован новый подход к обеспечению населения продовольствием – бороться не с последствиями кризиса, а предупреждать проявления «народной нужды». Теперь при создании казенных запасов зерна принимались в расчет не только нужды армии, но и «недостатки, могущие приключиться от недорода хлеба».

В XX веке важность накопления государственного резерва подтверждалась много раз: поражение в русско-японской войне 1903–1905 гг. было обусловлено не только низкой обеспеченностью военным снаряжением, но и нехваткой одежды, обуви, продуктов питания. С началом Первой мировой войны снабжение гражданского населения продовольствием оказалось недостаточным, правительство вынуждено было передавать ему продовольствие из армейских запасов. Накануне Февральской

¹ Исторические материалы подготовлены с использованием информации официального сайта Росрезерва.

революции 1917 г. в распоряжении правительства запасов продовольствия не было.

В советском государстве работа по восстановлению утраченных продовольственных запасов началась в 1925 г. Был создан резервный государственный фонд хлеба, затем (в 1928 г.) – мобилизационный фонд пшеницы, овса, крупы, а далее – бюджетного, валютного, товарного, сырьевого и топливного резервов. Была утверждена номенклатура резервов по стратегическим материалам отечественного производства из 11 наименований, по импортным товарам – из 68. В 1937 г. в структуре единого Комитета резервов образованы территориальные органы управления – в ведении каждого территориального управления – от двух до 10 баз и тысячи пунктов ответственного хранения, в 1938 г. открылся учебный центр по подготовке специалистов для работы в системе госрезерва, создан научно-исследовательский институт для разработки технологий длительного хранения товаров и материалов. Накануне Великой Отечественной войны была расширена номенклатура закладываемых на хранение товаров (главным образом – за счет материалов стратегического назначения), общая стоимость резервов только за 1940 г. выросла в 1,9 раза.

За годы войны из системы государственного резерва было отпущено для нужд армии и экономики около 20 млн т хлеба, около 3 млн т продовольственных товаров, около 2 млн т металлов, угля – 16 млн т, нефтепродуктов – 9 млн т, лесоматериалов – 6 млн м³. При этом объемы госрезерва возросли по некоторым видам ресурсов почти в два раза. При послевоенном восстановлении предусматривалось наращивание государственных резервов и решалась задача по отмене карточной системы снабжения. С отменой карточек в 1948 г. система государственного резерва перешла с режима военного времени к мирной работе.

Уже в советский период ресурсы госрезерва использовались для поддержки регионов и отраслей, оказания регулирующего воздействия на экономику при временных нарушениях снабжения. Например, в 1950-х годах, когда Китай в одностороннем порядке прекратил поставки в СССР олова, сурьмы и металлоконцентратов, десятки ведущих предприятий оказались на грани остановки. Благодаря системе госрезерва целые отрасли смогли продолжить работу, пока не были заключены договоры с новыми поставщиками.

Вторая половина XX века стала этапом ускоренного развития и преобразований системы; был создан информационный вычислительный центр, установлено постоянное международное сотрудничество со странами – членами СЭВ по вопросам хранения государственных материальных резервов; в системе госрезерва началось создание особого фонда товаров и материалов, предназначенного для принятия первоочередных мер при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (землетрясений в Ташкенте, Спитаке, лесных пожаров в Сибири, ликвидации аварий на крупных промышленных объектах). Например, при аварии на Чернобыльской АЭС в течение нескольких суток из хранилищ госрезерва было доставлено 3 тыс. т свинца и замурован очаг радиации. В такие сжатые сроки настолько масштабную поставку можно было осуществить только используя ресурсы госрезерва. Значительные объемы резерва становятся фактором стабильности всей экономики.

В 1990-е годы система госрезерва внесла большой вклад в сохранение социально-политической стабильности, направляя продовольствие на опустевшие полки магазинов. За годы перестройки государственные продовольственные запасы сократились по мясным продуктам в 2,5–3 раза, по растительному маслу – более чем в три раза, по сахару – в 4,5 раза.

Принципы формирования, финансирования, хранения и использования государственного материального резерва

Государственный материальный резерв – это одна из составляющих системы национальной безопасности, он выполняет роль важнейшего института национального значения. В системе госрезерва хранятся сотни наименований стратегически важных товаров, которые могут быть востребованы в случае войны, природных и техногенных катастроф, а также экономических кризисов. Заказчиками номенклатуры являются российские федеральные ведомства, они определяют, что и в каком количестве потребуется для решения тех или иных задач.

Создаются государственные материальные резервы на всех уровнях управления: федеральном, региональном, местном и ведомственном, решение об их использовании принимается соответствующим исполнительным органом власти.

Федеральным законом от 29 декабря 1994 г. «О государственном материальном резерве» определяется, что ресурсы госрезерва предназначены для обеспечения мобилизационных нужд РФ, а также неотложных работ при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, оказания государственной поддержки различным отраслям экономики, организациям, субъектам РФ в целях стабилизации экономики при временных нарушениях снабжения важнейшими видами сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, продовольствия в случае возникновения диспропорций между спросом и предложением на внутреннем рынке, предоставления гуманитарной помощи, оказания регулирующего воздействия на рынок.

В соответствии с российским законодательством государственный материальный резерв является особым федеральным (общероссийским) запасом материальных ценностей, который составляет имущество казны РФ. Большая часть годового оборота приходится на продовольственные товары (зерно, молочные продукты, растительные масла, консервы) – это те товары, которые необходимо обновлять раз в 1–2 года. Запасы нефтепродуктов, техники, металлов меняют гораздо реже, а алюминий хранится десятки лет. Раз в несколько лет формируется новая номенклатура товаров системы государственного резерва, анализируется и учитывается опыт ликвидации последствий различных чрезвычайных ситуаций. Так, после аварии на атомной станции «Фукусима-1» в номенклатуру госрезерва были включены средства радиационного мониторинга, а после наводнений на Дальнем Востоке – водоналивные дамбы увеличенной мощности.

Объемы закладываемых товаров не всегда возможно рассчитать в открытом доступе, так как информация по большинству товаров по разным причинам фрагментарна или отсутствует. Информация по товарам массового производства более открыта [2]. Так, известно, что в мире накоплены значительные запасы сырой нефти, коммерческие запасы нефти почти в четыре раза превышают государственные резервы.

Выпуск товаров из системы государственного резерва осуществляется или в чрезвычайных ситуациях (досрочно), или по достижении срока хранения (который всегда устанавливается меньше срока годности). Продукция, выпускаемая в связи с освоением, направляется на реализацию и пользуется на рынке

спросом, так как при высоком качестве предлагается со скидкой из-за истекающего срока годности.

Один из основных принципов функционирования системы – оперативность. При аварии на Саяно-Шушенской ГЭС в течение нескольких часов были доставлены со складов госрезерва необходимые для восстановительных работ энергогенераторы. Для купирования вспышки сибирской язвы (2012 г.) в Алтайском крае был найден самый быстрый способ доставки вакцины – обращение в систему государственного резерва.

Согласно Указу Президента РФ от 23.11.2016 г., функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере управления государственным материальным резервом, ранее осуществлявшиеся Минэкономразвития России, в целях повышения эффективности управления государственным материальным резервом и оптимизации структуры федеральных органов исполнительной власти переданы Росрезерву – агентству, управляющему секретными стратегическими запасами страны. Считается, что такая реорганизация сделает менее затратной и более современной систему мобилизационной подготовки экономики, а также будет способствовать становлению современных институтов.

Формирование материальных ценностей в системе государственного резерва носит межведомственный характер – объемы, номенклатура и основные параметры выстраиваются на основании запросов и требований федеральных органов исполнительной власти (МЧС, Минобороны, Минпромторга, Минэнерго и др.). При этом содержание и развитие государственного резерва являются расходными обязательствами Российской Федерации.

Проблемой остается необходимость оптимизации средств для системы госрезерва. Так, скудные вложения в ресурсы госрезерва приведут к невыполнению возложенных на систему функций, а при избыточности резервирования потребуются расходы на аренду дополнительных складских помещений и т.п. Обоснованность вложений в систему госрезерва позволит снизить риски нарушения бесперебойности снабжения необходимыми ресурсами, повысить устойчивость процесса, уменьшить нагрузку на государственный бюджет.

Для сокращения бюджетных затрат в систему госрезерва привлекаются средства из других источников финансирования.

В частности, поставки в целях освежения запасов и замены материальных ценностей госрезерва, осуществляемые ответственными хранителями (отдельными компаниями), финансируются ими самостоятельно. Ответственное хранение уменьшает расходы на резервирование. Других источников финансирования государственного материального резерва в России не существует.

Важнейшей проблемой является повышение эффективности формирования и использования государственного материального резерва (актуальная номенклатура, эффективная система управления, контроль за качеством товаров, логистика и др.).

Зарубежный опыт создания и использования государственных материальных резервов

Государственные резервы поддерживаются во всех экономически развитых странах и выполняют схожие функции. Часто данные по государственным резервам имеют закрытый характер из-за задач национальной безопасности. В развитых странах законодательство допускает использование госрезервов при неблагоприятных изменениях экономической ситуации: госрезерв – это инструмент, который поддерживает способность государства оперативно реагировать на угрозы внутренней стабильности и благополучию граждан.

Влияние материальных резервов отдельных государств на рынки ограничено масштабами производства и хранения товаров, поэтому объемы госрезервов могут по-разному отражаться на конъюнктуре рынков. Степень такого воздействия вбирает множество факторов, кроме объемов производства и потребления в стране: это вопросы ценообразования, налоговой политики, установления тарифов и пошлин и другие инструменты регулирования рынка. Ведущие страны мира активно применяют данный инструмент. Так, США использовали продажи из своего стратегического резерва нефти для влияния на нефтяные цены. В ответ на уменьшение нефтяных цен страны-экспортеры, в первую очередь ОПЕК и Россия, пришли к соглашению о сокращении добычи, соответственно, снизился и объем нефтепереработки.

В условиях глобализации степень влияния ресурсов государственных резервов отдельных стран на мировой рынок снижается. Но сохраняется способность поддерживать стабильность

внутренних регионов, так что многие страны пришли к выводу о необходимости формирования стратегических резервов нефти. Предлагаемые формы организации различны – это резервы при нефтяной компании, либо на основе кооперации ряда нефтяных компаний или в рамках государственно-частного партнерства.

Возросшая потребность в нефтяных резервах подогревается и конъюнктурой мирового рынка. Динамика цен на нефть показывает большую волатильность. В 1998 г. нефть марки Brent опустилась ниже 10 долл. США за баррель. С 1999 г. до 2007 г. – выросла с 18 до 98 долл., а в 2008 г. упала – до 61 долл. Затем волна роста до 111 долл. к 2013 г., и снова падение – до 36 долл. в 2016 г. (указана среднегодовая цена на нефть марки Brent).

Страны-импортеры создают госрезервы нефти для обеспечения бесперебойной работы НПЗ в сложных ситуациях (техногенные, политические, климатические катаклизмы, резкий рост цен на нефть и другие обстоятельства). Среди государственных нефтяных резервов самым крупным является Стратегический нефтяной резерв США (Strategic Petroleum Reserve, SPR). Он был создан после нефтяного кризиса 1973 г. По данным департамента энергетики США, объемы нефти в SPR выросли с 492 млн барр. в 1985 г. до 726 млн барр. в 2010 г. В 2011 г. резерв нефти уменьшился из-за потери объемов добычи в Ливии. На конец 2016 г. SPR составляет 695 млн барр. В планах США довести SPR до 1 млрд барр².

В США правила доступа к стратегическим резервам нефти определяются с 1975 г. так называемым актом об энергетической политике и энергосбережении (Energy Policy and Conservation Act), согласно которому нефть из резерва можно забирать в исключительных случаях, но суточный отбор не может превышать 4,4 млн барр. Эффективно были использованы ресурсы стратегического резерва в 2005 г., когда ураган «Катрина» уничтожил 30 нефтяных платформ в Мексиканском заливе, а 28 платформ и буровых установок вывел из строя. В результате цены на нефть и нефтепродукты выросли. Для нивелирования последствий урагана из резерва США было продано 11 млн барр. нефти.

² Здесь и далее данные департамента энергетики США [3].

Стратегические резервы продовольствия неоднократно оказывали стабилизирующее воздействие на национальные рынки. Зерно играет ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности, а также является главным продовольственным биржевым товаром. Цены на большинство видов продовольствия формируются в зависимости от цен на зерно. Поэтому мировая и национальная продовольственная безопасность зависят от состояния рынка зерна.

Нормы резервирования зерна и продовольствия в развитых экономиках различны. Значительными резервами располагают США и страны Евросоюза, стремительно наращивает запасы продовольствия Китай. В США и Швейцарии резервы зерна и продовольствия позволяют избежать голода при введении нормированного распределения продуктов в течение пяти лет.

В соответствии с принятыми в мировой экономике нормативами уровень продовольственной безопасности определяется по объему переходящих до следующего урожая запасов зерна. Безопасным считается уровень, соответствующий 60 дням потребления зерна, или 17% годового потребления. Помимо стратегических запасов, во многих странах созданы интервенционные фонды, которые играют важную роль при ценовых колебаниях на зерно, в качестве страховки при товарном дефиците, а также в расширении финансовых возможностей предприятий, имеющих переходящие запасы. Стратегические государственные резервы зерна позволяют обеспечить потребности населения в среднесрочной перспективе. Зерно в таких резервах хранится до нескольких лет [1].

Государственный материальный резерв для становления современных экономических отношений

Материальные ценности госрезерва могут использоваться в соответствии с действующим законодательством РФ для стабилизации экономики и оказания регулирующего воздействия на рынок. В основном это связано с ликвидацией последствий природных и техногенных катастроф. При ликвидации последствий наводнения на Дальнем Востоке (в конце 2013 г.) ресурсы госрезерва были использованы как инструмент сдерживания цен на продовольствие [1] в Хабаровском крае, Амурской области

и Еврейской автономной области. По распоряжению правительства на рынок были вброшены более 38 тыс т основных продовольственных товаров. Цены были стабилизированы. Кроме того, в качестве экстренной помощи были выделены 15,3 тыс т различных грузов на общую сумму 826,3 млн руб.: стройматериалы, горючее, техника поступали из хранилищ государственного материального резерва.

Возможность использовать материальные ценности госрезерва для оказания регулирующего воздействия на рынок в форме товарных интервенций закреплена в ФЗ РФ «О государственном материальном резерве». Но чаще товарная интервенция происходит из интервенционного фонда [4, 5]. Интервенционные товарные фонды были учреждены в России в 2000-х годах, по примеру стран ЕС, США, Китая и др., где накоплен положительный опыт воздействия интервенционных фондов на рынок. Поскольку товарные интервенции осуществляются, как правило, для снижения уровня розничных цен на потребительском рынке, номенклатура товаров ограничена продовольствием, топливом и нефтепродуктами. Например, интервенционный фонд зерна создан при Министерстве сельского хозяйства РФ с целью стабилизации цен на внутреннем рынке.

Схема использования ресурсов госрезерва для стабилизации отраслевого рынка была опробована в 2011 г., когда из-за неурожая сахарной свеклы подскочили цены на сахар (подорожание за шесть месяцев на 63%). «Выброса» около 300 тыс. т сахара из госрезерва оказалось достаточно, чтобы успокоить рынок. Механизм оказался действенным, были разработаны правила использования материальных ценностей государственного материального резерва для оказания регулирующего воздействия на рынок.

Согласно правилам, интервенции из стратегических запасов допускаются в случае резкого роста розничных цен на внутреннем рынке субъекта РФ (за 30 календарных дней подряд увеличение цены на продовольственные товары на 20% и более, а на нефтепродукты и топливо – на 10% и более). Решение о проведении интервенции принимается правительством на основании обращения администрации субъекта РФ в Минэкономразвития. С целью регулирования рынка правительство может принять решение о закупке и закладке материальных ценностей в го-

сударственный резерв сверх установленных объемов и норм за счет средств федерального бюджета. Целесообразность проведения товарной интервенции согласовывается с Минсельхозом РФ и (или) Минэнерго РФ, что снижает риски неправомерного применения стратегических госрезервов при неполном использовании оперативных интервенционных фондов с целью усиления конкуренции на товарных рынках [6].

При проведении закупочных и товарных интервенций в России должны учитываться «Правила проведения государственных закупочных и товарных интервенций для регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». Закупочные интервенции осуществляются на основании госконтракта, заключаемого на срок до трех лет. Приобретение и реализация продукции, организация хранения и обеспечения сохранности запасов интервенционного фонда, их страхование производятся организацией-агентом; в настоящее время функции агента по зерну исполняет АО «Объединенная зерновая компания». Уровни и методики определения цен на сельхозпродукцию и размера платы за услуги хранения утверждаются Минсельхозом РФ по согласованию с ФАС РФ. Правилами предусмотрены залоговые операции при закупочных интервенциях за счет приобретения на биржевых торгах у сельхозпроизводителей продукции с правом ее обратного выкупа. Также предусмотрена продажа сельхозпродукции, находящейся у хранителя, в отношении которого начата процедура ликвидации или банкротства или который отказывается от заключения или исполнения условий договора хранения.

Применение в России закупочных и товарных интервенций вызывает вопросы с точки зрения членства в ВТО [7]: считается, что интервенции оказывают искажающее воздействие на рынок. И если сейчас товарные интервенции применяются в отечественной экономике в качестве основного инструмента государственного регулирования рынка, то в перспективе нужно уменьшить его использование.

Одним из дискуссионных вопросов в российском бизнес-сообществе является целесообразность формирования государственного резерва нефти (на данный момент в резерв закладываются только нефтепродукты) [5, 6]. С одной стороны, в условиях согласованного со странами ОПЕК ограничения добычи нефти

многие российские нефтяные компании, например «ЛУКОЙЛ», не приостановили инвестиции в бурение, но не вводят в эксплуатацию скважины, тем самым создавая резерв нефти в недрах. Между тем для формирования в России стратегических государственных резервов нефти необходима реализация целого ряда мер, включающих решение организационных, правовых, технико-технологических, экономических и финансовых вопросов, с учетом интересов предприятий нефтедобычи, нефтепереработки и нефтепродуктообеспечения и государства.

С другой стороны, такой резерв будет востребован для осуществления оперативных поставок и поставок в особые периоды. Также экономически целесообразно его использовать для освежения нефтепродуктов госрезерва в период высоких цен на нефть и продукты ее переработки. Освежение нефтепродуктов производится по рыночным ценам; если направить часть нефтяного резерва на переработку с целью последующей закладки топлива в госрезерв, будут сэкономлены бюджетные средства (до 20% расходов на эти цели). Дискуссия об использовании резервов сырой нефти продолжается, так как это важнейший и определенно высокзатратный для бюджета страны вопрос.

Если традиционные направления использования материальных резервов для обеспечения стабильности экономики не вызывают вопросов, то использование резерва для становления рыночных институтов относят к обсуждаемым. Например, применение ресурсов госрезерва для привлечения финансовых средств, обеспечения гарантированности сделок на товарных биржах, защиты от инфляции и т.п. Закладываемые в госрезерв товары подвержены инфляции (таблица). При общей тенденции к удорожанию корзина из таких товаров может стать надежным обеспечением, так как снижение цен на одни из них будет компенсироваться ростом остальных.

На базе резервов (государственных, коммерческих и интервенционных фондов) могут быть выпущены в обращение новые финансовые активы, например, товарные расписки [8], дающие право на получение суммы, равной стоимости определенной корзины товаров госрезерва. Инструмент привлекателен не только как средство защиты от инфляции денежных средств, но и как механизм привлечения свободных денежных средств населения и бизнеса.

**Средние цены производителей сельскохозяйственной продукции
по Российской Федерации в 2000–2016 гг., руб./т**

Наименование	2000	2005	2010	2015	2016
<i>Зерновые культуры</i>					
пшеница	2179	2508	3867	8768	8837
рожь	1992	2346	3411	5247	6149
просо	1523	1860	3832	7365	6439
гречиха	4509	4581	8153	20137	25870
кукуруза	2616	2388	4681	7853	8348
ячмень	1822	2560	3395	7344	7741
овес	1637	2488	3596	5493	6400
Овощи бобовые лущеные сушеные (зернобобовые культуры)	3365	3216	5581	13069	16704
Семена подсолнечника	2882	5672	10605	20284	21886
Картофель	3710	5234	9501	13197	10248
<i>Овощи свежие или охлажденные</i>					
томаты (помидоры)	12595	25902	52599	63168	62304
огурцы	12436	26972	58163	67896	75293
лук репчатый	3878	4873	9719	13982	9706
капуста	2598	5404	11029	15179	12217
морковь столовая	3857	6887	11309	14470	12344
свекла столовая	3513	5975	8298	13284	10672
<i>Скот и птица (в живом весе)</i>					
скот крупный рогатый	14142	34003	55951	93328	96562
овцы и козы	12009	29199	45174	79685	85818
свиньи	20152	50420	69748	103030	124354
птица сельскохозяйственная	20481	40813	52966	71275	72345
Молоко сырое крупного рогатого скота	3633	6680	12370	20648	21814
Яйца куриные, тыс.шт.	978	1712	2341	4171	4184

Источник: данные Росстата.

Выводы

Наличие государственного резерва определенной номенклатуры влияет на устойчивость национальной экономики и потому является неотъемлемым элементом национальной безопасности.

Огромные материальные ценности российского государственного резерва долгое время оставались пассивами и были для экономики определенным бременем, они должны перейти в разряд активов, служить национальной экономике и вне кризисных явлений.

В 2016 г. функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере управления государственным материальным резервом перешли от Минэкономразвития РФ к федеральному агентству – «Росрезерву», которому предстоит решить задачу повышения отдачи от накопленных богатств, подготовить комплекс мероприятий по переводу материальных ресурсов госрезерва из пассивов в разряд активов.

На основе анализа существующих предложений, опыта зарубежных стран, собственных оценок авторы пришли к заключению, что в государственном резерве важно формирование запасов как конечных продуктов потребления, так и сырья. Виды сырья для резерва определяются исходя из множества факторов, в том числе затрат на хранение как самого сырья, так и продуктов его переработки, а также длительности и сложности технологического пути от сырья до продукта потребления. С этой точки зрения создание запасов сырой нефти как мобилизационного резерва в добывающей стране на современном этапе развития нецелесообразно: в кризисных условиях первоочередная потребность возникает не в сырье, а в продуктах переработки. Для текущего влияния на конъюнктуру рынка нефти имеет смысл создавать коммерческие резервы. В качестве одного из путей сотрудничества бизнеса и государства следует рассмотреть возможность развития государственно-частного партнерства по формированию резервов и др.

Для целей регулирования рынка сейчас применяются в основном товарные интервенции, нередко обеспечивающие достаточно высокую эффективность. Хотя использование этого механизма, очевидно, будет сокращаться с учетом условий членства РФ в ВТО. Возможное применение отдельных товаров из государственного резерва для воздействия на конъюнктуру отечественного рынка необходимо обосновывать в каждом отдельном случае, как и оценки влияния на мировые товарные рынки.

Решение об использовании ценностей госрезерва для проведения товарных интервенций оформляется в особом порядке, в виде принятия правительственного акта. Другие подходы в российской экономике менее востребованны. Применение ресурсов российского государственного резерва как средства борьбы с инфляцией, технологии защиты сбережений от обесценения, инструмента обеспечения гарантий при сделках на товарных биржах, средства привлечения финансовых средств населения и бизнеса пока широкого распространения не получило и служит предметом для дискуссий.

Литература

1. Гогин Д.Ю. Логистика материальных запасов государственного резерва: основы теории //Проблемы современной экономики.– 2013.– № 1 (45).– С. 109–113.
2. Уланов В.Л. Инициатива прозрачности в добывающих отраслях и расширение границ информационной открытости компаний// Международная экономика.– 2017.– № 1.– С. 44–52.
3. URL: <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=WCSSTUS1&f=W> (дата обращения: 11.03.2017).
4. Ковалева А.И., Васильева В.И. Стратегические запасы зерна как фактор продовольственной безопасности// Инновационные технологии производства и хранения материальных ценностей для государственных нужд: Международный сборник научных статей. Выпуск VI/ ФГБУ НИИПХ Росрезерва.– М.: Галлея-Принт, 2017.
5. Фищенко В.А. Интервенция как метод государственного регулирования в зерновом комплексе АПК //Российское предпринимательство.– 2011.– № 2–1 (177).– С. 114–117.
6. Голованова С., Мелешкина А. Оценка взаимного влияния коррупции и конкуренции //Экономическая политика.– 2016.– Т. 11.– № 6.– С. 100–121.
7. Стадник А.Т., Матвеев Д.М., Макарова Ю.Ю. Совершенствование государственного регулирования рынка зерна в России //Вестник Алтайского государственного аграрного университета.– 2013.– Выпуск № 10 (108).– С. 137–142.
8. Линкевич Е.Ф. Трансформация функций стратегических резервов в условиях глобального валютно-финансового кризиса //Национальные интересы: приоритеты и безопасность.– 2013.– № 39.– С. 29–34.

Реформа ничего не изменила: современные итоги реформирования российской системы присуждения ученых степеней

С.С. ДОНЕЦКАЯ, доктор экономических наук, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. E-mail: dss@inbox.ru

В 2013 г. началась реформа российской системы присуждения ученых степеней, предполагающая главным образом сокращение диссертационных советов, недопущение слабых диссертаций и случаев мошенничества с выдачей дипломов. Прошло почти пять лет. Что изменилось за это время? Ответ на этот вопрос попытался дать автор статьи, изложив официальные и неофициальные итоги реформы.

Ключевые слова: диссертационный совет, экспертный совет, научная квалификация, коррупция

В начале 2000-х годов налаженная в РФ система подготовки высококвалифицированных научных кадров дала сбой: ослабили требования, предъявляемые к качеству диссертационного исследования (при этом формальные требования всегда выполнялись), снизился уровень научной квалификации членов диссертационных советов [1], возросла коррупция [2], стало престижным и возможным покупать готовые диссертации, а порой и просто аттестаты искомых научных степеней. Генеральной прокуратурой РФ были выявлены грубые нарушения при присуждении ученых степеней и званий: только за 2012 г. было незаконно выдано 1,3 тыс. дипломов кандидатов и докторов наук [3]. Поэтому в конце 2012 г. на уровне Правительства РФ встал вопрос о необходимости реформирования системы подготовки и защиты диссертаций. В 2013 г. вышли постановление Правительства РФ об изменении порядка присвоения ученых степеней [4], приказы Министерства образования и науки РФ о реформировании Высшей аттестационной комиссии (ВАК), сокращении и изменении сети диссертационных советов.

Что изменилось за пять лет? Повысилась ли научная квалификация членов диссертационных советов, снизилось ли количество случаев взяточничества при подготовке и защите диссертации? Попытаемся ответить на эти вопросы, представив официальные и неофициальные итоги реформы.

Официальные итоги реформы

По данным ВАК, число защит диссертаций уменьшилось с 2012 г. по 2015 г. на 40% – с 24 тыс. до 14 тыс. [5]. Произошло это, по мнению главы ВАК В. Филиппова, главным образом в результате выдвижения новых требований к процедуре присуждения ученых степеней, которые предписывают размещение полного текста работы на сайте организации, где будет происходить защита, благодаря чему любой желающий может пропустить текст через систему антиплагиата. Параллельно стали обнародоваться все отзывы на эту работу. Понятно, что уважающие себя ученые не захотят публичного позора и не станут поддерживать плохую диссертацию или откровенного мошенника. В итоге на подготовительном этапе защиты отсекаются нечистоплотные соискатели и слабые работы. Подскочили и цены на диссертации – с 20 до 40 тыс. долл. Однако рано или поздно, как далее говорит Филиппов, «изготовители диссертаций научатся обходить компьютерные системы. Они просто будут переписывать тексты другими словами. Возможно, специалисты напишут новые программы, но мы принимаем решения на основе экспертных заключений» [6].

Именно поэтому еще одним направлением реформы стало ужесточение требований к научной квалификации членов диссертационных и экспертных советов, что повлекло за собой изменение списка экспертов и сокращение перечня действующих советов на 37,1%: с 3376 в 2012 г. [7] до 2123 по состоянию на 22.06.2017 [8].

Неофициальные итоги реформы

А судьи кто?

Ответ на вопрос о том, какими должны быть обновленные советы, в 2014 г. дал глава ВАК В. Филиппов. «Во-первых, совет должен базироваться в научной организации, известной в той сфере научной деятельности, которую этот совет представляет.

Во-вторых, в этой организации должны быть ведущие научные школы или хотя бы ученые, известные в научном мире своими работами по специальности диссовета. В-третьих, члены диссовета должны показать свою научную результативность. Сколько, например, работ они опубликовали за последние три-пять лет в ведущих научных журналах. Надо, чтобы это были люди, находящиеся на переднем крае науки» [6]. Были конкретизированы и новые требования к членам диссертационных и экспертных советов, а также порядок их создания и работы [9, 10]. В частности, согласно п. 9 «Положения об экспертном совете ВАК при Минобрнауки РФ», претендент на должность эксперта должен иметь не менее 10 публикаций в рецензируемых изданиях и (или) патентов за последние пять лет [9].

В то же время «Положение о совете по защите диссертаций...» регламентирует только процедуру создания диссертационного совета: это происходит «на основании рекомендаций ВАК по ходатайствам научных организаций с учетом оценки результативности научной деятельности организации... К ходатайству прилагается информация о каждом кандидате в члены диссертационного совета, содержащая данные о количестве публикаций и патентов, изданных за 5 лет, предшествующих дате подачи ходатайства» [10]. И ничего не сказано о минимально требуемом количестве публикаций. Отсюда напрашивается вывод: решение о целесообразности открытия диссертационных советов принимается только на основе субъективного мнения членов экспертных советов ВАК.

В этой связи интересно проанализировать уровень научной квалификации членов экспертных советов, сформированных в 2013 г. и позже. Для этого обратимся к сайту ВАК, где размещены приказы о создании экспертных советов, и возьмем поименные списки по 32 направлениям научных исследований (составы экспертных советов по проблемам флота и кораблестроения, авиационной и ракетной техники на сайте не выложены). Поскольку «Положение об экспертном совете ВАК при Минобрнауки РФ» [9] не предписывает в обязательном порядке членам экспертных советов иметь публикации, индексируемые в наукометрических базах WoS и SCOPUS, то воспользуемся российской базой РИНЦ [11] и для каждого члена экспертных советов определим:

- количество публикаций в рецензируемых журналах (журналы ВАК, а также издания, индексируемые базами WoS и SCOPUS) и патентов, созданных с 2010 г. по 2014 г. Данный период принят на основании «Предложений о составе экспертных советов», согласно которым в 2015 г. должна была произойти ротация членов всех экспертных советов [12]. То есть мы можем предположить, что все члены обновленных советов за данные пять лет должны иметь требуемое количество публикаций;

- процент самоцитирования и индекс Хирша. Показатели характеризуют востребованность научных работ ученого другими исследователями;

- год защиты докторской диссертации.

На основе собранной информации для каждого экспертного совета ВАК подсчитаем количество его членов:

- 1) опубликовавших менее 10 статей в рецензируемых журналах за пять лет, что позволит выявить наличие и количество экспертов, не соответствующих требованиям п. 9 «Положения об экспертном совете ВАК при Минобрнауки РФ» [9];

- 2) имеющих процент самоцитирования научных публикаций более 30% (именно такой уровень негласно принят в научных кругах);

- 3) имеющих индекс Хирша менее пяти. Для каждой научной области одно значение индекса может свидетельствовать как об известности ученого, так и о его посредственной значимости. Например, для экономистов показатель 8–10 может говорить о признании ученого, тогда как для физика значение индекса Хирша должно быть гораздо выше. Поэтому возьмем средний уровень приемлемого для эксперта значения индекса, равный пяти;

- 4) защитивших недавно диссертацию. Дореформенные скандалы в системе присуждения ученых степеней указывают на то, что стать членом экспертного совета можно не только будучи ведущим ученым, но и имея нужные связи и столичную прописку. Поэтому интересно определить, есть ли в обновленных советах доктора наук, недавно защитившие диссертации, а, следовательно, включенные в их состав по знакомству и, возможно, для реализации целей, не регламентированных «Положением об экспертном совете ВАК при Минобрнауки РФ» [9]. Принято считать, что между защитами кандидатской и докторской диссертации должно пройти не менее пяти лет. Будем полагать, что экспертом ВАК должен быть специалист, защитивший докторскую диссертацию ранее 2010 г.

Результаты исследования, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что в каждом экспертном совете, за исключением советов по органической химии и медико-биологическим наукам, от одного до 29 человек (в совете по теологии, что составляет 52% от их общего числа) не имеют требуемого количества публикаций и патентов. Есть эксперты, опубликовавшие одну-две работы или вообще ни одной (!) за анализируемый период. Причем таких можно найти не только в советах по «игрушечным» специальностям в области гуманитарных и социально-экономических наук, но и по естественнонаучным и техническим направлениям. Потенциальный эксперт в обязательном порядке предоставляет в Минобрнауки РФ наукометрическую информацию о своих публикациях, но делает это не всегда честно, на что еще в 2014 г. указывал «Диссернет» [12]. Очевидно, ложь по каким-то причинам до сих пор устраивает Минобрнауки РФ!

Таблица 1. Структура экспертных советов ВАК по научной активности экспертов (по данным РИНЦ на март – май 2017 г.), чел.

Экспертный совет по направлениям:	Всего	Число экспертов			
		имеющих менее 10 публикаций и патентов за 2010–2014 гг.	имеющих самоцитируемость публикаций более 30%	имеющих индекс Хирша менее 5	защитивших докторскую диссертацию в 2010 г. и позже
История	34	6	4	7	2
Педагогика и психология	49	10	1	5	–
Филология и искусствоведение	49	26	4	26	1
Философия, социология и культурология	47	17	2	11	2
Теология	56	29	7	26	11
Политология	33	13	1	5	3
Право	51	18	2	12	2
Экономическая теория, финансы и мировая экономика	36	6	2	1	3
Отраслевая и региональная экономика	36	7	3	1	4
Математика и механика	38	8	14	1	–
Физика	44	1	15	–	–

Экспертный совет по направлениям:	Всего	Число экспертов			
		имеющих менее 10 публикаций и патентов за 2010–2014 гг.	имеющих самоцитируемость публикаций более 30%	имеющих индекс Хирша менее 5	защитивших докторскую диссертацию в 2010 г. и позже
Неорганическая химия	37	1	18	–	1
Органическая химия	32	–	22	–	1
Химическая технология	30	2	16	4	2
Наука о Земле	37	10	12	6	–
Проблемы нефти и газа	30	6	13	10	–
Проблемы разработки месторождений твердых полезных ископаемых	31	6	16	15	1
Электроника, измерительная техника, радиотехника и связь	46	11	26	8	–
Энергетика, электрификация и энергетическое машиностроение	39	3	22	10	1
Машиностроение	31	1	16	7	–
Металлургия и металлосведение	35	5	23	10	2
Строительство и архитектура	30	9	13	8	–
Транспорт	32	13	11	15	–
Управление, вычислительная техника и информатика	35	2	24	6	3
Инженерные агропромышленные науки	39	6	14	6	1
Биологические науки	47	3	17	3	1
Терапевтические науки	50	1	1	–	–
Медико-биологические науки	38	–	2	–	–
Медико-профилактические науки	32	1	2	–	–
Хирургические науки	51	2	–	5	–
Агрономия и лесное хозяйство	35	5	3	4	–
Зоотехнические и ветеринарные науки	35	4	4	5	–
Всего	1245	232	330	217	41

Уровень самоцитирования научных работ экспертов ВАК варьируется от 0 до 100%. Наименьший процент таких ссылок, как ни странно, имеют эксперты, входящие в советы по гуманитарным и социально-экономическим наукам. Зачастую такое положение обусловлено отнюдь не востребованностью работ другими исследователями, а умением договориться со знакомыми о «правильном» цитировании публикаций. От 30 до 70% экспертов по естественным и техническим наукам «грешат» высоким самоцитированием, что лишний раз подчеркивает, что, кроме их самих, эти исследования практически никому не интересны.

Индекс Хирша у 217 экспертов (17,4% от их общего числа) был менее пяти, в том числе у 67 человек (5,4%) – всего 1–2. Это означает, что за свою научную карьеру данные исследователи не опубликовали ничего выдающегося. От 10 до 50% таких экспертов включены в состав экспертных советов по гуманитарным и техническим наукам.

Вот такая невыдающаяся характеристика «выдающихся» ученых-экспертов, которые, по мнению В. Филиппова, должны находиться на переднем крае науки! [6]. Впрочем, полученный результат закономерен: многие из них защитили докторские диссертации после 2005 г., в том числе в 2010 г. и позже – 41 человек (3,3% всех экспертов ВАК). Очевидно, что столь юные ведущие ученые не успели обеспечить себе достойный имидж в научной среде. Лидерами по количеству «молодых» докторов-экспертов являются советы по теологии (11 человек, или 19,6%) и отраслевой и региональной экономике (4 человека, или 11,1%). Отметим, что в их состав включены доктора, защитившие диссертации даже в 2013–2015 гг.

Детальный анализ аффилиаций ученых-экспертов ВАК показал, что 63% из них – ученые, работающие в научных организациях и вузах г. Москвы. Такой же процент москвичей среди тех, кто защитил недавно докторские диссертации и (или) имеет индекс Хирша менее пяти. А среди экспертов, не имеющих 10 публикаций за последние пять лет, москвичей еще больше: 75%. Таким образом, приходится признать, что реформы ничего не изменили: экспертные советы все так же формируются не по принципу научных достижений потенциальных экспертов, а по их принадлежности к «нужному кругу лиц».

А как обстоят дела с научной квалификацией членов диссертационных советов? Чтобы ответить на этот вопрос, проведем аналогичное исследование публикационной активности членов нескольких диссоветов, созданных на базе Высшей школы экономики, Российского университета дружбы народов и Томского политехнического университета. Выбор университетов обусловлен вхождением их в верхние топы российских и международных рейтингов, а также наличием большого количества диссертационных советов. Выбор диссоветов внутри вуза проводился случайным образом.

Наукометрическая характеристика членов диссертационных советов представлена в таблице 2. Напомним, что «Положение о совете по защите диссертаций...» [10] не регламентирует требуемое количество публикаций для членов диссоветов. Тем не менее мы вправе полагать, что их научная квалификация должна быть не ниже, чем у экспертов ВАК, т.е. им необходимо опубликовать 10 и более статей в рецензируемых журналах и (или) патентов за пять лет, предшествующих году утверждения совета.

Действительность оказалась удручающей – не все члены диссертационных советов имеют искомое число публикаций и (или) патентов за пять лет (годы скрининга у советов были разные и зависели от даты их утверждения). Антилидерами являются советы по историческим и филологическим наукам, созданные на базе Российского университета дружбы народов, где соответственно 82 и 79% членов имеют менее 10 публикаций за исследуемый период, причем в совете по историческим наукам из 28 человек 14 имеют от 0 до 2 статей (!) и только пять человек – 10 и более.

Проведенное в 2013 г. Центром бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета исследование публикационной активности всех (!) членов действующих на тот момент времени диссертационных советов показало, что за 2008–2012 гг. 61,9% из них имели не более 10 публикаций в российских журналах, 31% – не более 10 публикаций в зарубежных журналах, 9,5% и 61% членов диссертационных советов вообще не опубликовали за пять лет ни одной статьи [1].

Таким образом, научная квалификация членов советов остается по-прежнему низкой, по крайней мере, в тех из них, которые мы проанализировали.

Таблица 2. Структура диссертационных советов по научной активности их членов (по данным РИНЦ на июнь 2017 г.), чел.

Диссертационный совет по направлениям	Всего	Число членов			
		имеющих менее 10 публикаций и патентов за 5 лет (до приказа об утверждении совета)	имеющих самоцитируемость публикаций более 30%	имеющих индекс Хирша менее 5	защитивших докт. диссертацию в 2010 г. и позже
<i>Высшая школа экономики</i>					
Экономические науки Д 212.048.05	28	13	2	1	1
Политические науки 212.048.08	21	12	1	1	1
Юридические науки Д 212.048.04	25	13	–	2	2
Социологические науки Д 212.048.01	26	11	–	1	–
Психологические науки Д 212.048.03	21	9	1	–	1
Философские науки Д 212.048.12	21	11	–	5	1
Пед. науки при НИУ ВШЭ и РГПУ им. А. И. Герцена Д 999.023.02	25	14	–	–	–
Физико-математические науки Д 212.048.17	20	8	9	6	–
Технические науки Д 212.048.20	20	3	9	6	1
<i>Томский политехнический университет</i>					
Физико-математические и технические науки Д 212.269.13	20	6	11	8	1
Геолого-минералогические науки Д 999.170.03	22	7	13	4	–
Химические науки Д 212.269.04	21	4	8	3	2
Технические науки Д 212.269.08	22	2	9	3	1
<i>Российский университет дружбы народов</i>					
Ветеринарные науки Д 212.203.32	21	11	4	5	1
Исторические науки Д 212.203.03	28	23	0	18	2
Филологические науки Д 212.203.12	24	19	2	12	2
Медицинские науки Д 212.203.01	24	7	1	8	4
Медицинские и биологические науки Д 212.203.38	19	4	1	4	1

Источники: [8, 11].

Что касается других показателей публикационной активности, то они, как и у членов экспертных советов ВАК, не идеальны. В состав диссоветов также не стесняются включать недавно защитившихся докторов наук. Причем поражает скорость прохождения некоторыми докторами этапов: вуз – аспирантура – докторантура – включение в состав диссертационного совета. Например, в советах Д 212.269.13, Д 212.269.04, Д 212.269.08, созданных при Томском политехническом университете, есть доктора наук, которые 6–8 лет назад были еще студентами (!) [13].

В итоге неквалифицированные экспертные советы ВАК выдают разрешение на создание подобных себе неквалифицированных диссертационных советов и утверждают научные степени, присвоенные этими квазинаучными советами. Такая ситуация способствует, во-первых, развитию коррупции. Во-вторых, росту «армии ученых», некомпетентных в науке, что в свою очередь только увеличивает цивилизационное отставание России от западных стран. Но парадокс в том, что проводимая реформа официально направлена именно на повышение качества подготовки высоконаучных кадров и борьбу с коррупцией при присуждении ученых степеней. То есть на деле реализуются полумеры, и то лишь тогда, когда ситуация выходит из-под контроля и становится достоянием общественности. Так, например, в 2014 г. чистке подверглись два самых «грязных» экспертных совета: по отраслевой и региональной экономике; экономической теории, финансам и мировой экономике.

Однако не все организаторы «фабрик по производству липовых диссертаций» были исключены. До сих пор, например, в составе экспертного совета по отраслевой и региональной экономике числится крупный «диссеродел» Михаил Иванович Ломакин, который к тому же является заместителем председателя данного совета [8, 14]. Остался также вопрос: почему неэкономические экспертные советы не рассматриваются на предмет недобросовестности и не происходит их кардинальная чистка? Между тем, по данным «Диссернета», в них продолжают числиться нечистоплотные эксперты [14].

Где защититься?

Правомерный вопрос, который задает себе будущий аспирант или докторант: где он будет защищаться по окончании

аспирантуры (докторантуры)? Самый очевидный ответ: в той же организации, где обучался. На деле не все так просто: не во всех из них есть диссертационные советы вообще и по нужной специальности, в частности. Для примера в таблице 3 представлена статистика по двум (выбранным наугад) федеральным округам РФ по числу организаций, ведущих подготовку аспирантов и имеющих диссертационные советы.

Таблица 3. Сопоставление числа организаций, ведущих подготовку аспирантов, и имеющих диссертационные советы

Регион	Число организаций, ведущих подготовку аспирантов, в 2015 г.	Число организаций, имеющих диссертационные советы, по состоянию на 22.06.2017 г.
<i>Южный федеральный округ</i>		
Республика Адыгея	2	1
Республика Калмыкия	1	–
Краснодарский край	28	8
Астраханская область	6	3
Волгоградская область	13	8
Ростовская область	29	9
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>		
Республика Саха (Якутия)	11	4
Камчатский край	4	1
Приморский край	22	14
Хабаровский край	18	4
Амурская область	7	1
Магаданская область	4	–
Сахалинская область	3	1
Еврейская автономная область	2	–

Источники: [8, 15].

Сухие данные указывают на то, что аспиранты, начавшие обучение в 2015 г., например, в аспирантурах, открытых в организациях Республики Калмыкия, Магаданской и Еврейской автономной областей, будут вынуждены искать советы за пределами домашних регионов. В остальных регионах Южного и Дальневосточного федеральных округов (впрочем, как и в других районах России, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга) диссертационные советы есть, но организаций, где они размещены, в два-три раза меньше, чем тех, которые имеют право на подготовку аспирантов.

Логичен вывод: аспирантура должна быть только там, где есть диссертационный совет. Возможно, со временем так и будет. Но как же в настоящее время горе-аспирантам, ставшим заложниками реформы, выбрать диссертационный совет и защититься? Для этого можно воспользоваться связями научного руководителя либо искать самому. Второй способ не всегда дает желаемый результат, даже в том случае, если диссертация соответствует всем предъявляемым к ней требованиям.

В «Положении о порядке присуждения ученых степеней» [4] перечислены официальные причины такого отказа, но есть и неофициальные, которые обнародованы на портале аспирантов и диссертантов [16]. Например: 1) сданы кандидатские экзамены по другим шифрам специальностей, в связи с чем настойчиво просят их пересдать; 2) публикации соискателя напечатаны не в тех журналах или только в одном-двух журналах; изданы тезисы конференций, проведенных в одном городе; статьи имеют небольшой объем. Некоторые идут дальше – просят соискателя предоставить разрешение соавторов статей на использование результатов совместных исследований; 3) высокий процент заимствования. Проверку диссертации на плагиат крайне сложно пройти, если умелый проверяющий не удосужится признать авторство соискателя за результатами исследований, которые были ранее опубликованы в статьях и монографиях и уже растасканы студентами на рефераты и защищены более шустрыми коллегами.

Впрочем, препятствия к защите можно обойти. Для этого открыто предлагаются платные услуги, а иногда бессовестно вымогают деньги за «продвижение работы». Эпидемия взяточничества охватила многие, а точнее, большинство советов, и стала возможной именно из-за их резкого сокращения. Естественно, чем меньше советов, тем больше очередь из соискателей и больше шансов скорее защититься тем из них, кто финансово лучше обеспечен.

В результате негласно стало абсолютно нормальным требовать «не своих» аспирантов (даже с очень сильной диссертацией) благодарить членов совета и оппонентов «за труды» (от 5–10 до 150–200 тыс. руб.) [17]. А еще есть «официальные» затраты на печать и рассылку авторефератов, переплет и банкет. Иногда просят оплатить проезд и проживание оппонентов и членов совета, а некоторые советы устанавливают тариф на «комплексную

услугу защиты» в 300–600 тыс. руб. [18]. Появился еще один вид услуги – «за связи совета с экспертом ВАК» [19].

В такой ситуации каждый соискатель ищет для себя приемлемые коммерческие схемы защиты. А если что-то не устраивает, можно писать жалобу, уличать совет в нечестности, взяточничестве, торговле готовыми диссертациями (до сих пор это не искоренено), ходатайствовать о его закрытии. Но этим бумагам не будет дан ход, потому что, как сказал основатель проекта «Диссернет» А. Заякин в интервью «РБК-Юг» в конце 2016 г., «60–65% состава экспертных советов по экономике и праву в ВАК – это крышеватели диссоветов, которые торгуют диссертациями. Мы об этом докладывали лично председателю ВАК Владимиру Филиппову. Но безрезультатно... Разогнать диссовет можно, но только если есть решение о лишении ученой степени человека, который там защищался. Однако сам же этот совет и принимает такие решения. Это замкнутый круг, его разорвать практически невозможно. Только когда происходят вопиющие случаи, а скандал переходит в президиум ВАК» [20].

Что в итоге?

Реформа системы присуждения ученых степеней началась с громкого скандала, получившего название «диссергейт», когда благодаря усилиям «Диссернета» были обнародованы цифры выданных липовых дипломов и оглашены сведения о причастности к процессу их приобретения известных в РФ политических деятелей. В результате чистки 2013–2014 гг., по данным Минобрнауки РФ, сокращено число диссертационных советов, состав участников новых экспертных советов ВАК изменен на две трети, обновлено более 90% руководящих должностей [21]. Но качество советов не изменилось: научная квалификация экспертов и членов диссертационных советов по-прежнему невысока, а у некоторых даже низка. Неудивительно, что в этой среде продолжает процветать коррупция. Так, «70–80% коррупционных потоков концентрируется в Москве, там, где сформированы центры абсолютной власти. И ВАК – хороший тому пример. Эта чудовищная концентрация власти и денег в московских кабинетах стимулирует развитие коррупционных процессов в регионах», – ответственно заявлял в дореформенное время ректор Байкальского государственного университета экономики и права профессор М. Винокуров [22].

Поменялось ли что-то за пять лет? По существу – нет. Очевидно, разбить коррупционный круг удастся только в случае ликвидации ВАК и передачи научным организациям и ведущим вузам права присуждать ученые степени, что уже разрешено Московскому и Санкт-Петербургскому государственным университетам. Но будет ли это сделано? Позволит ли околонучная мафия отлучить себя от кормушки?

Литература

1. Гуртов В. А., Щеголева Л. В. Публикационная активность членов диссертационных советов при вузах России // Высшее образование в России. – 2014. – № 8–9. – С. 16–26.
2. Дранкина Е. В. Докторская с наценкой // Экономика образования. – 2012. – № 1. – С. 115–117.
3. Высшая аттестационная комиссия: из прошлого в будущее // Молодой ученый. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/07/30/filipp1>/<https://moluch.ru/information/vysshaya-attestacionnaya-komissiya-iz-proshlogo-v-budushee/> (дата обращения: 10.07.2017).
4. Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней».
5. Число защит диссертаций в России с 2012 года сократилось на 40% // Парламентская газета. – 2016. – 21 нояб. URL: <https://www.pnp.ru/social/2016/11/21/chislo-zashhit-dissertaciy-v-rossii-s-2012-goda-sokratilos-na-40.html> (дата обращения: 10.07.2017).
6. Механизм заработал // Лента.ру. – 2014. – 30 июля. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/07/30/filipp1/> (дата обращения: 10.07.2017).
7. Пахомов С. И., Шишканова И. А., Гуртов В. А. Обзор деятельности сети диссертационных советов в 2014 г.: аналитический доклад. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – 140 с. URL: <http://openbudgetrf.ru/doc/1516> (дата обращения: 10.11.2016).
8. Сайт Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://vak.ed.gov.ru> (дата обращения: октябрь 2016 – июнь 2017).
9. Приказ Минобрнауки России от 25 декабря 2013 года № 1393. «Об утверждении Положения об экспертном совете Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации».
10. Приказ Минобрнауки России от 13 января 2014 г. № 7 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук».
11. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: март 2017 – июнь 2017).
12. О предложениях в состав экспертных советов. Документ ВАК ЛО-1727/13 от 18.11.2014. URL: <http://vak.ed.gov.ru/documents/10>

- 179/513654/%D0%BB%D0%BE-1727.13.pdf/1b56651f-3c4e-4d26-b5fe-58cf49be8bcd (дата обращения: 10.07.2017).
13. Корпоративный портал ТПУ – персональные сайты. URL: <http://portal.tpu.ru/www/sites> (дата обращения: 10.07.2017).
14. *Калабрина А.* Публикационная пассивность членов экспертного совета ВАК // Троицкий вариант. – 2014. – 29 июля. URL: <http://trv-science.ru/2014/07/29/publikacionnaya-passivnost-chlenov-ehkspertnogo-soveta-vak/> (дата обращения: 10.07.2017).
15. Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 725 с.
16. Почему диссоветы отказывают в принятии диссертации к защите / Портал аспирантов и диссертантов. URL: <http://phdru.com/defence/bezzachity/> (дата обращения: 10.07.2017).
17. Плата за кандидата: защита диссертаций стала дорого обходиться молодым преподавателям // Московский комсомолец. – 2017. – № 27343. – 13 март. URL: <http://www.mk.ru/social/2017/03/12/plata-za-kandidata-zashhita-dissertaciy-stala-dorogo-obkhoditsya-molodym-prepodavatelyam.html> <http://phdru.com/defence/bezzachity/> (дата обращения: 10.07.2017).
18. Портал аспирантов. URL: <http://phdru.com/defence/bezzachity/> <http://aspirantura.spb.ru/forum/> (дата обращения: 10.07.2017).
19. О роли наличности в науке // Новая газета. – 2016. – № 113. – 10 окт. URL: <http://phdru.com/defence/bezzachity/> <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/10/10/70125-o-rol-i-nalichnosti-v-nauke> (дата обращения: 10.07.2017).
20. «Диссернет»: в кубанских вузах работают целые диссеродельческие кластеры // РБК. Краснодарский край. – 2016. – 28 нояб. URL: <http://phdru.com/defence/bezzachity/> <http://kuban.rbc.ru/krasnodar/interview/28/11/2016/5835a5759a79473ae7a74469> (дата обращения: 10.07.2017).
21. Анатомия коррупции: ЕГЭ и «диссергейт» // Коммерсант.ru. – 2015. – 29 июня. URL: <http://phdru.com/defence/bezzachity/> <http://kommersant.ru/doc/2744292> (дата обращения: 10.07.2017).
22. *Ковалев И.* ВАК: что делать? // Аргументы недели. – 2013. – № 5 (347). – 7 фев. URL: <http://phdru.com/defence/bezzachity/> http://www.za-auku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=6873&Itemid=29 (дата обращения: 10.07.2017).

Экология и сырье: сосуществование в сибирских технологиях эффективно!*

Н.М. ЖУРАВЕЛЬ, кандидат экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, Новосибирск.
E-mail: zhnela@mail.ru

В статье эколого-экономическая эффективность сибирских технологий оценивается на примере достижений ученых СО РАН в комплексной переработке литиевого сырья. Доказывается необходимость назревших изменений в расчетах эффективности при инвестиционном проектировании для учета эколого-экономического ущерба, предотвращаемого благодаря наилучшим доступным технологиям (технологии сорбционного обогащения и др.). Обосновано существенное положительное влияние экологических эффектов на экономическую эффективность принципиально новых сибирских технологий при комплексной переработке поликомпонентных литиеносных рассолов Сибирской платформы. Оцениваются причины, тормозящие внедрение этих технологий. Предлагаются административно-правовые меры для ускорения реализации наилучших доступных технологий в промышленном производстве.

Ключевые слова: комплексность, сибирская наука, наилучшая доступная технология, эколого-экономическая эффективность, ущерб

«Годом экологии» в РФ объявлен 2017-й. Статья преследует две цели. Во-первых, дать в определенной мере представление о спектре технологического богатства, создаваемого сибирской наукой, которое позволяет говорить о возможностях создания экологически чистого промышленного производства на основе комплексной переработки сырья. Во-вторых, обосновать существенное положительное влияние экологических эффектов принципиально новых сибирских технологий на их экономическую эффективность.

Характеристика «комплексного использования ископаемого (минерального) сырья» дана академиком А. Е. Ферсманом еще

* Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках приоритетного направления XI.172 (проект XI.172.1.1.5). № 0325–2014–0009 в ИСГЗ ФАНО.

Автор выражает глубокую благодарность гл. науч. сотр. ИХТТМ СО РАН д.т.н. Н. П. Коцупало и гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН к.э.н. М. А. Ягольницеру за консультативную помощь при подготовке статьи.

в 1932 г. [1. С. 15]. Из трактовок современных авторов, в которых идеи и понятия А.Е. Ферсмана не претерпели принципиальных изменений, но получили более широкое толкование, приведем следующее: «Комплексное освоение недр может быть представлено как максимально полное выявление потенциально полезных для общества их свойств, рассматриваемых как совокупность ресурсов, постоянно наращиваемое на основе научно-технического прогресса хозяйственное их освоение, при одновременном или последовательном комплексном использовании всех ценных составляющих каждого ресурса для удовлетворения различных общественных потребностей на экономически приемлемой основе» [2. С. 66]. Эти авторы, проанализировав зарубежный и отечественный производственный опыт, приходят к однозначному выводу о существенных эколого-экономических преимуществах комплексного использования невозобновляемых минеральных ресурсов, о возможности существенного экономического роста и экологизации минерально-сырьевого комплекса при ограничении и даже снижении объемов добычи минерального сырья из недр.

Обратимся к достижениям сибирской науки при решении проблемы комплексной переработки сырья на примере важнейшего для экономики региона энергетического направления. Исходный ресурс в этом примере – гидроминеральное литиевое сырье, сопутствующее как газовым, так и нефтяным месторождениям.

Окончание XX века характеризуется стремительным увеличением сырьевой базы для производства литиевых продуктов за счет гидроминерального сырья – литиеносных природных рассолов, саларов, рапы озер. На долю гидроминерального сырья приходится 78% мирового содержания лития и только 22% – на традиционное рудное сырье. В отличие от руды гидроминеральное сырье не требует горных работ на добычу, а выщелачивание ценных компонентов из вмещающих пород осуществила сама природа. Содержание в рассолах таких компонентов, как соли лития, натрия, калия, магния, кальция, а также брома и ряда микрокомпонентов, позволяет их извлекать осадительными и ионообменными методами, на которые не нужны большие энергозатраты.

Литиеносные глубинные рассолы Сибирской платформы отличаются поликомпонентным составом с преимущественным

содержанием кальция и магния и обогащены бромом. Институтом химии твердого тела и механохимии (ИХТТМ) СО РАН разработаны научные основы методики селективного извлечения лития из рассолов сложного состава. Результаты исследований позволили продолжить прикладные работы организованному для этих целей ЗАО «Экостар-Наутех» и разработать *технологию сорбционного обогащения по литию применительно к литиеносным рассолам любого состава* [3].

Из месторождений Сибирской платформы наиболее обогащены по литию глубинные рассолы Иркутской области, наименее – попутные нефтяные рассолы (Юрубченское месторождение), но даже в них содержание лития превышает значения промышленных кондиций примерно в пять раз. Сорбционное обогащение по литию этих рассолов по методике «Экостара» позволило получить литиевый концентрат, сохранив солевой фон рассола практически неизменным. Поскольку солевой фон рассола на 50–70% представляют хлориды кальция и магния, при комплексной переработке таких рассолов целесообразно получать не только литиевые, бромные и магниевые продукты, но и востребованные на рынке соли кальция. Как утверждают авторы [3], без получения этих товарных продуктов после извлечения лития потребуется закачка практически полного объема добытого рассола в пласты-коллекторы, что требует определенных капитальных и энергетических затрат. Между тем продукты на основе кальция и магния, полученные осаждением из рассола, пользуются большим спросом на мировом рынке как более качественные.

На основании проведенных исследований и опытно-промышленных испытаний авторами сорбционного обогащения показана возможность полной переработки добытых глубинных подземных рассолов, пересыщенных по содержанию хлорида кальция, что позволяет создать замкнутую безотходную технологию с широким ассортиментом получаемой товарной продукции. При этом авторы полагают, что, используя CO_2 , содержащийся в топочном газе объектов энергетики, и электролиз маточного раствора хлорида натрия непосредственно на месторождении рассолов, представляется реальным производить реагенты, необходимые для основных технологических процессов при организации

химико-металлургического производства с получением лития, магния и кальция и сплавов на их основе.

Возможность экономичной добычи рассолов хлоридного кальциево-магниевых типа и инновационные технологические решения по их переработке были всесторонне апробированы на сырье Знаменского месторождения; подтвердились технологические, экономические и экологические преимущества этой технологии для промышленного применения.

Подтверждена расчетами также экономическая целесообразность организации производства комплексной переработки рассолов, сопутствующих Ковыктинскому газоконденсатному месторождению (Иркутская обл.). Эта технология обеспечивает возможность последовательно-параллельного получения товарных продуктов и не исключает индивидуального извлечения компонентов по мере готовности того или иного технологического передела и его аппаратного оформления [4].

Выбор месторождения обусловлен наличием инфраструктуры и информацией о перспективности запасов рассола, необходимого для организации крупного химического комплекса. Проведены расчеты для четырех вариантов различной организации производственного комплекса с разным ассортиментом выпускаемой продукции.

Расчетный срок функционирования производства определяется запасами рассола и составляет 20 лет, включая строительство и ввод предприятия на полную проектную мощность.

Доказано, что повышение комплексности переработки полезных компонентов рассола значительно улучшает показатели эффективности: при увеличении номенклатуры выпускаемой продукции из сырья данного вида чистая прибыль возрастает в 3,3 раза, тогда как капитальные затраты и операционные издержки – только в 1,4 раза (таблица).

Особенно высокие показатели можно получать при организации на базе данного сырьевого источника химико-металлургического производства. Спрос на его продукцию обеспечивается бурным развитием авиакосмической промышленности, которое требует расширения производства металлов и легких сплавов на основе лития и магния.

Приведенные расчеты выполнены на основании результатов опытно-промышленных и укрупненных испытаний предлагаемых

технологий. При этом все технологии получения товарных продуктов, положенные в основу технико-экономических расчетов, защищены патентами РФ [3].

Интегральные показатели экономической эффективности переработки литиеносного поликомпонентного гидроминерального сырья Ковыктинского месторождения за 20-летний период функционирования проекта

Показатель	Вариант переработки			
	1-й	2-й	3-й	4-й
Объем выпуска продукции, тыс. т :				
противогололедный материал на основе хлоридов кальция и магния (ПХКМ)	3800	3800	3800	3800
карбонат лития технический	31,5	31,5		31,5
литийсодержащие фтористые соли	96,8	96,8	-	96,8
бром	-	203	-	203
бромид лития	-	67,7	-	67,7
оксид магния	-	-	1155	1089
буровые растворы, тыс. м ³	-	-	24915	24915
рассол, тыс. м ³	16500	-	-	-
Стоимость реализованной продукции, млн руб.	31 387	44 236	45 726	74 809
Капитальные затраты, всего, млн руб.	1365	1610	1395	1900
Из них:				
производство рассола	280	280	280	280
производство ПХКМ	210	210	210	210
литиевое производство	260	260	-	260
бромное производство	-	245	-	245
магниевое производство	-	-	290	290
здания и сооружения	365	365	365	365
производственная инфраструктура (сети, газопровод, автодороги)	250	250	250	250
Операционные издержки (с учетом налогов и платежей), млн руб.	15 531	17 761	19 124	22 668
Чистая прибыль, млн руб.	12 051	20 121	20 160	39 627
Чистый дисконтированный доход, млн руб.	1909	3822	3498	8018
Внутренняя норма доходности, %	34,4	48,5	41,9	64,9
Срок окупаемости проекта (дисконтированный), лет	5,9	4,5	5,4	4,2

Вопросы комплексной переработки самого газоконденсатного сырья Ковыктинского и Чаюдинского месторождений Восточной Сибири при реализации проекта «Сила Сибири» детально рассматриваются в [5]. Автор дает содержательную

оценку социально-экономических эффектов, которые порождает этот проект: «Основной эффект от разработки Ковыктинского и Чаяндинского месторождений Россия получит не столько за счет экспорта газа, сколько за счет предприятий по глубокой переработке газа, и в первую очередь предприятий газохимии... Из газа будут выделяться этан, бутан, пентан-гексановая фракция и гелий...» [5. С. 158]. Именно гелию автор предрекает «главный прорыв» в обосновании экономической эффективности освоения базисных месторождений «Силы Сибири».

Экономические преимущества комплексной переработки глубинных рассолов Сибирской платформы по сравнению с отдельными производствами всего набора получаемых продуктов в целом очевидны. В частности, это касается отсутствия дополнительных затрат на сырье, резкого сокращения затрат на все виды энергии, экономии на капитальных затратах и значительной части эксплуатационных затрат. Что же касается сокращения ущерба окружающей среде, то приближенно оценить его можно по изложенным выше данным, воспользовавшись обобщенными отраслевыми коэффициентами ущерба, рассчитанными автором [6] на основе методики [7] и статистической информации по РФ.

Взяв за основу расчета размаха величины ущерба коэффициенты ущерба по газовой и химической промышленности, равные 0,152 и 0,113 руб./руб. продукции, и данные из таблицы о стоимости реализованной продукции, получаем оценочную информацию о возможном размере ущерба по рассмотренным четырем вариантам организации производственного комплекса (млрд руб.): 3,5–4,8; 5,0–6,7; 5,2–6,9; 8,5–11,4. Очевидно, что величина стоимостного ущерба превосходит объемы приведенных в таблице капитальных затрат. Если же оценить накопленный эффект от сокращения ущерба за 20-летний период, мы увидим, что, во-первых, достигается существенный экологический эффект большей сохранности окружающей среды (ущерб природным комплексам, конечно, будет наноситься, но в меньшем размере); во-вторых, напрашивается вывод об ускоренной окупаемости инвестиций в полный цикл производства за счет предотвращения ущерба. Правда, на практике это станет возможным лишь при экологизации основ проектного финансирования [8], сегодня категория предотвращенного экологического ущерба,

увы, не входит в схему расчета финансовых показателей эффективности инвестиционных проектов.

А теперь попробуем разобраться, почему представленная выше технология с отличными эколого-экономическими показателями практически бездействует в России. В то же время она уже несколько лет успешно работает в Китае, на ее внедрение в настоящее время оформляются договоры с заказчиками из Боливии.

Итак, есть **разработчики** ноу-хау с патентами на все методы и технологическое оформление комплексной переработки сырья из рассолов, сопутствующих газовым и нефтяным месторождениям. Есть **собственники месторождений** в лице государственных и частных компаний. Есть **органы управления собственностью** на трех уровнях: муниципальном, региональном, народнохозяйственном. И есть **Министерство экономического развития РФ**, ответственное за то, чтобы развитие экономики осуществлялось путем замены устаревающего технологического базиса на более эффективный с позиций экономики и экологии технологический уклад пятого и шестого поколений.

Очевидно, что из четырех участников процесса освоения наилучшей доступной технологии ее разработчики по определению не являются тормозом на пути освоения (не враги же они своему детищу). Судя по тому, что технология пользуется спросом за рубежом, собственники сырья тоже должны быть заинтересованы в его комплексном использовании. Мировой рынок литья дефицитен, и спрос на этот вид продукции переработки рассолов, по крайней мере, на среднесрочную перспективу обеспечен. На другие виды, вероятнее всего, тоже, если вплотную заняться их маркетингом. Безупречны мотивы содействовать распространению технологии и у третьей группы участников процесса, ибо прибыльное производство – это налогооблагаемая база для любого уровня управления экономикой. Но для того чтобы перечисленные три участника эффективно взаимодействовали, необходим четкий механизм экономических и юридических связей между ними, разработку и контроль которого может и должен обеспечить четвертый участник совместно с правоохранительными органами.

Однако Министерству экономического развития, по всей видимости, не до проблем комплексного использования сырьевых

ресурсов. По меткому выражению Салтыкова-Щедрина, главная задача власти – постоянно держать народ в изумлении, в данном контексте – выбирать лучший вариант из трех предлагаемых программ стратегического развития страны (Кудрина, Титова, Столыпинского клуба) или согласовывать эти программы между собой.

Конечно, большинство проблем комплексной переработки сырья в рассматриваемом примере самостоятельно могли бы разрешить такие мощные ведомства, как Минатом и Министерство энергетики. К сожалению, попытки разработчиков ноу-хау привлечь их на свою сторону не увенчались успехом. «Это – не наша задача» – вот ответ на приглашение к сотрудничеству. По всей видимости, ведомственный подход к деловым отношениям с партнерами по бизнесу не изжит с советских времен, особенно в закрытых и полузакрытых организациях. Хотя рыночные отношения им не чужды, но только узко в интересах своего ведомства. Оказывается, для них спокойней и проще закачивать рассолы в пласти-коллекторы только лишь после извлечения противогололедного материала ПХКМ, который пока еще производится, чем заниматься «непрофильной» комплексной переработкой с получением остальных сопутствующих продуктов.

Вот так и получается, что общегосударственные интересы пытается обеспечивать в основном лишь научное сообщество в меру своих возможностей, которые как раз всемогущий «четвертый участник» и урезает постоянно.

Проблематика совершенствования методов и материалов для производства литий-ионных аккумуляторов, которые сегодня являются самыми распространенными в мире и используются во многих устройствах – от мобильных телефонов до электромобилей, всегда в поле зрения сибирских ученых. Из последних достижений, привлечших внимание мировой науки, следует отметить разработки ИХТТМ СО РАН по созданию нового катодного материала на основе наноразмерного литий-марганцевого оксида вместо дорогостоящего, с низкой производительностью кобальта лития. Еще 15 лет назад считалось, что в литий-ионных аккумуляторах наноматериалы не будут работать. Помимо того, что новый материал делает батареи более емкими и значительно увеличивает скорость заряда, с помощью механохимии нужное

соединение удалось синтезировать при комнатной температуре, без всякого нагрева.

Широкому применению в отечественном производстве достижений науки призван способствовать федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон формирует правовые основы и стимулы для модернизации производства, снижения загрязнения окружающей среды, для энергосбережения и ресурсосбережения на основе внедрения наилучших доступных технологий наилучших доступных технологий, критериями отнесения технологических процессов к которым являются: наименьший уровень негативного воздействия на окружающую среду; экономическая эффективность внедрения и эксплуатации; применение ресурсосберегающих и энергосберегающих методов; промышленное внедрение на двух и более объектах в РФ, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду [9]. Важными документами для преобразования отечественного производства являются отраслевые справочники наилучших доступных технологий, которые разрабатываются в качестве документов национальной системы стандартизации и которых до 2018 г. будет разработано 47 (из них 12 в 2016 г. и 25 в 2017 г.).

Приведенный выше анализ наглядно доказывает, что комплексная переработка сырья является важнейшим фактором эффективности наилучших доступных технологий. С целью скорейшей замены экологически опасных технологий на безотходные комплексные предлагаем следующее.

√ Ввести в справочниках наилучших доступных технологий понятие категорий технологий по степени использования исходного сырья. Технологиям, с помощью которых перерабатывается почти все сырье, присваивается первая категория, перерабатывающих до 75% – вторая, от 74 до 50% – третья, от 49 до 25% – четвертая. К пятой категории относятся все остальные.

√ Использовать материальные и моральные стимулы поощрения объектов и субъектов промышленного производства в привязке к названной классификации категорий наилучших доступных технологий:

- за разработку и применение технологий только 1-й и 2-й категорий – на вновь создаваемых производствах;
- за стимулирование замены технологий пятой категории на те, которые комплексно используют сырье, – на действующих производствах.

Виды поощрений могут быть самыми разнообразными. Наиболее эффективны, на наш взгляд, дотации из федеральных и региональных бюджетов на период разработки и освоения наилучших доступных технологий и весомое снижение налогов в период последующей эксплуатации технологий. Весьма продуктивными могут оказаться и моральные стимулы.

Литература

1. Ферсман А. Е. Комплексное использование ископаемого сырья. – Л.: АН СССР, 1932. – 20 с.
2. Ларичкин Ф. Д., Пономаренко Т. В. Затраты в комбинированных горно-промышленных производствах: формирование и управление. Учебное пособие. – Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН, 2012. – 154 с.
3. Рябцев А. Д., Коцупало Н. П., Титаренко В. И. и др. Комплексная переработка поликомпонентных литиеносных рассолов с предварительным их обогащением по литию / Под ред. Н. П. Коцупало; Закрытое акционерное общество «Экостар-Наутех». – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2014. – 172 с.
4. Рябцев А. Д., Ягольницер М. А., Коцупало Н. П. и др. Перспективы комплексной переработки литиеносных поликомпонентных рассолов России // Минеральные ресурсы России. – 2007. – № 6. – С. 44–50.
5. Кин А. А. Магистральный трубопровод «Сила Сибири»: основные положения крупномасштабного проекта // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 2. – С. 154–164.
6. Рюмина Е. В. Экономический анализ ущерба от экологических нарушений. – М.: Наука, 2009. – 331 с.
7. Методика определения предотвращенного экологического ущерба. / Госкомитет по охране окружающей среды. – М.: Экономика, 1999. – 71 с.
8. Журавель Н. М. Экологизация финансовых показателей при реализации наилучших доступных технологий // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 4. – С. 212–229.
9. Кучкаров З. А., Максименко Ю. Л., Сокорнова Т. В. Наилучшие доступные технологии: подготовка к внедрению // Экология производства. – 2015. – № 11. – С. 38–45.

Влияние технополисов на развитие предпринимательских университетов

Е.И. ХЕГАЙ, кандидат экономических наук. E-mail: alenkahegay1405@mail.ru

Л.Н. БАБАК, кандидат технических наук. E-mail: lightsome@yandex.ru

М.А. МЕСРОПЯН, Дальневосточный федеральный университет.

E-mail: mesropian.ma@students.dvfu.ru

В.А. ПАНОВА, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток.

E-mail: panova.va@students.dvfu.ru

Целью работы было изучение основных направлений влияния технополисов (технопарков) на развитие предпринимательских университетов, а также приведение общей характеристики развития технологических парков на базе предпринимательских университетов в России. Был проведен контент-анализ и сделано экспертное заключение исследователями данной проблемы.

Ключевые слова: технопарки; технополисы; университеты; интеграция; образование; предпринимательство; бизнес; исследовательская деятельность; инновации; внедрение инноваций; инновационная деятельность

Одним из наиболее эффективных и рациональных методов производства инноваций считается интеграция науки и предпринимательства, в том числе – через создание технологических научных парков (технополисов). Так, например, по оценкам бизнес-инновационного центра Европейского союза, процент выживаемости новых субъектов предпринимательства возрастает в среднем на 30% при поддержке наукоемких бизнес-инкубаторов и технологических парков. О положительном влиянии подобных структур на состояние бизнеса также говорят и исследователи [1, 2].

Традиционно считается, что первый в истории технопарк был создан на базе Стэндфордского университета в США, когда в 1953 г. было принято решение о сдаче находящихся во владении университета земель в аренду научно-исследовательским лабораториям. С тех пор данная практика широко распространилась за пределы Соединенных Штатов и нашла свое применение как в Европе, так и на Востоке [3].

В России на данный момент действует множество технополисов на базе университетских городков. Чтобы изучить, какое влияние технополисы оказывают на предпринимательские университеты, были поставлены следующие вопросы.

- Что представляет собой технополис (технопарк)?
- Какие факторы внутренней и внешней среды университетов способствуют формированию на их базе технополисов?
- Каковы основные функции и задачи технополисов, основанных на базе исследовательских университетов?
- Как технополисы влияют на внутреннюю и внешнюю среду университетов?

Модели создания технополисов

Некоторые российские авторы [4,5] считают «технополис» и «технопарк» разными понятиями, поскольку инфраструктура технополисов является более обширной и целостной. Однако в зарубежной литературе такое разделение не принято, поэтому для целей нашего исследования было решено условно объединить данные понятия.

Технополисы представляют собой одну из возможных моделей интеграции науки и бизнеса на базе университетских инфраструктур, а также эффективную форму поддержки предпринимательства. Это происходит за счет аккумуляции исследовательской, инновационной и предпринимательской деятельности в одном месте, т.е. наукограды выступают неким мостом, катализатором процесса разработки, производства и распределения благ в экономике [6].

Технопарки могут располагать центрами научных исследований, технологических инноваций, обучения и прогнозирования, а также бизнес-инкубаторами, площадками для проведения ярмарок и выставок. Так, инфраструктура технополиса может быть разбита на два уровня: *ядро технопарка*, «мозговой центр» (университетские исследовательские группы и центры, лаборатории, творческие коллективы и т.д.) и *бизнес-окружение* (внедренческие фирмы, венчурные компании, заказчики и дистрибьюторы инноваций) [7].

Российские и зарубежные авторы [8,9,10] подчеркивают, что появление технополисов в отрасли образования предполагается исключительно на базе исследовательских университетов. Так,

например, выделяются определенные черты, характерные для субъектов высшего образования, которые могут способствовать развитию технополиса:

- превалирующая доля обучающихся по программам магистров, кандидатов и докторов наук и меньшая доля студентов первой ступени обучения, а также высокий уровень преподавания наукоемких дисциплин;
- совмещение учебной работы с научно-исследовательской деятельностью, проведение крупных фундаментальных исследований;
- большое количество специальных программ послевузовской подготовки, налаженные связи университета со сферой бизнеса;
- коммерциализация результатов научных исследований, осуществляемая в околоуниверситетском пространстве, традиции деловых и творческих контактов с предпринимательством;
- наличие в распоряжении вуза собственной территории, подходящей под строительство объектов технополиса;
- привлечение объемных инвестиций в университет, а также высокий уровень собственных денежных средств;
- наличие амбициозных и заинтересованных кадров, способных разрабатывать, реализовывать и поддерживать идею создания технополиса на основе университета [5, 8].

На основе мирового опыта по интеграции науки и предпринимательства можно выделить три основные модели (подхода) формирования технопарков:

- американская (к странам-приверженцам относятся США, Великобритания, Бельгия, Франция и др.);
- европейская (Германия, Швеция, Италия, Испания и др.);
- японская (Япония, Индия, Китай и другие страны Дальнего Востока) [8].

Существуют и другие подходы [11] – азиатский, израильско-скандинавский, смешанный, однако описанная выше тройка моделей является традиционно принятой, поэтому ограничимся этим перечнем.

В целом возникновение всех моделей технопарков обусловлено историческими причинами. Так, появившиеся в 1950–1970-е годы первые технопарки в США предполагали сдачу в аренду наукоемким компаниям зданий и помещений, пригодных для проведения научно-исследовательских работ, а также оказание

сопутствующих услуг (предоставление различных данных, маркетинговое, аудиторское, банковское, технологическое и другие виды обслуживания). В 1970–1980-х годах в Европе стали появляться новые, модифицированные технополисы: европейские парки обеспечивали все стадии инновационной деятельности – от разработки концепций продуктов до их реализации. Европейская модель совершеннее как структура, чем американская, благодаря инкубации технологий и бизнеса, и представляет собой новое видение инновационного процесса с более гибкими связями. Появившиеся к концу XX века научные парки японского типа были почти полностью проспонсированы и воплощены в реальность усилиями государственных структур [11,12] с целью стимулирования резкого инновационного рывка в отдельно выбранной отрасли экономики страны.

В отличие от японской европейская и американская модели подразумевали внедрение высоких технологий в производство и предпринимательство, а также снижение уровня безработицы. Для России характерна именно японская модель [13].

Метод анализа литературы

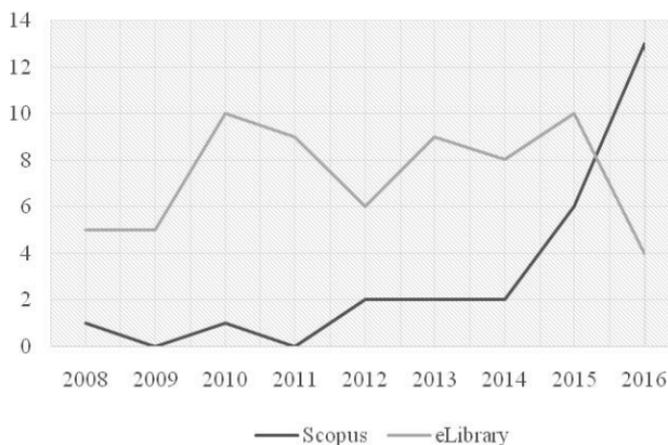
Исследование носит поисковый характер, а его основным методом является анализ экспертных заключений исследователей проблемы влияния технополисов на развитие предпринимательских университетов.

Для проведения контент-анализа были использованы поисковые системы научной базы данных Scopus (наиболее престижной и объемной библиотеки научных публикаций на английском языке) и eLibrary, которая занимает такую же позицию среди русскоязычных электронных научных библиотек.

Анализ вторичной информации был проведен в несколько этапов путем применения различных поисковых запросов, объединения результатов поиска в группы, а также ручного поиска для достижения максимальной репрезентативности результатов. Затем проводился анализ публикаций, отсортированных по периодичности за все годы, а также по стране, в которой она была написана (для базы данных Scopus). Наконец, отсортированные публикации были изучены и рассмотрены в контексте своего наполнения. В данной статье мы рассмотрим наиболее полно и часто описанные в научной литературе аспекты влияния

технополисов (технопарков) на развитие предпринимательских университетов, а также некоторые теоретические основы данной проблемы.

В результате отбора в базах данных Scopus и eLibrary были выбраны 36 и 76 публикаций соответственно, содержащих исследования, направленные на определение понятия «технополис», описания моделей и предпосылок создания технопарков, их функций и основных факторов влияния, а также различных проблем, связанных с управлением технопарками, показателями оценки их эффективности и т.д. (рассматривались только технополисы, созданные на базе университетов) (рисунок).

Динамика опубликования статей на тему «Технополисы, основанные на базе университетов» в базах данных Scopus и eLibrary, в 2008–2016 гг.

Как показывает рисунок, в отличие от русскоязычных исследователей, интерес зарубежных экспертов к проблеме технопарков за последние два года значительно вырос. В структуре публикаций на английском языке преобладают такие страны, как США, Испания и Китай.

После анализа 112 русско- и англоязычных статей и тезисов научных исследований были выделены основные факторы влияния технополисов на развитие предпринимательских университетов:

1) создание благоприятной для обучения среды – инфраструктуры лабораторий, конференц-залов, исследовательских центров, коворкингов и других пространств для организации учебного процесса во время занятий и после них;

2) привлечение высококвалифицированного преподавательского состава, в том числе и приглашенных лекторов из других регионов страны и зарубежья;

3) повышение качества обучения путем воспитания студенческой инициативы и заинтересованности в практикоориентированной деятельности, проведение научных исследований и разработок. Технополисы создают благоприятную обстановку, позволяющую студентам, аспирантам и преподавателям заниматься научной деятельностью [14];

4) образование «окна в бизнес» для выпускников предпринимательских университетов, снижение уровня безработицы в регионе. Благодаря технополисам происходит удачное и долгосрочное трудоустройство выпускников, что является качественным показателем эффективности любого субъекта высшего образования. Более того, происходит повышение общего уровня квалификации кадров в регионе [9];

5) формирование тесных и эффективных коммуникаций между предпринимательским университетом и бизнесом позволяет достичь высокой практикоориентированности производимых университетами инноваций и снизить разрыв между теорией и практикой предпринимательской деятельности [15];

6) повышение конкурентоспособности университета, продвижение образовательных услуг за счет реализации мощных программ маркетинговых коммуникаций, направленных на привлечение внимания общественности к технополису и продуктам его деятельности [16];

7) привлечение государственных и международных инвестиций в развитие университета и общее повышение доходов на душу населения в регионе, а также рост производительности и инновационной эффективности региона [16];

8) создание собственного производства на базе технополиса, разработка и реализация различных инновационных проектов позволяет сделать предпринимательский университет субъектом создания и распределения общественных благ [10].

Таким образом, создание технополисов положительно влияет на развитие внутренних ресурсов вуза – человеческих, материальных, интеллектуальных, основных фондов и т.д.; на повышение конкурентоспособности, а также на внешние факторы развития предпринимательских университетов.

К началу 2017 г. в России насчитывалось 107 технопарков, включая 21 технополис, находящийся на стадии проектирования или постройки. Государственные субсидии на развитие технополисов в 40 регионах страны только за 2016 г. превысили 4,5 млрд руб. Значительную долю в этой статистике занимают технопарки, базирующиеся на территориях российских университетов [17].

Формирование технополисов на базе образовательных учреждений способствует достижению их практических целей – развитию научно-инновационной деятельности, обеспечению высокого качества образования, а также подготовке и трудоустройству высококвалифицированных кадров, имеющих адекватное представление о практической деятельности.

Литература

1. Погребова Е.С., Танеева Е. Ш. Развитие центров трансфера технологий и бизнес-инкубаторов в высших учебных заведениях России // Сервис в России и за рубежом. – 2009. – № 5 (15). – С. 171–191.
2. Oakey R. British University Science Parks and High Technology Small Firms: A Comment on the Potential for Sustained Industrial Growth // International Small Business Journal. – 1985. – № 4(1). – P. 58–67.
3. Скиба А.Н. Системный эффект взаимодействия государства, рынка и науки в условиях технопарковых структур // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 3. – С. 16–22.
4. Сомина И.В., Левченко Ю.И. Технопарковые структуры как основа инновационного развития России // Экономика. Общество. Человек. Материалы межд. науч.-практ. конф. Белгородский гос. технологический ун-т им. В.Г. Шухова. 2014. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2014. – С. 294–300.
5. Авдулов А.Н., Кулькин А. М. Научные и технологические парки, технополисы и регионы науки. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2005. – 148 с.
6. Ribeiro J., Higuchi A., Bronzo M., Veiga R., & Faria A. D. A Framework for the Strategic Management of Science & Technology Parks. Journal of technology management & innovation. – 2016. – Vol. 11(4). – P. 80–90.

7. *Silich V. & Silich M.* (n.d.). The model of priority directions of science-and-technology park development. Proceedings. The 9th Russian-Korean International Symposium on Science and Technology, 2005.
8. *Неборский Е. В.* Способы осуществления интеграции образования, науки и бизнеса в университетах за рубежом // Известия Волгоградского государственного педагогического университета.– 2011.– № 137–140.– С. 1, 55.
9. *Dhewanto W., Lantu D. C., Herliana S., & Permatasari A.* The obstacles for science technology parks in a developing country// International Journal of Technological Learning, Innovation and Development. – 2016.– № 8(1).– Р. 4.
10. *Ерыгин Ю.В., Зинина О. В.* Формы и методы интеграции вузовской науки в национальную инновационную систему: мировой и российский опыт // Вестник сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М.Ф. Решетнева.– 2012.– № 1 (41).– С. 175–179.
11. *Стулов О.В., Чевычелова Н. Е.* Технопарк как форма научно-технической модернизации экономики // Вестник МГУ. Сер. 6.Экономика.– 2010.– № 3.– С. 100–119.
12. *Тацуно Ш.* Стратегия – технополисы. Гл. 6. Концепция технополиса // Управление мегаполисом.– 2008.– № 8.– С. 142–162.
13. *Котельников Н.В., Нагаева А. В.* Анализ и перспективы развития технопарка как объекта инновационной инфраструктуры // Известия Томского политехнического университета, инжиниринг георесурсов.– 2014.– № 6.– С. 126–133.
14. *Minguillo D., Tijssen R., & Thelwall M.* Do science parks promote research and technology? A scientometric analysis of the UK // Scientometrics. – 2014.– № 102(1). – Р. 701–725.
15. *Ryans J. J., Shanklin W. L., & Rooks J. W.* Employing University-Based Research Parks to Expand High Technology Marketing Objectives// Journal of Marketing for Higher Education.– 1989.– № 2(1).–Р. 99–118.
16. *Molina A. & Romero D.* (University) technology parks toolkit: Knowledge transfer and innovation – The Tecnologico de Monterrey experience. 2013 International Conference on Engineering, Technology and Innovation (ICE) & IEEE International Technology Management Conference.
17. Технопарки и технополисы России // Бизнес-портал «Фабрика Манеймейкеров» URL: <http://moneymakerfactory.ru/spravochnik/tehnoparki-rossii/> (дата обращения: 11.04.2017).

Проблемы внедрения патентной системы для регулирования самозанятости населения в российской экономике

Т.М. ШПИЛИНА, кандидат экономических наук.

E-mail: shpilinatm@rgsu.net

Е.С. ВАСЮТИНА, кандидат экономических наук,

Российский государственный социальный университет, Москва.

E-mail: esvas@mail.ru

В статье рассмотрены проблемы регулирования неформальной занятости на российском рынке труда. Поиск альтернативных вариантов включения групп самозанятых в институциональный контур экономически активного населения приводит к разработке государственных мер, предусматривающих формализацию статуса отдельных профессиональных групп. Одной из законотворческих инициатив в современных условиях является внедрение патентной системы платежей. На основе проведенного анализа выявлены системные противоречия в процессе внедрения и реализации законопроекта о самозанятых.

Ключевые слова: рынок труда, неформальная занятость, самозанятость, патентная система, институциональный контур рынка труда, неформальный сектор рынка труда

Согласно статистической информации, которую приводит Всемирный банк, 50% российской экономики находится в тени, а по данным Минтруда и Росстата, от 12 до 25 млн наших граждан, кроме паспорта, не имеют никакой связи с государством [1,2]. Это граждане, не осуществляющие обязательные ежемесячные отчисления во внебюджетные фонды и в то же время официально не зарегистрированные как безработные, своеобразные «мертвые души», не видимые для экономики страны.

Очевидно, что сложившаяся ситуация идет вразрез с интересами прежде всего регулятора трудовых отношений. Государство не только недополучает налоговые сборы, но и несет затраты на выплату социальных обязательств в отношении данной категории граждан. По данным Общественной палаты РФ, потери бюджетов всех уровней из-за «теневой» экономической занятости населения составляют ежегодно более 1,2 млрд руб. [3]. Эту

ситуацию было решено исправить, а микробизнес – выделить в отдельную категорию самозанятых. В результате в Совете Федерации разработали поправки в Налоговый кодекс, которые определяют правила налогообложения самозанятых граждан с 1 января 2019 г. после окончания «налоговых каникул». На период с 2017 г. по 2018 г. включительно няни, репетиторы и домработницы освобождены от уплаты НДФЛ и социальных взносов, а речь в первую очередь шла именно о них, т.е. о тех самозанятых, которые предоставляют населению базовые услуги.

В качестве решения проблемы и легализации данного вида трудовой деятельности было предложено использование патентной системы, суть которой заключается в оплате самозанятым «фиксированного авансового платежа до начала налогового периода». Причем уже определено, что общая цена патента вне зависимости от региона не будет превышать 20 000 руб. Из них платеж в Пенсионный фонд будет равняться 9 000 руб., в Фонд обязательного медицинского страхования – 1 000 руб. Оставшаяся часть будет направляться на формирование регионального бюджета (это плавающая величина, зависящая от политики, проводимой местными органами власти и не превышающая 10 000 руб.). Платеж будет разовый, а средства разделит и перечислит казначейство. На текущий момент эту законодательную инициативу в закрытом режиме планируется обсудить в Совете Федерации с профильными ведомствами – Минтрудом, Минфином и Минэкономразвития, чтобы направить согласованную версию законопроекта в правительство.

На первый взгляд все преимущества данного законопроекта очевидны. Для самозанятых – это, прежде всего, возможность легализовать бизнес на более льготных условиях: самозанятый платит минимум налогов, делая отчисления только «себе на пенсию» и «на лечение»; применение административной ответственности предлагается осуществлять наравне с физическим лицом, при этом исключаются контрольные и надзорные мероприятия, отсутствует обязанность предоставлять отчетность. Кроме того, появляется возможность совмещать бизнес и работу по найму по трудовому договору. Получение юридического статуса, близкого к ИП, дает право распространять рекламу, заключать договоры, отстаивать свои интересы

в суде, то есть полноценно включает таких субъектов не только в общественное производство, но и формальный институциональный контур.

Положительный экономический эффект будет и у государства. Во-первых, даже по наиболее пессимистичным прогнозам, реализация данной программы, по оценкам экспертов, позволит вывести из тени более 11 млн нелегально работающих граждан, что составляет нижний предел от реальной численности населения России, работающего в неформальном секторе экономики. Их легализация обеспечит приток средств в ФОМС и Пенсионный фонд России, а также позволит сократить разрыв между общим и регистрируемым уровнями безработицы в стране. Во-вторых, снижается нагрузка на государственный бюджет в расходной части, поскольку законопроект снизит число официально зарегистрированных безработных граждан. В-третьих, все эти мероприятия будут способствовать созданию своеобразного «инкубатора» для малого бизнеса.

Однако при всех очевидных выгодах имеется ряд существенных пробелов, которые законодательная инициатива не учитывает.

1. Дефинициальная составляющая.

Создание формального института «самозанятости» приводит к сокращению потенциальной налоговой базы через отсечение субъектов, которые остались за рамками правового института, по-прежнему в неформальном секторе. То есть закон, по сути, раздробил теньвую занятость на отдельные подгруппы, включив в общественное производство только определенную часть субъектов и, по предварительным оценкам, далеко не большую.

Министерство юстиции четко сформулировало юридическое определение понятия «самозанятый», что раньше вызывало споры среди экспертов. Самозанятый – это «физическое лицо, самостоятельно осуществляющее на свой риск основанную на личном трудовом участии деятельность по оказанию услуг, выполнению работ для физических лиц, направленную на систематическое получение прибыли» [4]. Он не может быть зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя и иметь наемных работников.

Таким образом, данное определение существенно сокращает перечень видов деятельности, которые относятся к samozанятым. Это лишь те физические лица, которые оказывают услуги и выполняют работы только для физических лиц. А это незначительная часть всех занятых в неформальном секторе экономики. Без внимания остались такие группы, как:

- занятые в розничной торговле (в том числе в сфере натурального хозяйства с целью жизнеобеспечения и получения денежного дохода на рынке);
- лица, оказывающие услуги или выполняющие работы для юридических лиц (дистрибьюторы в сфере сетевого маркетинга, страховые агенты, риелторы, фрилансеры и пр.);

Однако именно данные категории занятых граждан в большей степени нуждаются в том, чтобы быть включенными в состав экономически активного населения и могут принести существенный приток денежных средств государству.

II. Самозанятость как адаптационный механизм рынка труда в условиях кризиса.

Используя патентную систему как «рамочный» инструмент для решения вопроса легализации samozанятых во всех регионах страны, законодатели не учитывают причины возникновения данного явления в различных регионах России и в различные фазы развития экономики в целом. На сегодняшний момент рынок труда оказывается под односторонним воздействием как внешних, так и внутренних негативных шоков, общий вектор которых – снижение уровня и качества жизни населения.

Стагнация российской экономики, замораживание зарплат, сокращение штатов толкают людей к вынужденной samozанятости, выступающей в роли адаптационного механизма [5].

Если рассматривать samozанятость с данной позиции, то ее надо развивать, поскольку она позволяет создавать рабочие места, снижая уровень безработицы, а, следовательно, и уровень социальной напряженности в стране. *С этой целью любую законную, но незарегистрированную деятельность можно считать samozанятостью, если физическое лицо относит себя к данной категории.*

Для обеспечения развития подобной трудовой деятельности государство может дополнительно установить твердую низкую процентную ставку по кредиту, а также беззалоговую сумму

кредита, ввести запрет аккредитованным банкам отказывать в выдаче кредитов, если у самозанятого нет банковских долгов и порочной кредитной истории, ликвидировать административные барьеры при подключении к коммуникациям, аренде, приобретении земли и пр.

III. Объективная трансформация рынка труда.

В настоящее время мы находимся в активной фазе модификации, трансформации рынка труда. Объективные процессы изменения присущи не только российской экономике, они наблюдаются повсеместно: информатизация общества; появление новых технологий и видов деятельности, востребованных на рынке, но не предполагающих длительных отношений; формы занятости без служебной бюрократии с гибким графиком работы, позволяющие рационально использовать личное время, – для многих граждан данные факторы во многом перевешивают денежную мотивацию и другие преимущества формального найма.

Поэтому задача формализации отношений с государством таких работников через законодательную инициативу и включения их в общественное производство – это максимальный учет факторов для наиболее полного охвата групп и категорий самозанятых. Закон должен не купировать закладываемый тренд развития рынка труда, а быть логичным его продолжением и развитием.

IV. Экономическая эффективность реализации законопроекта.

Любая законотворческая инициатива представляет собой поток государственных расходов, связанных с:

- разработкой и принятием закона;
- внедрением закона, в том числе и по регионам, с выработкой оптимальной структуры распределения суммы патента;
- администрированием сбора и распределения платежей;
- формированием и содержанием структур/подразделений по оформлению и выдаче патентов;
- мониторингом за исполнением и контролем.

Общие расходы по реализации этих пунктов представляют собой существенный размер затрат, оценить который еще предстоит. Причем часть из них будут осуществляться на постоянной основе.

Требуется расчет потенциальной эффективности данного законопроекта, т.е. реализация условия, при котором размер расходов администрирования с учетом временного лага будет меньше доходов от реализации инициативы, хотя бы в рамках среднесрочной перспективы. Однако фискальная эффективность налога в конкретный момент времени количественно может быть оценена через коэффициент эффективности введения налога, который показывает, какой объем фискальных поступлений государство получает с единицы израсходованных денежных ресурсов. В подавляющем большинстве случаев считается нормой фискальная эффективность налогового сбора при значении коэффициента 0,6–0,8 [6]. Как показывают предварительные оценки, внедрение патентной системы на такой уровень фискальной эффективности не выходит, значение коэффициента не превышает 0,5 даже при реализации самого оптимистичного сценария «обеления» самозанятых.

Поскольку значение коэффициента эффективности внедрения налогового сбора корректируется под воздействием изменения числителя или знаменателя, то для доведения показателя до приемлемых значений, когда внедрение налога экономически целесообразно, необходимо либо увеличить объем фискальных поступлений, либо сократить расходы на администрирование подобного сбора. Для реализации первого условия необходимо охватить большее количество потенциальных субъектов, подпадающих под определение категории «самозанятый». Однако это в свою очередь требует внесения изменений в уже официально принятую Минюстом дефиницию «самозанятый».

Добиться же повышения фискальной эффективности через оптимизацию администрирования сборов можно по нескольким направлениям: во-первых, если изначально делать акцент не на создание новых подразделений и служб, занимающихся оформлением и выдачей патентов, а открыть их на базе существующих государственных структур, расширив функционал последних. Во-вторых, если изначально предусмотреть механизмы, позволяющие в перспективе переложить часть расходов государства на третьих лиц, например, делегировав полномочия коммерческим структурам, выдавать патенты и контролировать процесс включения самозанятых в контур формального рынка труда.

V. Гендерная асимметрия.

Виды трудовой деятельности, подпадающие под категорию «самозанятые», преимущественно имеют «женское лицо»: домохозяйки, репетиторы, няни, лица, оказывающие бытовые услуги (пошив и ремонт одежды), предоставляющие косметические услуги и прочее.

Зачастую эти женщины являются матерями-одиночками, находятся в вынужденном отпуске по уходу за детьми, ищут дополнительные источники дохода. Величина государственных пособий не позволяет прокормить мать и ребенка, в связи с чем самозанятость в данной ситуации выступает для женщин панацеей. Поэтому задача государства – не в отлавливании этих людей, а в создании благоприятных социально-экономических и институциональных условий для увеличения числа рабочих мест в формальном секторе и вовлечения в него женщин, имеющих детей.

VI. «Белые пятна» законопроекта.

Не учитывает законопроект и много других особенностей, присущих категории «самозанятый». Например, он абсолютно абстрагируется от такой характеристики, как сезонность. Сезонный характер труда некоторых видов деятельности (например, репетиторы) предполагает получение заработка в ограниченный период времени, а патент нужно оплачивать сразу за год. Таким образом, создаются условия, при которых транзакционные издержки уклонения от получения официального статуса по-прежнему остаются меньше расходов, дающих легитимное положение, а, следовательно, включение работника в формальный рынок труда не произойдет.

Есть проблема и относительно тех граждан, подпадающих под категорию самозанятых, которые одновременно выполняют несколько видов работ. В связи с чем возникает вполне закономерный вопрос: сколько патентов нужно покупать – один или под каждый вид деятельности?

Нет упоминания и про возможную временную нетрудоспособность самозанятого, а патент нужно оплатить авансом до получения реального трудового дохода.

Подводя итог, можно отметить, что на текущий момент данная законодательная инициатива является очень «сырой». Предложенное Минюстом определение заметно сужает численность

самозанятых для их возможной легализации. Некоторые виды деятельности вообще не подпадут под формализацию. По различным экспертным оценкам, в тени находятся 15–20 млн человек, но при таких условиях, на которых разрабатывается законопроект, большинство так и останутся вне правового поля, и затраты государства, направленные на разработку и реализацию предложенного законопроекта, в разы превысят выгоды, которые планируется получить от легализации трудовой деятельности данных профессиональных групп.

Литература

1. Russia Economic Report.– 2017.– 1 May.– № 37 [Эл. ресурс] URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/383241495487103815/RER-37-Eng.pdf> (дата обращения: 22.05.2017).
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/
3. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 г. Общественная Палата РФ [Эл. ресурс].– М., Общественная палата Российской Федерации, 2016.– 258 с. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2017dok/Doklad_OPRF_2016_11012017.pdf (дата обращения: 22.05.2017).
4. Самозанятых подвели под статью. Газета Коммерсантъ [Эл. ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3235906> (дата обращения: 22.05.2017).
5. *Shpilina T.M., Kryukova E.M., Vasyutina E.S., Solodukha P.V., Shcheglova O.G.* Informal employment in SCO countries: realities and prospects //European Research Studies Journal.– 2017.– Т. 20.– № 2В.– С. 429–438.
6. *Скрипник А. В., Проскура Е. П.* Целевая функция администрирования налогов / Скрипник А. В., Проскура Е. П. //Науковий вісник Національного університету державної податкової служби України (економіка, право).– 2013.– № 1(60).– С. 156–165.

Не поддаваться на обман и научиться сдаваться

В.Ю. ЗАВЬЯЛОВ, доктор медицинских наук,
Новосибирский институт клинической психологии

Ключевые слова: общество, аддикция, обман, рынок, потребительское поведение, мотивация, здоровье

– *Владимир Юрьевич, каковы, по-Вашему, сегодня социальные недуги нашего общества? С какими проблемами чаще всего приходится к Вам пациенты?*

– Начну с примера. Ко мне обратилась молодая банковская служащая за помощью, потому что не могла больше терпеть обмана, которому подвергают банки своих клиентов, сознательно отправляя последних в долговую яму. Таким образом делая деньги из воздуха. Профессор В.Ю. Катасонов в своей статье «Россия сползает в черную банковскую бездну» говорит о 73 тыс. вкладчиков, пострадавших от банковских афер. Инструмент выдавливания денег из клиента отработан до совершенства, чтобы завуалировать все долговые нюансы, чтобы клиент не просто отдал долг, а многократно превышающую его сумму и чтобы не нашел подвоха в договоре. Царящий обман и продолжающийся хаос – одна из причин социального неблагополучия нашего общества [1]. Моя клиентка в результате ушла с этой работы.

– *Наверное, проблема еще и в финансовой безграмотности населения?*

– Нет. Есть такая наука – поведенческая экономика, так вот ее апологет – психолог Дэниел Канеман (получивший в 2002 г. за это исследование Нобелевскую премию) – считает, что на самом деле поведение людей основывается лишь на человеческих потребностях [2], и действует человек на рынке совершенно иррационально, что идет вразрез с существовавшей ранее теорией рационального поведения «экономического человека», который все знает, все бесстрастно взвешивает и делает осознанный выбор. Основа нашего экономического выбора – так называемые эвристики – способы быстрого решения задач без соответствующей проверки и высчитывания. Таких способов ошибочного решения насчитывается более 100! Так вот, чтобы обезопасить свою психику среди царящего

обмана и хаоса, полезно позаимствовать опыт больных шизофренией: выработать охраняющие психику блокаторы. Выработке таких механизмов, в которых задействованы элементы творческого мышления и восприятия мира, нужно учиться и здоровому человеку – способности создать вокруг себя вымышленный мир.

– *Так больной же неосознанно его создает.*

– Вынужденно, так как в детстве он попадал в сложную для себя ситуацию запутанности, когда вокруг него было много противоречий. Как правило, в этом виноваты родители (одна из гипотез появления болезни).

Я пытался корректировать поведение таких больных, однако смысловое воздействие на них невозможно. В нашей социальной среде сегодня также много смыслового противоречия, вот и приходится подражать шизофренику, создавать вокруг себя безопасный мир, чтобы остаться здоровым. Поэтому брак, семья человеку жизненно необходимы для выживания, пока царит атмосфера хаоса. А в русском менталитете царство правды – это цель, русскому просто необходимо всемирное счастье, по Павлу Флоренскому¹, на меньшее он не согласен. Разобраться же, где правда, а где ложь, сегодня очень трудно.

– *Может быть, распространенный алкоголизм русских – это тоже попытка отгородиться от реальности?*

– Я не считаю эту болезнь уходом от реальности. Алкоголик, в отличие от шизофреника, реалист, с помощью алкоголя он включает избыток ума, гасит повышенную активность, особенно у мужчин. Алкоголь включается в примирение с реальностью и несправедливостью. Как психотерапевт могу отметить, что когда на уровне государства была организована антиалкогольная кампания, резко возросло число неврозов у людей и обращений к специалистам по этому поводу. Конечно, в этом играет большую роль особенность русского менталитета – мы несгибаемые, категоричные, привыкли идти напролом, не хотим учиться быть гибкими, договариваться, отсюда наши беды. Вот и прибегаем к этому яду, чтобы гасить импульсы сопротивления, а получаем удар по печени и т.д. Уметь сдаваться – главный фактор духовного исцеления, но для мужчин бывает победить – важнее, чем выжить.

¹ Флоренский П. А. (1882–1937) – русский православный священник, религиозный философ, ученый, поэт.

– Ну да, ведь компромисс для нас неприемлем, в случае несогласия хлопаем дверью и уходим. Культурологи приписывают эту особенность нашей ментальности и нашим необъятным просторам. Не понравилось – до свиданья! – Россия-матушка большая!

Все зависит еще от того, чем занят ум до момента, после которого человек начал пить. Если есть идея, сложная задача у человека, то это останавливает его от пьянства. У меня были такие пациенты, которые обращались за помощью в 1980–1990-е, находились в депрессии, но в рыночной экономике они успешно начали свое дело, и занятость спасла их. (Здесь важно одно пристрастие заменить другим: отрицательное – положительным.) У одного из них теперь два вертолета, он много путешествует, помимо этого весь его дом завален книгами о мудрости: учение Лао-Цзы и др. (Мы не берем в рассмотрение пьянство в сельской местности, где социальные условия не позволяют человеку выбраться из нищенской среды.)

Зависимость любит замещение, но все обусловлено индивидуальностью человека. Конечно, кто-то замещает алкоголизм наркоманией, но это замещение отрицательного отрицательным. Очень многие сегодня занимаются искусством восточных единоборств. Приведу в пример одного бывшего алкоголика, который 20 лет назад создал такую и школу и очень многих увлек этим, в том числе и меня. Сначала мы занимались айкидо, сейчас – джо-до (не зря дословно переводится как «Мягкий путь»). Эти занятия предполагают постоянное совершенствование характера, упорную работу над собой. Сенсей только через 15 лет допустил нас к истокам мудрости искусства, а экзамен мы сдавали самим японцам.

Замечено, что двигательные сложные задачи уменьшают действие алкоголя, даже сводят его на нет, алкоголь в таких случаях быстрее утилизируется, не так разрушителен для организма. Такие люди могут пить много лет и не становиться алкоголиками, однако если они оказываются в ситуации вынужденного бездействия, например, получают травму, они быстро спиваются – за полгода-год.

А вот люди состоявшиеся, с капиталом, уже берегут себя, хотят пожить подольше, считают, что алкоголь – один из факторов риска для жизни. Это уже новый тренд времени. (Я не беру

во внимание особ, облеченных властью, это не мои клиенты, они любят экстрасенсов.) С 2009 г. уровень потребления алкоголя населением снизился почти вдвое. Мужчины теперь живут на семь лет дольше. Я считаю, что новая алкогольная фискальная политика дала свои плоды. Во-первых, акцизы (высокая цена на алкоголь), идет полный контроль за каждой бутылкой. Во-вторых, ужесточившийся контроль за покупкой алкоголя несовершеннолетними. В-третьих, ограничения во времени продажи. Страсти обычно накаляются к вечеру, когда выясняется, что мало выпито. К тому же в праздничные дни – запрет на продажу. Это действует и формирует тип покупки.

Алкоголь – это не только средство, которое меняет сознание, это прежде всего рыночный продукт, причем с очень высокой ликвидностью и прибыльностью. А все эти введенные меры дисциплинируют потребительское поведение. Я всегда считал, что алкоголизм – это форма потребительского поведения. Меня ругали за это, упрекали, что я отклоняюсь от постулатов наркологии, по которым алкоголики – это больные люди, которых нужно лечить, и т.д.

По закону Парето 80% покупателей алкоголя потребляют 20% его, а 20% людей потребляют 80% алкоголя. Это чисто рыночный механизм. А в наркомании еще больше рыночных механизмов задействовано. Поэтому я говорю: не покупайте, не участвуйте в этом рынке. Для кого-то одного этого аргумента хватает, чтобы задуматься: да, действительно, почему я должен обязательно покупать это к празднику, допустим?

– *Виноваты наши традиции?*

– Не только. Маркетинговая политика магазина выстроена так, что ты к нужному товару должен обязательно пройти через стойку с алкоголем. Тем, у кого уже выработана зависимость, трудно противостоять этому маркетинговому ходу. Соблазнить разнообразием – это и есть рыночная уловка. Это маневр навязывания товара, как будто бы у тебя есть свобода выбора – ты можешь выбрать товар подороже или подешевле. Я много раз наблюдал «зависающих» в этом водочном ряду, рассматривающих с любопытством. Все начинается с любопытства.

В этом смысле мне понравилась акция с табаком – пропала реклама табака, и пачки сигарет спрятаны от глаз. А у нас реклама безалкогольного пива соблазняет так же, как и алкогольного.

А оно мало отличается от алкогольного, тем более что там еще и эффект плацебо действует. Были проведены подтверждающие этот факт исследования на подростках. Те, кто хотел выпить, пьянели даже от безалкогольного пива. Так что это поведенческое опьянение. Срабатывает одна из функций социального поведения для них – взрослым людям положено напиваться в праздники.

Хочу отметить, что с приходом рыночных отношений и развитием индивидуализма в нашем обществе становится уже привычным, скажем, не звать в гости, а встретиться где-то в кафе или ресторане. На Западе это уже давно принято. Сколько раз, бывая за рубежом, я отмечал, что наши встречи с друзьями, как правило, проходили в кафе.

Меняется и дисциплинарная политика по отношению к употреблению спиртного на рабочем месте. Знаю несколько крупных медицинских учреждений, где введена строжайшая дисциплина и контроль и людей увольняют без предупреждения за потребление алкоголя на рабочем месте, а все банкеты выносятся строго за пределы ононого.

Сегодня люди все больше уделяют внимания не только своему здоровью, но и культуре тела. Снова введена для желающих сдача норм ГТО. И это замечательно, когда-то я имел значок отличника норм ГТО и сейчас тоже собираюсь сдать их, и таких желающих немало среди людей моего возраста.

– *Считаете ли Вы трудоголизм большой проблемой сегодняшнего дня?*

– Увлеченность работой в наши дни неактуальна. Есть вынужденный трудоголизм, когда люди стараются заработать (чтобы выплатить ипотечный кредит, например).

Высокая конкуренция, которая вынуждает людей много работать, это эксплуатация, процветающая сейчас на рынке труда. Трудоголизм же в чистом виде – это желание человека работать много, чтобы уйти от решения других своих проблем, например, взаимоотношений в семье. Сегодня мужчина и женщина с трудом удерживают друг друга. Страсть уходит, и оказывается, что людей больше ничего не связывает, люди теряют интерес друг к другу [3]. В таких случаях работа спасает.

Есть еще одна большая проблема, над которой начали задумываться люди: как быть совершенным в несовершенном мире?

Для этого необходимо просто научиться прощать себе и другим несовершенство.

– *Еще лет сто назад такой перфекционист считался человеком нездоровым (а сегодня многие работодатели предъявляют к работникам завышенные требования). Как прийти к такому прощению себя и других?*

– Все идет от веры (повсеместная увлеченность буддизмом в наши дни не случайна). Нужно создать для себя концепцию мира. А для этого обратиться к философии.

Философия – это самый острый взгляд на мироустройство. Не конкретный, предметный, а по основополагающим точкам. А толчком для этого должно стать стремление к самопознанию. Нужно научиться размышлять, чтобы размышление приносило удовольствие, к сожалению, нас отучили от этого. А это должно начинаться еще в школе.

С журналистом Амиром Нагумановым мы записали цикл из 80 бесед по теме «Семейный совет» – философия для детей. Ведь дети становятся восприимчивы к общим вопросам с 3–4 лет – стадия «Почему?». Это начало для философского образования. В этом возрасте им надо задавать вопросы, загадочно отвечать, провоцировать рассуждение и поиск догадки о причинно-следственных связях. На смысловые сложности у них загораются глаза, с ними нужно беседовать.

В нашем Институте дианализа для родителей есть «Клуб здравого смысла», где родителям рассказывают, как это делать. А у нас ведь чаще всего сунут малышу планшет – сиди, не мешай родителям. Сплошной цифровой мир!

– *Почему люди так легко повелись на это?*

– Еще философ Кьеркегор говорил: нельзя человеку облегчать жизнь. Триста лет назад люди уже задумывались над этим: комфортное существование делает человека сначала беспомощным, а потом несчастным. Мы маленькому человеку с малолетства облегчаем жизнь. А вот для подросткового возраста важно самоутверждаться. Гаджеты, конечно же, отвлекают подростка игрой (виртуальное насилие отвлекает от реальной действительности), а надо бы больше спортом заниматься, энергию высвобождать. Появляется все больше людей, которые уходят на войну. Это тоже – желание самореализации (а базу под это можно подвести какую угодно).

Грустно наблюдать, что у нынешней молодежи низкий уровень запросов. Компьютер есть, и больше ничего не надо. Нет мотивации ни к чему, цели нет. Школа отказалась от воспитания. Нет культивирования труда – вот и пожинаем плоды нового поколения. Неврозы зачастую произрастают именно отсюда – от отсутствия стимулов к действию.

Сегодня появилась новая теория мотивации (подкрепления или вознаграждения за труд). Существуют два типа вознаграждения: внешнее, когда получаешь деньги, и внутренняя оценка своего труда (удовлетворение от сделанного). Так вот, внешнее вознаграждение считается неистинным. Потому что человек так устроен. В какие ножницы попадает он порой? Поставил чиновник подпись – а ему за это платят многие тысячи, вор ограбил сейф, а счастья как не было, так и нет. Большие деньги не делают человека счастливым. Исследования говорят о том, что у человека должна быть внутренняя мотивация, что он сделал что-то правильно и за это должен получить вознаграждение. Трудно совместить эти две оценки – внутреннюю и внешнюю. Если она совпадает, тогда возникает гармония.

Еще 20 лет назад я отказался как врач выписывать лекарства для «успокоения нервов». При неврозах (так называемые функциональные расстройства нервной системы) сами нервы в полном порядке. Не в порядке организация и смысл собственного поведения. Высшее достижение человека – самому справиться с невротическим состоянием. Хотите лекарство – идите к психиатру. Все лекарства подавляют активность, даже в тяжелые моменты не стоит принимать транквилизаторы, потому что появляется лекарственная зависимость – это тоже аддикция². А наша реклама усердно навязывает лекарства. В одной из первых компьютерных игр был такой сюжет – ты ранен «басурманином», но если ты найдешь бутылочку с красной жидкостью – выпей – и ты здоров!

Вот вам и задан алгоритм аддиктивного поведения. Думаю, что не одного алкоголика воспитала эта игра. Налицо скрытая реклама – мотив преобразования немощного в сверхсильного.

² Аддикция (англ. – зависимость, пагубная привычка, привыкание), в широком смысле, ощущаемая человеком навязчивая потребность в определенной деятельности, – лекарственная зависимость, наркомания, интернет-зависимость, фанатизм и т.д.

– В своей книге Вы рассказываете еще об одном таком примере аддиктивного поведения в рекламе чая «Липтон» – в неистовом восторге от выпитого чая люди начинают раскрашивать друг друга [4]. Один в один модель наркотического поведения – перевозбуждение от употребления. А какой, по-Вашему, должна быть реклама, формирующая правильное потребительское поведение?

– Необходимы законы, ограничивающие участие в рекламе лиц, которым люди доверяют – священнослужители, врачи, дети.

Когда человек видит в рекламе ребенка, у него включается рефлекс заботы, эмпатии. Включается интуиция родителя. Мы, как родители, должны догадаться, что ребенку жизненно необходимо. Доказано, что материнство развивает интуицию и особую впечатлительность. Детей нельзя показывать в рекламе. Надо выработать табу на показ ребенка в рекламе.

Мне нравится реклама МТС с Дмитрием Нагиевым – она иронична и ненавязчива. Он показывает такую модель поведения, в которой ты как потребитель должен относиться ко всему не слишком серьезно. Или реклама с девочкой, пьющей сок «Добрый»: «А ты выпей и отойди!». Реклама с хорошими артистами, поданная с иронией – лучшая реклама, так как человеку дается информация о продукте, но в шуточной форме: ты можешь пить, а можешь выплюнуть, никто не навязывает. Потому что рекламе с преувеличенными свойствами продукта уже давно никто не верит. И, конечно, реклама лекарств должна быть под запретом. Но лекарственное лобби в правительстве настолько мощное, что такие законопроекты постоянно откладываются.

– В 2013-м мы с Вами говорили о патернализме в стране. С течением времени ничего не изменилось. Мы не научились влиять на власть, по-прежнему ждем решений сверху. Как Вы думаете, что может изменить эту ситуацию?

– В поведенческой экономике появилось новое направление, которое рассматривает симбиоз патернализма и либерализма. В книге Ричарда Талера и Кэсса Стейна «Толчок к правильному выбору» выведен образ главной идеи: большой слон хоботом подталкивает маленького слоненка, т.е. не решать все за людей (отойти от патернализма), но и не бросать их в свободное плавание (тогда их будут продолжать обманывать). Нужно следить за тем, чтобы люди научились делать

правильный выбор, строить архитектуру выбора – правильно писать финансовые договоры, перестать писать мелким шрифтом документы и состав продукта на этикетке и т.д. Создание таких условий с помощью того же Роспотребнадзора позволит человеку сохранить физическое и душевное здоровье. У нас в государстве существует либерализм, но для избранных, для тех же банков, например... Ведь из истории известно, что когда банки поднимали ростовщический процент выше шести (а у нас у микроорганизаций – 600% годовых и выше), начинались войны между государствами. Однако пока очень богатые люди многое решают за нас.

Поэтому как врач могу сказать, что человека не лечить надо, а помогать ему создавать такую архитектуру выбора, которая способна обеспечивать выбор с долговременной положительной перспективой. Ведь лечатся только органические повреждения организма. Здоровье человека зависит от того, как он конструирует свое будущее. Если человек думает о катастрофе, то его организм и будет готовиться к катастрофе. Если человек думает об успехе и процветании, то его организм и его способность точно планировать и ответственно исполнять собственные планы будут готовы к процветанию и здоровью. Таковы мои пожелания читателям.

Литература

1. *Завьялов В. Ю.* О лидерах, о времени и об Иване-дураке// ЭКО.– 2013.– № 1.– С. 139–150
2. *Воронов Ю. П.* Нобелевская премия за рынок с человеческим лицом// ЭКО.– 2003.– № 1.– С. 23–36.
3. *Завьялов В. Ю.* Брачный ринг. От борьбы к гармонии.– М.: Беловодье, 2013.
4. *Завьялов В. Ю.* Необъявленная психотерапия.– М.: Академический проект, 2001.

Беседовала кор. «ЭКО» **Н.В. Молина**

Popkov Yu.V., Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk State Technical University, Tyugashev E.A., Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk

The Phenomenon of the City as an Interethnic Community

The paper defines the regularities of socio-cultural dynamics of the urban ethnic community that are formed under the influence of migration processes and state migration policy on the ethnic composition of the urban population and the position of certain ethnic groups. It shows the dual role of ethnic enclaves in the development of the urban community, as well as “brokers of ethnicity” (ethno-cultural mediators) in solving the problems of ethnic groups. It also examines the potential of self-organization and consolidation of urban communities in solving the problem of migrant adaptation. The paper emphasizes the importance of self-representation of the urban community, especially its basic ethno-cultural part for harmonization of interethnic relations.

City; interethnic community; interethnic relations; migration processes; migrants; ethnic groups; integration; adaptation; nationalities policy

Skalaban I.A., Novosibirsk State Technical University

«Old» and «New» Diasporal Communities in Modern Russian City

The article explores the specifics of how ethnic communities of Middle Asia and Caucasus function and integrate in urban environments. Based on previously defined characteristics of diaspora as community and diasporality as a process of diaspora formation, the possibility of their identification as diasporal communities and distinction of “new” and “old” ones is proved. Author believes that city as a living space is assimilated to a different degree by “old” and “new” diasporal communities. If for “old” diasporal groups the factor of relationships and integration in urban community, political and economic elites is most important, then “new” diasporal groups strive toward integration in urban space. This allows to theorize existence of certain sequence of adaptational and integrational processes in social-territorial area.

Diaspora; diasporal community; migrants; city; urban area; interethnic community

Madyukova S.A., Persidskaya O.A., Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk

The Enclave Formation Process as a Strategy of Interethnic Interactions in a Large City (on the Example of Novosibirsk)

The relations of migrants and the host community of a large city are examined on the example of Novosibirsk and are illustrated by the materials of an expert survey conducted with the participation of the authors. The enclave formation process is considered as a special strategy of the adaptation of migrants, consisting in their social and territorial exclusion from the urban environment and their following self-organization in enclaves. The dual nature of the formation of an ethnic enclave is analyzed – the enclave is formed both by forcibly exclusion by the dominant community, and voluntarily as a strategy of adaptation of the migrants themselves along the path of least resistance. The conclusion is made that the enclave can be considered as a transitional stage of adaptation and integration, as it allows other ethnic migrants to locally reproduce in the new territory the ethno-cultural system and the social structure of the country of origin. Based on the analysis of empirical materials, it was concluded that there is no integration of the social system of the enclave with the city's network.

Host community; foreign ethnic migrants; ethnic enclave; city; adaptation; interethnic interactions

Ushakov D.V., Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk

Dynamics of Interethnic Attitudes as an Indicator of Integration of Ethnic Communities (on Materials of Researches Youth in the City of Novosibirsk)

The dynamics of interethnic attitudes of youth in Novosibirsk on materials of sociological research in 2005, 2011 and 2015 Shown its dependence on the development of the ethnic structure of the population, political environment and socio-economic status of the ethnic community. It is concluded that the positive dynamics of plants is an important indicator of integration of ethnic communities in the city. Formulated priorities of the authorities, educational institutions, national-cultural organizations in the harmonization of interethnic relations at the municipal level.

City; ethnic community; migration; integration; interethnic installations; speaker installations; youth

Rakhmanov A.B., *Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology, Moscow*

Capitalist Classes of the Leading Countries of the World: a Comparative Analysis

The transnational capitalist class is the key player and beneficiary of the emerging global society. Capitalist classes of different countries act as its national factions. Having analyzed the empirical material, the author identifies the main features of capitalist classes in 23 world's leading countries. He considers such aspects as population, total national wealth, gender composition, spatial location, global mobility, industry specialization, level of oligarchy domination, etc. The author concludes that the strong points of the business elite in Russia are its wealth, youth and talent. The weaknesses are its small number and weak roots in the society, excessive masculinity, hyper-concentration in Moscow, financial and raw material orientation and the high level of oligarchy domination.

Global capitalism; transnational capitalist class; billionaires; millionaires; metropolis; global mobility; industry specialization; oligarchy; self-made man; talent; Russia

Zhukov S.V., Zolina S.A., *Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow*

Financial Market as a Driver of US Oil Production Growth

The recent nine years have been marked for US tight oil production sector by several boom and bust oil price cycles. The steep ascent in the price of oil from 2008 to 2014 was followed by their sharp and considerable decrease between June 2014 and February 2016 and then by their slow recovery. The aim of the article is to prove that oil and gas companies in the US, particularly in the unconventional hydrocarbons sector, were substantially supported by financial markets under high as well as low oil price environment.

Shale revolution; US; tight oil; financial markets; hedging; credit; debt

Balabin A.A., *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk*

On Institutional Problems of Applying Financial Technologies in Russia

Fundamental reasons that prevent the use of progressive financial technologies in the practice of Russian mining companies are discussed. For example, the reserve-based lending technology is not used in connection with the proclaimed monopoly of the state on the subsoil. The possibilities of using derivative financial instruments to hedge risk are limited by imperfect legislation and the judicial system. It is necessary to coordinate specific changes in public institutions and the introduction of progressive financial technologies based on the need to achieve the goals of economic development.

Financial technology; risk-hedging; mining companies; reserve-based lending; financial derivatives; Sberbank; Transneft

Korchak E.A., *Luzin Institute for Economic Studies of Kola Science Centre of RAS, Apatity*

The State Policy in the Field of Living Standard in the Russian North and the Arctic

The results of the study of institutional conditions for ensuring social stability in the regions of the North and the Arctic are given in the article. The institutional conditions of regulating social and labor relations which threaten the social stability of the territorial development of the regions of the North and the Arctic of the Russia are defined. The problems priorities of the state policy of Russia in the sphere of living standards of the population of the regions of the North and the Arctic are substantiated.

North; Arctic; standard of living; social stability; labor market; poverty

Ulanov V.L., *National Research University Higher School of Economics, Kovaleva A.I., Rosrezerv Research Institute of Storage Problems, Moscow*

Influence the Capacity of the State Material Reserve on the National Economy

State material reserve is to ensure mobilization of the country's needs, urgent works in emergencies, humanitarian assistance as well as support for industries, organizations, entities of the Russian Federation in case of temporary disturbances in the supply of important raw materials, energy resources and food.

The Russian State reserve system has amassed huge wealth in modern conditions can become an essential tool of influence of the State on the development of the national economy.

A mechanism for the formation and use of reserves for example crude oil, food and grains

is outlined. Examples of using strategic reserves to stabilize different markets - regional, sectoral, national, global - are analyzed. Fundamental instrument for regulating the market in Russia - trade intervention – is demonstrated.

Regulation; material reserves; mobilization; openness of information; intervention; trade receipts

Donetskaya S.S., Novosibirsk National Research University, Novosibirsk

The Reform did not Change Anything: Contemporary Results of Reforming the Russian System of Awarding Academic Degrees

The reform of the Russian system of scientific degrees awarding started in 2013. It was assuming decrease number of dissertation councils and reduction of weak theses as well as fraud cases with diplomas. Five years have passed. What did change for this time? Author had discussed the answer and presented the formal and informal results of the reform.

Dissertation council; expert council; scientific qualification; corruption

Zhuravel N.M., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk National Research University, Novosibirsk

Ecology and Raw Materials: Coexistence in Siberian Technologies is Effective!

In this article, the ecological and economic efficiency of Siberian technologies is assessed using the example of the achievements of scientists of the SB RAS in the complex processing of lithium raw materials. It is proved the need for urgent changes in the calculation of efficiency in investment planning to account for the environmental and economic damage prevented by the best available technologies. Such for all approved criteria are sorption enrichment technologies and other technologies given in the article. Substantial positive effect of ecological effects on the economic efficiency of fundamentally new Siberian technologies in the complex processing of polycomponent lithium brines of the Siberian Platform is substantiated. The reasons retarding these technologies are estimated. Administrative and legal measures are proposed to accelerate the implementation of the best available technologies in industrial production.

Complexity; Siberian science; best available technology; ecological and economic efficiency; damage

Khegai E.V., Babak L.N., Mesropian M.A., Panova V.A., Far Eastern Federal University, School of Economics and Management, Management Department, Vladivostok

The Influence of Technopolis on the Development of Entrepreneurial Universities

The purpose of this work was to study the main directions of the influence of technopolis (technology park) on the development of entrepreneurial universities, as well as to bring a general characteristic of the development of technology parks based on entrepreneurial universities in Russia. The aim of the study was achieved by analyzing the expert conclusions of the researchers of this problem. To conduct the content analysis, the search engines of the Scopus scientific database and eLibrary electronic scientific library were used.

Technoparks; technopolises; universities; integration; education; entrepreneurship; business; research activity; innovation; introduction of innovations; innovation activity

Shpilina T.M., Vasiutina E.S., Russian State Social University, Moscow

Problems of Introduction of the Patent System for Regulating the Self-Employment of the Population in the Russian Economy

The article deals with the problems of regulation of informal employment in the Russian labor market. The search for alternative options for the inclusion of self-employed groups in the institutional contour of the economically active population leads to the development of state measures that formalize the status of individual professional groups. One of the legislative initiatives in modern conditions is the introduction of a patent system of payments. Based on the analysis, the revealed systemic contradictions in the implementation and implementation of the draft law on self-employed.

Labor market; informal employment; self-employment; the patent system; the institutional contour of the labor market; the informal sector of the labor market

Zavyalov V.Yu., Novosibirsk Institute of Clinical Psychology Society, Novosibirsk

Do not Succumb to Deception and Learn to Give Up

Addiction; deception; market; consumer behavior; motivation; health

В следующих номерах Вы прочтете:

Тема номера: Материалы будущего

- Симбиоз новых направлений науки
- Коммерциализация проектов создания новых наноматериалов

К столетию революции 1917 г.

- Историко-экономическая оценка революции 1917 г.
- Подходы к реформированию экономики Сибири в 1917 г.
- Государственная идентичность и пространственное развитие России
- Экономика России на рубеже XIX-XX веков

А также:

- Развитие корпоративной социальной ответственности в посткоммунистических странах
- Сибирский вектор трудовой миграции: тенденции последних лет
- Оценка социальных угроз для жизнедеятельности населения в Республике Саха (Якутия)
- Особенности динамики заболеваемости населения Сибирского приграничья
- К чему приведет «налоговый маневр 22/22»?
- Джон Ло как основоположник Столыпинского клуба
- Плюсы и минусы государственного участия в капитале компаний
- О сдвиге хозяйственного календаря
- Что определяет различия в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в регионах России?
- Производство и труд в пенитенциарной системе
- Тяжелый финансовый груз автомобильного транспорта в России
- Неналоговые доходы российских регионов: возможности для роста
- Региональный рынок облигаций – штиль перед штормом?
- Модель экспорта российского высшего образования
- Роль предпринимательских организаций в развитии рыбопромышленности Нижнего Поволжья (конец XIX – начало XX века)

0131-7652. «ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).
2017. № 10. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;

E-mail: eco@ieie.nsc.ru, ecotrends.ru

© Редакция журнала «ЭКО», 2017. Подписано к печати 23.09.17

Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 790. Заказ 133.

Новосибирский филиал ФГУП «Издательство «НАУКА»
630077, г. Новосибирск, ул. Станиславского, 25